

Георг Хенрик фон Вригт

Georg Henryk von Wright (1916–2003)

ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ

Посвящается Норману Малкольму

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая работа — плод моих исследований по теории действия, интерес к которой в свою очередь возник в результате увлечения анализом норм и оценок, формально-логическими аспектами понятия действия. В этой области мало что было сделано, однако ее разработка представлялась необходимой для того, чтобы "деонтическая логика" встала на прочную основу. От логики действия мои интересы переместились к объяснению действия. Сильное влияние в этом плане на меня оказала книга Ч. Тейлора "Объяснение поведения", благодаря которой я осознал, насколько глубоко вопросы объяснения пронизывают традиционные проблемы не только философии науки, но и философии вообще. Поэтому исследование, которое вначале мыслилось как анализ действия, в конечном итоге явилось вкладом в решение давнего вопроса о соотношении наук о природе и наук о человеке.

Рассматриваемые в данной работе вопросы являются дискуссионными, они чрезвычайно сложны и часто обсуждаются. Прежде я никогда так остро не ощущал опасности непонимания, даже на уровне терминологии. Сущность авторской точки зрения невозможно полностью уяснить из тех немногих тезисов, которые он выдвигает и защищает. Так, например, может сложиться впечатление, что я отстаиваю идею, согласно которой действия человека не могут иметь причины. Но ведь множество авторов и в прошлом, и в настоящее время утверждают, что действия могут иметь причины. Оспариваю ли я их точку зрения? Совсем не обязательно делать такой вывод. В самом деле, те, кто полагает, что действия могут иметь причины, часто вкладывают в понятие "причина" более широкий смысл, чем это делаю я, отрицая подобное понимание. Или же они понимают в другом смысле понятие "действие". Следовательно, не исключено, что "действия" в их смысле имеют "причины" в моем, или "действия" в моем смысле имеют "причины" в их понимании этого слова. Я далек от мысли о том, что мое употребление терминов лучше или, если говорить об обыденном языке, более естественно.

В то же время совершенно неверно было бы считать, что различие между точками зрения носит чисто терминологический характер, если при этом иметь в виду, что полное прояснение терминов необходимо приведет к полному согласию по существу дела. В процессе прояснения значения терминов будут использованы новые понятия, не менее спорные, чем "причина" и "действие". Сторонник и противник идеи

о том, что действия имеют причины, будут, по-видимому, связывать понятия причины и действия с этими другими понятиями разным способом. Один будет подчеркивать те различия, которые другой будет стремиться затушевать. Вероятно, "каузалист" свяжет интенции и мотивы с причинами, а действия — с событиями. "Акционист" сгруппирует понятия по-другому: мотивы — с действиями, а события — с причинами, и между этими группами он будет видеть глубочайшее различие. Первый, по-видимому, не согласится с тем, что решающая роль в формировании понятия причины принадлежит эксперименту. Или по крайней мере не согласится с мнением о том, что, поскольку эксперимент — это вид действия, понятие действия более фундаментально, чем понятие причинности. Другими словами, "каузалист" и "акционист" по-разному "плетут нити" концептуального каркаса, сквозь который они смотрят на мир, а следовательно, они видят мир по-разному. В исторической перспективе их видение мира можно связать с двумя традициями в мышлении, которые я пытаюсь описать и дифференцировать в главе I.

Первые три главы этой книги первоначально были написаны независимо друг от друга. Можно сказать, что по отношению друг к другу они автономны. Однако в IV главе делается попытка показать, как абстрактно анализируемые во II и III главах модели объяснения можно применить для решения экспликативных задач в историографии и социологии.

Первоначальные варианты II и III глав начиная с 1965 г. входили в мои различные академические курсы. Я благодарен моим слушателям за критические замечания, которые оказались стимулом к дальнейшему развитию идей. Первый обзор материала данной книги был сделан в моих тарнеровских лекциях осенью 1969 г. в Кембридже. Я хотел бы выразить признательность совету Тринити-колледж Кембриджского университета за приглашение прочитать лекционный курс. Без этого внешнего импульса результат моих исследований не был бы оформлен в виде книги. Выдержки из более законченного варианта рукописи были использованы в публичных лекциях в Корнеллском университете весной 1970 г. Я глубоко обязан председателю Лекционного фонда имени Э. Уайта и главному редактору серии "Современная философия" профессору М. Блэку за предоставленные мне возможности для завершения и публикации книги.

Лондон, 1971 г.

Георг Хенрик фон Вригт

Глава I. ДВЕ ТРАДИЦИИ

1. Две главные традиции в науке и философии научного метода: аристотелевская и галилеевская. Связь этих традиций с попытками человека понять предметы телеологически или объяснить их каузально.

2. Характеристика позитивизма как одного из направлений философии науки. Подчеркивание единства научного метода, математической строгости как идеала совершенства науки и идеи подведения явлений под общие законы.

3. Герменевтика как реакция на методологический монизм позитивизма. Науки о духе (Geistwissenschaften). Различие между объяснением и пониманием. Психологические и семантические аспекты понимания.

4. Позиции Гегеля и Маркса. Гегель и Аристотель. Явный "каузализм" марксизма в противоположность его неявной телеологии.

5. Возрождение позитивизма и включение его в более широкое течение аналитической философии. Раскол в последней. Неявный антипозитивизм лингвистической философии. Традиционный позитивизм аналитической философии науки. Методология наук о поведении и социальных наук в середине столетия.

6. Гемпелевская теория научного объяснения. Дедуктивно-номологическая и индуктивно-вероятностная модели охватывающего закона. Вторая является не моделью объяснения, а средством для оправдания ожиданий и предсказаний.

7. Разделение сферы телеологии на области функции и цели, с одной стороны, и интенциональности— с другой. Кибернетика и "причинное истолкование телеологии".

8. Критика позитивистского истолкования научных законов. Конвенционализм. Различие между номической необходимостью и случайным единообразием. Роль модальной логики и проблемы условных контрфактических высказываний в возрождении понятия естественной необходимости.

9. Возникновение аналитической философии действия. Энскомб об интенциональности и практическом рассуждении. Критика позитивизма в аналитической философии истории (Дрей) и социальных наук (Уинч).

10. Возрождение герменевтической философии наук о духе (Geisteswissenschaften). Черты сходства с аналитической философией. Расхождение в марксизме между "гуманитарной" ориентацией на герменевтику и "сциентистской" ориентацией на позитивизм.

1. В научном исследовании, рассматриваемом в очень широкой перспективе, можно выделить два основных аспекта. Один заключается в установлении и открытии фактов, другой — в построении гипотез и теорий. Эти два аспекта научной деятельности именуется иногда описательной и теоретической наукой.

Построение теории служит двум главным целям. Одна состоит в предсказании событий или результатов экспериментов и, таким образом, в предвосхищении новых фактов. Другая заключается в том, чтобы объяснить или сделать понятными уже известные факты.

В первом приближении такие классификации полезны, но не следует принимать их слишком строго. Открытие и описание фактов не всегда концептуально отделимо от теории, которая часто способствует пониманию этих фактов(1). С другой стороны, предсказание и объяснение иногда рассматриваются как по существу тождественные процессы научного мышления, отличающиеся, так сказать, только во временной перспективе(2). Предсказание направлено от данного положения дел к будущему, объяснение же обычно направлено от настоящего к прошлым событиям. Считается, однако, что элементы объяснения и предсказания сходны, похожи и связывающие их отношения. Одни элементы представляют собой факты, другие — законы. Однако подобное понимание объяснения и предсказания можно подвергнуть сомнению(3). Сомнение выражается в постановке вопроса о роли общих законов в научном объяснении и вопроса о том, является ли построение теории в естествознании и в гуманитарных и социальных дисциплинах по существу одинаковым.

Некоторые проблемы соотношения упомянутых понятий — описания, объяснения, предсказания и теории — полезно рассмотреть в свете истории познания.

В истории идей можно выделить две основные традиции, расходящиеся по вопросу о том, при каких условиях объяснение удовлетворяет требованиям научности. Одну из этих традиций иногда называют аристотелевской, другую — галилеевской(4). Эти названия указывают, что у первой традиции очень древние корни в духовной истории человечества, в то время как вторая — относительно недавнего происхождения. Здесь есть доля истины, но необходима оговорка. Традиция, которую я называю галилеевской, восходит, минуя Аристотеля, еще к Платону(5). Не следует также считать, что аристотелевская традиция в настоящее время — это устарелый предрассудок, от которого наука постепенно "освобождается".

Что касается понимания научного объяснения, то различие между традициями обычно характеризуется как различие между каузальным и телеологическим объяснением(6). Объяснения первого типа называют также механистическими(7),

второго — финалистскими. Галилеевская традиция в науке развивалась параллельно с успехом каузально-механистического подхода в объяснении и предсказании явлений, аристотелевская же — вместе с попытками человека сделать факты телеологически или финалистически понятными.

Я не буду рассматривать развитие этих двух традиций с начала их возникновения, а также оценивать их относительное значение для прогресса науки. Я ограничусь рассмотрением периода приблизительно от середины XIX века до настоящего времени, обращая особое внимание на недавние результаты. Причем область моего анализа ограничивается методологией, под которой я понимаю философию научного метода.

2. Великое пробуждение или революция в естествознании в период Возрождения и эры барокко в определенной степени аналогичны обращению к систематическому изучению человека, его истории, языка, нравов и социальных институтов в XIX веке. Исследования Ранке и Моммзена в историографии, Вильгельма фон Гумбольдта, Расмуса Раска, Якоба Гримма в лингвистике и филологии, Тейлора в социальной антропологии сравнимы с достижениями Коперника и Кеплера в астрономии, Галилея и Ньютона в физике или Везалия и Гарвея в анатомии и физиологии, сделанные двумя-тремя столетиями ранее.

Поскольку естествознание уже достигло теоретического уровня, а гуманитарные науки еще не были знакомы с научными требованиями, постольку вполне естественно, что главным вопросом методологии и философии науки XIX века стал вопрос о взаимоотношении этих двух основных ветвей эмпирического исследования. Принципиальные позиции в решении этого вопроса можно связать с двумя выделенными основными традициями в методологическом мышлении.

Одна из таких позиций — это философия науки, самыми типичными представителями которой являются Огюст Конт и Джон Стюарт Милль. Ее обычно называют позитивизмом. Это название принадлежит Конту, но с определенными оговорками его можно отнести также к позиции Милля(8) и ко всей интеллектуальной традиции, восходящей не только к Конту и Миллю, но и к Юму и философии Просвещения.

Одной из догм позитивизма(9) является методологический монизм, т.е. идея единообразия научного метода независимо от различия областей научного исследования(10). Вторая догма выражается в том, что точные естественные науки, в частности математическая физика, дают методологический идеал или стандарт, по которому измеряют степень развития и совершенства всех других наук, включая гуманитарные(11). Наконец, третья догма связана с особым пониманием научного объяснения(12). Научное объяснение является, в широком смысле, "каузальным"(13). Более точно, оно заключается в подведении индивидуальных случаев под гипотетические общие законы природы(14), включая "природу человека"(15). Финалистские объяснения, т.е. попытки трактовать факты в терминах намерений, целей, стремлений, либо отвергаются как ненаучные, либо делается попытка показать, что их можно преобразовать в каузальные, если должным образом очистить от "анимистских" и "виталистских" элементов(16).

Подчеркивая единообразие метода, математический идеал науки и важность общих законов для объяснения, позитивизм примыкает к той длительной и разветвленной традиции в истории мысли, которую я называю галилеевской(17).

3. Как реакция на позитивизм возникла другая позиция по вопросу о взаимоотношении наук о природе и наук о человеке. Антипозитивистская философия науки, получившая развитие к концу XIX столетия, гораздо более разнородна и разнообразна, нежели позитивизм. Иногда ее характеризуют термином "идеализм", однако это справедливо лишь для некоторых сторон данного направления. С моей точки зрения, более удачно название "герменевтика" (см.

ниже, с. 66). Это направление представляют выдающиеся немецкие философы, историки и социологи. Наиболее известны, может быть, Дройзен, Дильтей, Зиммель и Макс Вебер. С этим же направлением связаны Виндельбанд и Риккерт — неокантианцы баденской школы. К идеалистической ветви этого антипозитивистского направления в методологии можно отнести итальянского ученого Кроче и выдающегося британского философа истории и искусства Коллингвуда.

Все эти мыслители отвергают методологический монизм позитивизма и мнение о том, что единственный и высший идеал рационального постижения действительности дает точное естествознание. Многие подчеркивают противоположность между науками, которые, подобно физике, химии или физиологии, стремятся к обобщениям воспроизводимых и предсказуемых явлений, и такими, которые — как история — ставят целью понять индивидуальные и неповторимые особенности объектов изучения. Науки, занятые поисками законов, Виндельбанд предложил называть "номотетическими", а дескриптивное изучение индивидуального — "идеографическим"(18).

Антипозитивисты выступают и против позитивистской концепции объяснения. Имевшую столь большое влияние методологическую дихотомию, по-видимому, первым ввел немецкий историк и философ Дройзен. Он назвал ее дихотомией объяснения и понимания в немецком языке *Erklären* и *Verstehen*(19). Цель естественных наук, говорил он, заключается в объяснении, цель же истории — понимание явлений, входящих в сферу ее изучения. С систематической полнотой эти идеи были затем разработаны Вильгельмом Дильтеем(20).

Собственную область применения метода понимания он назвал науками о духе (*Geistwissenschaften*). В английском языке нет хорошего эквивалента, однако следует напомнить, что этот термин появился как перевод на немецкий язык английского понятия "наука о нравах" (*moral science*)(21).

В обычном словоупотреблении не проводится четкого различия между словами "понять" и "объяснить". Практически любое объяснение, будь то каузальное, телеологическое или какое-то другое, способствует пониманию предметов. Однако в слове "понимание" содержится психологический оттенок, которого нет в слове "объяснение". Эта психологическая черта подчеркивалась разными методологами-антипозитивистами XIX века, с наибольшей силой, может быть, Зиммелем, который полагал, что понимание как специфический метод гуманитарных наук есть форма вчувствования (*empathy*; нем. *Einfühlung*) или воссоздание в мышлении ученого духовной атмосферы, мыслей, чувств и мотивов объектов его изучения(22).

Но не только этот психологический оттенок позволяет отличить понимание от объяснения. Понимание особым образом связано с интенциональностью. Можно понять цели и намерения другого человека, значение знака или символа, смысл социального института или религиозного ритуала. Этот интенционалистский, или семантический, аспект понимания стал играть важную роль в более современных методологических дискуссиях (см. ниже, разд. 10)(23).

Если признать методологическое различие между естественными и историческими науками о духе, то сразу же встает вопрос о статусе социальных и поведенческих наук. На зарождение этих наук в прошлом столетии оказали значительное влияние как позитивистские, так и антипозитивистские тенденции. Поэтому неудивительно, что эти науки стали ареной спора двух противоположных направлений в философии научного метода. Наследием Просвещения XVIII века, которое заслужило одобрение позитивизма XIX века, явилось применение математических методов в политической экономии и других формах социального исследования. Сам Конт ввел термин "социология" для научного изучения человеческого общества(24).

Из двух великих социологов (на рубеже XIX — XX веков) Эмиль Дюркгейм в методологии(25) был, в сущности, позитивистом, а у Макса Вебера позитивизм сочетался с признанием телеологии ("zweckrationales Handeln") и понимания как вчувствования ("verstehende Soziologie")(26).

4. Гегель и Маркс — два великих философа прошлого столетия, которые оказали глубокое и длительное влияние, в частности, и на разработку методологии. Однако трудно определить позиции этих философов в отношении позитивизма XIX века или реакции на него(27). В вопросе метода гегелевское и марксистское мышление четко ориентируется на законы, всеобщую обусловленность и необходимость(28). В этом оно сходно, по крайней мере на первый взгляд, с позитивистским (естественно) научно ориентированным направлением. Однако когда Гегель и Маркс рассматривают, например, исторический процесс, то понимание ими закона сильно отличается от того, которое лежит в основе ("галилеевского") каузального объяснения*. Диалектическая схема развития через тезис, антитезис и синтез также не является примером каузального стиля мышления(29). Представление о законе и развитии Гегеля и Маркса приближается к тому, что мы могли бы назвать концептуальной или логической связью(30).

Сам Гегель считал себя последователем Аристотеля(31). Однако в отличие от этого великого философа Гегель был мало знаком с естественными науками. В этом смысле ему был чужд позитивизм и, наоборот, были очень близки философы, занимавшиеся науками о духе. Поэтому, несмотря на противопоставление "гуманитарного" "натуралистическому", можно считать Гегеля великим реставратором аристотелевской традиции в философии метода после средневековья. Если так, то он необходимо встает в оппозицию к платоновскому духу Возрождения и науки барокко. Как и для Аристотеля, для Гегеля идея закона — это прежде всего идея внутренней связи, которая постигается путем рефлектирующего понимания, а не индуктивное обобщение, которое устанавливается путем наблюдения и эксперимента. И для того, и для другого философа объяснение заключается не в том, чтобы сделать явления предсказуемыми на основе выявления их действительных причин, а скорее в том, чтобы сделать эти явления телеологически понятными(32). Если учесть близкую связь антипозитивистской методологии XIX века с Гегелем, то в целом ее можно отнести к старой, аристотелевской традиции, вытесненной тремя столетиями ранее новым духом в философии науки, самым выдающимся выразителем которого был Галилей(33).

5. Расцвет позитивизма в середине и конце XIX века на рубеже веков сменился антипозитивистской реакцией. Однако в период между двумя мировыми войнами позитивизм возродился, причем в более энергичной форме, чем раньше. Новое движение было названо неопозитивизмом или логическим позитивизмом, позднее — логическим эмпиризмом. Характеристика "логический" была добавлена для того, чтобы указать на поддержку, которую возрожденный позитивизм надеялся найти в новых достижениях формальной логики.

Возрождение логики после пяти веков упадка и застоя (примерно с 1350 по 1850 г., не считая блестящего, но обособленного вклада Лейбница в XVII в.) само по себе имело огромное значение для методологии и философии науки. Однако вряд ли можно считать, что формальная логика внутренне связана с позитивизмом или позитивистской философией науки. Связь логики с позитивизмом в нашем веке явилась скорее исторической случайностью, чем философской необходимостью.

Логический позитивизм 20—30-х годов XX века был главным, хотя далеко не единственным источником, из которого возникло широкое течение в философии, сейчас обычно называемое аналитической философией. Было бы неверно отождествлять его с позитивизмом. Однако вклад аналитической философии в

методологию и философию науки до недавнего времени действительно осуществлялся преимущественно в духе позитивизма, если под "позитивизмом" понимать философию, защищающую методологический монизм, математический идеал научности и дедуктивно-номологическую концепцию научного объяснения. Это произошло в силу нескольких причин, одна из которых связана с разделением аналитической философии на два главных направления.

Одно из этих направлений — лингвистическая философия, или философия обыденного языка. Главным ее источником явилась философия позднего Витгенштейна и его последователей в Оксфорде в 1950-х годах. По сути, это направление склоняется к оппозиции позитивизму, хотя до недавнего времени это открыто не обнаруживалось. По понятным причинам философия обыденного языка мало интересуется проблемами философии науки.

Совершенно отлично от лингвистического другое направление аналитической философии, которое восходит к логическому атомизму Рассела, раннего Витгенштейна и к неопозитивизму Венского кружка. Преимущественная сфера исследования этого направления — философия науки, а внутренняя ориентация, в силу его происхождения, является позитивистской. В значительной мере данное направление разделяет с позитивизмом XX века веру в прогресс благодаря успешному развитию науки и распространению рационалистического подхода — "социальной инженерии" — к анализу человеческой деятельности(34).

Долгое время аналитическая философия науки почти исключительно занималась проблемами оснований математики и методологией точного естествознания. Отчасти это было обусловлено той ролью, которую (математическая) логика играла для этого типа философии. Однако постепенно внимание аналитических философов стали привлекать проблемы методологии поведенческих, социальных и исторических наук, в какой-то степени в силу проникновения в эти науки точных методов. Обратившись к этим проблемам, аналитическая философия включилась в традиционный спор между позитивистской и антипозитивистской методологиями, и в середине столетия вновь разгорелись старые дискуссии. Непосредственным источником возрождения полемики послужила новая формулировка старой позитивистской теории научного объяснения.

6. На обсуждение проблем объяснения в русле традиции аналитической философии оказала решающее влияние классическая статья К. Г. Гемпеля "Роль общих законов в истории", опубликованная в 1942 году в "The Journal of Philosophy". Концепции объяснения, аналогичные гемпелевской, уже выдвигались логическими позитивистами и другими представителями аналитической философии(35). По существу, все эти концепции являются вариантами теории объяснения, выдвинутой еще классическим позитивизмом, в частности Миллем.

Ретроспективно кажется почти иронией судьбы то, что наиболее полная и ясная формулировка позитивистской теории объяснения была разработана применительно к области, для которой эта теория подходит, очевидно, в наименьшей степени, а именно к области истории. Но может быть, именно поэтому гемпелевская статья породила такое огромное количество споров и дискуссий.

Теория Гемпеля получила известность как модель (или теория) объяснения посредством закона. Это название принадлежит одному из критиков данной теории Уильяму Дрею(36). Другое и, может быть, более удачное название ее — "подводящая" теория объяснения.

В ряде последующих публикаций Гемпель расширил, разъяснил и несколько модифицировал свои первоначальные воззрения(37). Он также провел различие между двумя подмоделями общей модели объяснения посредством охватывающего закона. Мы будем называть их дедуктивно-номологической и индуктивно-вероятностной моделями(38). Первую можно схематически описать следующим

образом.

Пусть E будет событием, имеющим место и нуждающимся в объяснении. Почему произошло E ? Чтобы ответить на этот вопрос, мы указываем на некоторые другие события или положения дел E_1, \dots, E_m и на одно или несколько общих суждений или законов L_1, \dots, L_n , таких, что из этих законов и того факта, что имеют место (существуют) другие события (положения дел), логически следует E .

В приведенном схематическом описании дедуктивно-номологической модели Гемпеля E называется экспланандумом или экспликандумом. Я буду называть его также объектом объяснения. E_1, \dots, E_m я буду называть экспланансом или экспликатом. Можно назвать их также базисом объяснения. L_1, \dots, L_n представляют собой "охватывающие законы", под которые при объяснении подводятся эксплананс и экспланандум(39).

Можно поставить вопрос: применима ли модель Гемпеля к объектам, не являющимся событиями? Часто мы хотим знать, не почему произошло некоторое событие, а почему достигается или не достигается некоторое положение дел. Очевидно, этот случай также укладывается в схему Гемпеля. Он даже более фундаментальный, так как понятие события можно анализировать (определять) с помощью понятия положения дел. Можно сказать, что событие представляет собой пару последовательных положений дел(40).

Другой вопрос, возникающий при описании данной модели, состоит в следующем: должны ли события E_1, \dots, E_m , которые образуют базис объяснения, возникать раньше E или они могут быть одновременны с ним или даже возникать позже E ? Это важный вопрос, позднее мы обсудим некоторые его аспекты. Если события E_1, \dots, E_m предшествуют объекту объяснения E , мы будем говорить о них как об антецедентах E .

Собственный гемпелевский, теперь знаменитый, пример является типичным примером дедуктивно-номологического объяснения. Экспланандум в нем — некоторое событие, а эксплананс состоит из антецедентных событий и состояний(41). Почему радиатор моего автомобиля ночью лопнул? Бак был полон воды; крышка была плотно завинчена; не был добавлен антифриз; автомобиль был оставлен во дворе; температура в течение ночи неожиданно упала ниже нуля. Это все антецеденты. В сочетании с законами физики, в частности, с законом, по которому вода при замерзании расширяется, эти предшествующие события объясняют разрыв радиатора. Зная антецеденты и соответствующие законы, мы могли бы с определенностью предсказать рассматриваемое событие. Это действительно хороший пример объяснения, но историки нуждаются в объяснениях не такого типа.

При обсуждении гемпелевской теории объяснения мы в основном ограничимся дедуктивно-номологической моделью. Однако кратко мы рассмотрим и индуктивно-вероятностную модель и сделаем критические замечания(42).

Объектом индуктивно-вероятностного объяснения также является индивидуальное событие E . Базис объяснения образует множество других событий или состояний E_1, \dots, E_m . Роль охватывающего закона, "соединяющего" или "связывающего" базис с объектом объяснения, выполняет вероятностная гипотеза: если имеются E_1, \dots, E_m , то весьма вероятно, что произойдет E .

Здесь уместно задать вопрос: в каком смысле (если он вообще есть) базис и охватывающий закон объясняют действительное появление некоторого события?

Можно сказать, что дедуктивно-номологическое объяснение "объясняет", потому что говорит, почему E должно быть (появиться), почему E необходимо, если имеется базис и приняты определенные законы. Характерным для индуктивно-вероятностного объяснения является допущение возможности непоявления E . Тем самым оно оставляет место для дополнительного объяснения: почему в данном

случае E действительно появилось или почему оно не появилось. Ответ на этот вопрос будет задачей дедуктивно-номологического объяснения. Иногда можно ответить на него, а именно когда к базису объяснения можно добавить некоторое дополнительное состояние или событие K_{m+1} , такое, что, согласно принятым законам, событие вида E будет встречаться во всех случаях, когда совместно реализуются события E_1, \dots, E_{m+1} . (44) Теперь можно провести различие: при отсутствии дополнительной информации, которую дает дедуктивно-номологическое объяснение, мы не объяснили, почему произошло E , но объяснили, почему его можно ожидать.

Пусть имеется вероятностный закон (гипотеза), который гласит: если есть E_1, \dots, E_m , то с вероятностью p произойдет E , где p — средняя или низкая вероятность. Нельзя сказать, что такой вероятностный закон объясняет актуальное появление E . Но можно использовать информацию, содержащуюся в этом законе, для вывода другого вероятностного закона: относительная частота, с которой будет встречаться E в тех случаях, когда встречаются E_1, \dots, E_m , с высокой вероятностью близка к значению p . Появление E с этой относительной частотой — это другое индивидуальное событие, которое можно ожидать.

Характерным применением вероятностных законов является предсказание с высокой вероятностью относительных частот появления событий, вероятности которых имеют любое значение — высокое, низкое или среднее. Случай, когда частота-событие есть появление самого E , т.е. появление E с относительной частотой 1, представляет собой предельный случай более общего использования вероятностей в предсказаниях. Поэтому можно сказать, что индуктивно-вероятностная модель Гемпеля представляет собой лишь специальный случай своеобразного использования исчисления вероятностей в целях предсказания.

Различие между этими двумя моделями гораздо глубже, чем иногда думают. Главной функцией дедуктивно-номологической модели является объяснение появления определенных событий. Поэтому она также — уже вторично — объясняет, почему их следует ожидать. Этих событий можно ожидать, потому что они должны произойти. Индуктивно-вероятностная модель переворачивает это отношение. В первую очередь она объясняет, почему можно было ожидать (или не ожидать) событий, которые уже произошли. И только во вторую очередь она объясняет, почему события произошли, а именно: "потому что" они имели высокую вероятность. Я думаю, однако, лучше говорить, что индуктивно-вероятностная модель не объясняет что-то, а оправдывает определенные ожидания и предсказания.

То, что мы сказали, совсем не означает отрицания (подлинных) объяснений, в которых вероятность играет важную роль. Одним из примеров такого объяснения является следующий.

Пусть имеется гипотеза, согласно которой вероятность события E при некоторых E_1, \dots, E_m равна, например, p . Обнаруживают, что событие E появляется в совокупности (большой части) данных условий с относительной частотой, сильно отличающейся от p .

Почему это происходит? Можно дать два ответа на этот вопрос. Первый состоит в том, чтобы отнести все за счет "случая". Мы всегда можем воспользоваться таким объяснением, но в целом это крайняя мера. Другой ответ заключается в поиске и обнаружении некоторого дополнительного условия E_{m+1} , которое также присутствовало в совокупности условий E_1, \dots, E_m . Вероятностное значение p' , отличное от p , связано с появлением E в условиях E_1, \dots, E_m, E_{m+1} . Допустим, что это именно та вероятность, с которой ожидается относительная частота актуального появления E (в указанном выше смысле). Это аналогично нахождению причины (E_{m+1}) замеченного различия между частотой и вероятностью (p). Такая процедура

проверки корректности предлагаемого объяснения подобна каузальному анализу, описание которого будет дано ниже. Можно назвать такую процедуру вероятностным каузальным анализом. В методологии объяснения такой анализ занимает важное место, но в данной работе он не будет подробно обсуждаться(45).

7. В гемпелевской (дедуктивно-номологической) модели объяснения не используются понятия причины и следствия. Модель охватывает более широкую область, подобластью которой считаются каузальные объяснения(46). Спорным является вопрос о том, все ли каузальные объяснения действительно соответствуют гемпелевской схеме. Можно задать и такой вопрос: будет ли эта схема действительно выражать объяснение, если охватывающие законы не будут каузальными?

Ответ на оба эти вопроса зависит от понимания причинности. Я попытаюсь показать, что в связи с объяснением существует важный аспект понятия "причина", не имеющий отношения к данной модели. Однако это понятие употребляется и в таком значении, которое соответствует ей. Более того, мне представляется, что термин "каузальное объяснение" предназначен именно для прояснения такого употребления. Тогда безусловно правильно, что каузальное объяснение соответствует модели объяснения посредством закона, хотя, может быть, и не тому упрощенному ее варианту, который был представлен в предыдущем параграфе. Проверка универсальной значимости подводящей теории объяснения заключается прежде всего в ответе на вопрос, справедлива ли указанная модель также и для телеологических объяснений.

Область, традиционно относимую к телеологии, можно разделить на две подобласти. Первая — это область понятий функции, цели (полноты) и "органического целого" ("системы"). Вторая — это область целеполагания и интенциональности(47). Понятия функции и цели используются преимущественно в биологических науках, понятие интенциональности — в науках о поведении, социальном исследовании и историографии. Однако сферы исследований биологии и наук о поведении в значительной мере пересекаются, поэтому пересекаются также и области понятий функции, цели и полноты, с одной стороны, и целеполагания и интенциональности — с другой. Тем не менее полезно проводить между ними различие.

Год спустя после публикации статьи Гемпеля, в 1943 г. появилась важная работа Розенблюта, Винера и Бигелоу под названием "Поведение, цель и телеология"(48), которая оказалась новой вехой в разработке современной теории объяснения. Хотя работа была написана независимо от Гемпеля, ее, с точки зрения исторической перспективы, следует рассматривать как попытку распространить "каузалистскую" и, соответственно, подводящую концепцию объяснения на биологию и науки о поведении(49).

Центральным понятием "каузалистского" описания целесообразности, предложенного авторами этой работы(50), является понятие отрицательной обратной связи. Система, в которой каузальный фактор, например нагревательный прибор, производит некоторое следствие, скажем, повышение температуры в комнате, может быть связана с другой системой так, что "непоявление" следствия, т.е. в нашем примере понижение температуры ниже определенного уровня, приводит к "корректировке" действия каузального фактора, например к увеличению силы нагревания. В этом случае фактор-следствие второй системы придает действию каузального фактора первой "видимость телеологии", хотя обе системы ведут себя в соответствии с каузальными законами. Следствия, появляющиеся в обеих системах, объясняются на основании "начальных условий", образованных каузальными факторами, при помощи охватывающих законов, которые связывают причины и следствия.

Авторы рассматриваемой статьи выдвинули тезис о том, что целесообразность вообще можно объяснять посредством подобной взаимной связи каузальных систем(51). Система с механизмом обратной связи называется гомеостатической, или саморегулируемой. Такие механизмы в высшей степени характерны для живых организмов, например регулирование температуры у позвоночных животных аналогично действию "нагревательного прибора" в примере с "термостатом".

Предлагаемый Розенблютом, Винером и Бигелоу анализ телеологии, по-видимому, согласуется с подводящей концепцией научного объяснения. Однако неясно, является ли схема объяснения, которая используется в этом анализе, дедуктивно-номологической в том смысле, как описывалось выше. Чтобы разобраться в этом, необходимо продолжить анализ дальше. Значительный вклад в анализ саморегулируемых и других телеологических процессов впоследствии был внесен другими авторами, наиболее известны среди них — Брэйтвейт и Нагель(52).

Общее исследование систем контроля и механизмов управления, одним из примеров которых являются гомеостатические системы, известно под названием кибернетики. Кибернетика оказала огромное, если не революционное, влияние на современную науку, особенно биологию и инженерию. Полагают, что вклад кибернетики в науку середины столетия сравним по значению с революцией в физике, вызванной несколькими десятилетиями ранее появлением теории относительности и квантовой теории(53). Насколько я могу судить, для методологии влияние кибернетики выразилось в значительном росте влияния "каузалистской" и "механистической" точки зрения в духе галилеевской традиции. В то же время ее воздействие укрепило некоторые главные догмы позитивистской философии науки, особенно идею о единообразии научного метода и подводящую теорию объяснения. В антипозитивистских кругах такая поддержка со стороны кибернетики иногда отрицается, указывается на огромное различие между кибернетическими и физическими системами более простого и традиционного типа. Различие, несомненно, существует(54), и оно отражается в различии между схемой, объясняющей действие кибернетического управления и механизмов контроля, и более "упрощенным" схематизмом гемпелевской модели, использующей охватывающий закон. Однако я хотел бы подчеркнуть, что это различие существенно, если говорить только о сложности и логической изощренности моделей, но оно не затрагивает основных принципов объяснения или понимания природы научных законов.

8. Понятие закона природы и вообще законоподобного единообразия занимает важное место в позитивистской философии науки(55). В этом отношении модели объяснения Гемпеля являются типично "позитивистскими".

Для позитивизма характерно более или менее четкое понимание природы естественных и других научных законов. Согласно этому пониманию, законы, упрощенно говоря, выражают регулярное или постоянное сопутствование (связь) явлений, т.е. характерные черты, проявляющиеся в объектах, положениях дел или событиях. Прототипом закона является либо универсальная импликация ("Все А есть В"), либо вероятностная связь. В идеальном случае связываемые законом явления должны быть логически независимыми. Это требование приблизительно эквивалентно идее о том, что истинностное значение законов не носит характера логической необходимости, а определяется опытной проверкой(56). А поскольку любое утверждение об истинности закона всегда выходит за рамки имеющегося опытного знания, законы в принципе полностью не верифицируемы.

Рассмотрим следующую попытку объяснения. Почему эта птица черная? Ответ: это ворон, а все вороны черные. Этот ответ соответствует дедуктивно-номологической схеме Гемпеля. Но действительно ли мы объяснили, почему ворон черен?(57) Если мы, как философы, не склоняемся к той точке зрения, что любое

подведение индивидуального случая под обобщение является объяснением, то мы инстинктивно усомнимся в позитивности такого ответа. Мы хотели бы знать, почему вороны черные, что является "причиной" цвета, который, как мы считаем, характерен для них.

Для того чтобы наша потребность в объяснении была удовлетворена, необходимо, чтобы базис объяснения был более строго связан с объектом объяснения, чем просто посредством закона, устанавливающего универсальное сопутствование свойства быть вороном и свойства быть черным.

По-видимому, имеется два способа удовлетворить этому требованию. Первый заключается в том, чтобы найти "причину" черного цвета воронов, т.е. некоторую другую характеристику птиц этого вида, которая отвечает за их окраску. Другой способ состоит в том, чтобы придать предлагаемому ответу экспликативную силу посредством утверждения, что чернота в действительности является характерной особенностью вида воронов. Принятие любого из этих ответов означает, что мы рассматриваем сопутствие не просто как универсальное, но в некотором роде как необходимое.

Второй подход сталкивает нас с таким пониманием естественных законов, которое может рассматриваться как альтернативное классическому позитивистскому пониманию. Согласно этой альтернативной концепции, научный закон не может быть опровергнут экспериментом, так как его истинность является аналитической, логической. Тогда согласование с законом является некоторым стандартом, посредством которого индивидуальные случаи классифицируются как подпадающие или не подпадающие под родовые явления, связываемые этим законом. Все А есть В, поэтому если вещь, предположительно являющаяся А, оказывается не В, то на самом деле она не является А. Такие стандарты для суждения о вещах являются искусственными соглашениями, принимаемыми в процессе образования понятий. Поэтому такая точка зрения называется конвенционализмом(58).

Доведенные до крайней степени, позитивизм и конвенционализм оказываются противоположными точками зрения приблизительно в том же смысле, в каком противоположны крайний эмпиризм и крайний рационализм. Однако сравнительно легко найти между ними компромисс. Здравомыслящий позитивист согласится с тем, что некоторые научные принципы имеют характер аналитических истин, в то время как другие явно являются эмпирическими обобщениями. Он заметит, кроме того, что в процессе исторического развития науки граница между этими двумя категориями часто смещается(59).

Можно сказать, что конвенционалистское понимание научных законов не содержит концептуальных элементов, которые были бы чужды позитивистской философии науки. Хотя позитивизм неоднократно подвергался атакам конвенционализма и наоборот, эти две позиции имеют много общего(60). Общим принципом обеих концепций научного закона является отрицание ими существования "среднего" звена — естественной необходимости, как ее иногда называют, отличной, с одной стороны, от эмпирического обобщения и, с другой стороны, от логической необходимости.

По той же самой причине и позитивизм, и конвенционализм должны отрицать, что "экспликативная сила" каузальных законов основана на том, что они устанавливают необходимую связь природных событий. Подвергнуть сомнению идею о том, что универсальная истина должна быть либо акцидентальной (случайной, эмпирической), либо логически необходимой, — значит гораздо более серьезно выступить против позитивизма, чем это делает конвенционализм.

Подобное сомнение тем не менее является традиционным, и оно связано с противопоставлением "аристотелевской" и "галилеевской" традиций в философии науки. Особенно интересно отметить здесь то, что оно возникло и получило новый

импульс внутри самой аналитической философии.

Одним из его источников послужило возрождение в середине XX столетия интереса к модальной логике и философии модальных понятий. Представители философской логики усвоили идею о том, что логическая необходимость и возможность представляют собой только виды более обширного рода, внутри которого можно различать разные формы необходимости и возможности. Само по себе возрождение модальной логики не реабилитировало понятие естественной необходимости как отличной от логической необходимости и от "просто" случайного обобщения. Идея естественной необходимости остается спорной и многими аналитическими философами рассматривается как подозрительная или определенно порочная. Однако модальная логика проложила путь к изменению позитивистского понимания естественных законов, которое долгое время разделялось аналитическими философами(61).

На изменение признанного понимания естественных законов в позитивистской традиции более непосредственно повлияла проблема контрфактических высказываний. Эта проблема была поставлена в классических статьях Р. Чизхолма (1946) и Н. Гудмена (1947) и с тех пор обсуждалась в огромном количестве статей и книг. Несколько упрощая, можно сказать, что ее значение для проблемы понимания характера научных законов состоит в следующем.

Иногда наше убеждение в том, что если бы не случилось p , то случилось бы q , опирается на нашу веру в номическую(62), или законоподобную, связь между (общими) суждения p и q . Однако не всякая значимая универсальная импликация, связывающая два суждения, может считаться достаточной основой. Возникает вопрос: как охарактеризовать законоподобность или как отличить (нелогическую) номическую связь от "случайного" универсального сопутствования(63). В работе, написанной около пятнадцати лет назад, я утверждал, что понятие контрфактического высказывания само включено в это различие и поэтому не может быть объяснено посредством него(64). Вытекающая из обсуждения проблемы контрфактических высказываний "мораль" заключается в том, что отличительным признаком номической связи, законоподобности, является не универсальность, а необходимость(65). Если эта точка зрения верна, то позитивистское понимание закона опровергается, хотя это может не затронуть подводящую теорию объяснения. В данной книге я не буду обсуждать проблему контрфактических высказываний, но я надеюсь в какой-то мере прояснить природу "необходимости", в силу которой некоторые универсальные регулярности становятся номическими.

9. Насколько глубоко кибернетические объяснения проникают в область телеологии? Распространяются ли они за пределы биологии дальше — в область наук о человеке? На этот последний вопрос можно было бы ответить, указав на огромное значение кибернетических представлений для экономики, социальной психологии и даже юриспруденции(66). Однако этот ответ недостаточно проясняет суть дела. Остается неясным, дает ли использование в этих областях идей, заимствованных из кибернетики, объяснения, соответствующие подводящей* модели. Я полагаю, что в целом это не так. Если я прав и если верно, что кибернетические объяснения гомеостатических систем и т.п. в биологии соответствуют подводящей модели, то "кибернетика" социальной науки и биологии различается гораздо больше, чем можно было бы полагать, если бы речь шла об ассимиляции различных исследовательских направлений под этим общим названием.

В сферу кибернетических объяснений, соответствующих модели объяснения посредством закона, вошли, я полагаю, преимущественно те аспекты телеологии, которые лишены интенциональности. Важное место среди объектов, которым присуща интенциональность, принадлежит действиям. Поэтому окончательная

проверка универсальной справедливости подводящей теории объяснения должна быть проверкой возможности успешного применения этой модели к объяснению действий.

Многие аналитические философы, может быть даже большинство, полагают, что подводящая теория объяснения выдерживает такую проверку. Совершать действия побуждают мотивы; сила мотивов заключается в том, что их присутствие означает предрасположенность следовать определенным образцам поведения; такие образцы (предрасположенности) играют роль "законов", связывающих в каждом отдельном случае мотивы с определенным действием. То, что я сейчас описал, является сознательным упрощением идеи, которая в более или менее изощренных формах продолжает привлекать воображение философов(67). Речь идет о той идее, что действия имеют причины, а следовательно, о детерминистской позиции в старом вопросе о "свободе воли".

Однако среди аналитических философов существует и противоположное мнение по поводу применимости подводящей модели к объяснению действия.

* Термин "подводящий" мы будем употреблять для краткости, имея в виду "объяснение посредством подведения под закон".

Одно из направлений оппозиционного отношения к этой модели представлено (аналитическими) философами, которые занимаются проблемами методологии истории. Критические замечания этих философов сосредоточены на роли общих законов в истории — теме, давшей название той статье Гемпеля, в которой модель объяснения посредством закона впервые была четко сформулирована.

Почему объяснения историков редко (если это вообще бывает) ссылаются на общие законы? Сторонники подводящей теории исторического объяснения, конечно же, хорошо об этом знают. Но истолковывают этот факт они по-разному.

С точки зрения Гемпеля, в исторических объяснениях отсутствуют полные формулировки общих законов главным образом потому, что законы эти слишком сложны, а наше знание их недостаточно точно. Объяснения историков являются в характерном смысле эллиптическими, или неполными. Строго говоря, это лишь наброски объяснения. "Такое объяснение, — говорит Гемпель, — может быть вполне ярким и убедительным, и основная схема его в конечном итоге может быть расширена, с тем чтобы увеличить убедительность аргумента с помощью более полной формулировки объяснительных гипотез"(68).

По мнению К. Поппера — другого видного представителя подводящей теории объяснения, — причина отсутствия формулировки общих законов в исторических объяснениях заключается в том, что эти законы слишком тривиальны и поэтому не заслуживают явного упоминания. Мы знаем эти законы и неявно считаем их несомненными(69).

Принципиально иное понимание роли законов в исторических объяснениях предлагает У. Дрей в своей важной книге "Законы и объяснение в истории", вышедшей в 1957 году. Исторические объяснения обычно не ссылаются на законы вовсе не потому, что эти законы так сложны и непонятны, что нам остается довольствоваться лишь наброском объяснения, и не потому, что они слишком тривиальны для того, чтобы о них упоминать. Причина, по Дрею, состоит просто в том, что исторические объяснения вовсе не опираются на общие законы.

Рассмотрим, например, такое утверждение: Людовик XIV умер непопулярным, так как проводил политику, наносящую ущерб национальным интересам Франции(70). Каким образом сторонник модели объяснения посредством закона мог бы защитить свое мнение о том, что в этом объяснении неявно используется закон? Общий закон, гласящий, что все правители, которые становятся непопулярными, даст

охватывающую модель для данного объяснения только при условии присоединения к нему столь многих ограничивающих и разъясняющих условий, что в конечном итоге он окажется эквивалентным утверждению: все правители, которые проводили точно такую же политику, что и Людовик XIV, при точно таких же условиях, которые существовали во Франции и других странах, вовлеченных в политику Людовика, становились непопулярными. Если точное сходство политических действий и важнейших условий нельзя выразить в общих терминах, то данное утверждение вовсе не является "законом", так как с необходимостью оно относится только к одному случаю, а именно к Людовику XIV. Если же это сходство можно выразить, что практически вряд ли возможно, то тогда у нас будет подлинный закон, однако единственным примером этого закона будет именно тот случай, для "объяснения" которого он и формулируется. Следовательно, в любом случае защита этого закона будет сводиться лишь к повторению известного ранее, т.е. того, что причиной непопулярности Людовика XIV была его неудачная внешняя политика.

Итак, древская критика роли общих законов в исторических объяснениях ведет к полному отрицанию модели объяснения посредством закона. В этой связи интересно сравнить "Законы и объяснение в истории" Дрея с книгой Гардинера "Природа исторического объяснения", опубликованной пятью годами раньше (1952). Насколько я могу судить, "методологические интенции" этих двух авторов в значительной мере сходны. Однако в то время как для намерений Гардинера влияние господствовавшей позитивистской философии науки (хотя, может быть, и неявное) оказалось разрушительным, Дрей прекрасно достигает цели в освобождении современной "аналитической" философии истории от оков позитивизма. Он добивается этого как "отрицательным" путем — посредством критики идеи использования модели объяснения через закон в качестве инструмента для исторического объяснения, так и "положительным" путем — подчеркивая *sui generis** характер моделей объяснения действий людей. Несомненно, критическая часть является самой сильной стороной работы Дрея. В позитивной же части отразились поиски "аналитической" философии действия, в тот период делающей лишь первые шаги.

Согласно Дрею, объяснить некоторое действие — значит показать, что оно было соответствующим, или рациональным, в каком-то данном случае(71). Дрей называет такое объяснение рациональным.. В достаточной мере прояснить характер такого объяснения Дрею не удается. Он, на мой взгляд справедливо, полагает, что объяснение данного типа обладает собственными логическими характеристиками, однако он излишне усложняет свою проблему, пытаясь отыскать эти характеристики в элементе оценки, а не в типе телеологии(72).

Древская модель объяснения обладает сходством с традиционными идеями о методологической роли вчувствования и понимания. Хотя концепцию Дрея невозможно поместить в русло современной континентальной философии наук о духе, зато можно проследить интересную связь его идей с гегелевской традицией, представленной Коллингвудом (и Оукшоттом)(73).

В том же году, что и книга Дрея, вышла работа Э. Энскомб "Интенция". Благодаря этой работе центральное место в последующей дискуссии по философии действия среди аналитических философов заняло понятие интенциональности(74). Несмотря на то, что в книге Энскомб проблемы теории действия непосредственно не затрагиваются, две ее идеи оказались важными для этой области. Первая состоит в наблюдении, что поведение, интенциональное при одном его описании, не обязательно будет интенциональным при другом. Тем самым для объяснения некоторого образца поведения приобретает значение то, как оно описано, т.е. как оно

* Своего рода (лат.).

понято в качестве действия. Здесь отражается концептуальная значимость различия между объяснением и пониманием (ср. ниже, гл. III, разд. 2, и гл. IV, разд. 1).

Энскомб привлекла также внимание к особому логическому характеру рассуждения, традиционно известного как практический силлогизм. Идея этого рассуждения восходит к Аристотелю и является, по мнению Энскомб, одним из лучших его открытий. Но по причине неверного истолкования эта идея впоследствии оказалась утраченной в философии(75). Подобрать ключ к правильной интерпретации ее нелегко. Собственные рассуждения Аристотеля об этом предмете несистематичны, а его примеры часто сбивают с толку. Один из способов реконструкции основной идеи состоит в следующем: исходная, или большая, посылка силлогизма говорит о некоторой желаемой вещи, или цели действия; в меньшей посылке некоторое действие связывается с этим желаемым результатом как средство его достижения; наконец, в заключение говорится об использовании средства для достижения цели. Таким образом, как в теоретическом выводе утверждение посылок с необходимостью приводит к утверждению заключения, так в практическом выводе согласие с посылками влечет за собой соответствующее им действие(76).

Я думаю, Энскомб правильно полагает, что практический силлогизм не является формой доказательства, что рассуждение этого типа качественно отличается от доказательного силлогизма(77). Тем не менее его свойства и отношение к теоретическому рассуждению сложны и до сих пор остаются неясными.

Практический силлогизм имеет огромное значение для объяснения и понимания действия. Главная идея данной книги заключается в том, что именно практический силлогизм является той моделью объяснения, которая так долго отсутствовала в методологии наук о человеке и которая является подлинной альтернативой модели объяснения через закон(78). Как подводная модель является моделью каузального объяснения и объяснения в естественных науках, так практический силлогизм является моделью телеологического объяснения в истории и социальных науках.

В работах Энскомб и Дрея отразился возрастающий интерес аналитической философии к понятию действия и формам практического рассуждения. За этими первыми работами последовал ряд других(79). Однако лишь с появлением важной книги Ч. Тейлора "Объяснение поведения" (1964 г.) эта новая область исследований аналитической философии получила связь с теорией объяснения поведения в психологии и науках о поведении. Книга Тейлора, подобно кибернетике, но с совершенно других позиций, возобновила дискуссию по проблеме телеологии в философии науки. Различие же в позициях можно охарактеризовать как различие между галилеевским и аристотелевским пониманием целенаправленного поведения.

Достижения и идеи аналитических философов, занимающихся проблемой действия, не остались без ответа у более позитивистски ориентированных философов. Ряд современных авторов продолжает упорно защищать идею применимости каузальных категорий к объяснению действия и вообще поведения(80).

В "аналитической" философии социальных наук позицию, до некоторой степени аналогичную позиции Дрея в "аналитической" философии истории, занимает П. Уинч. Его работа "Идея социальной науки", опубликованная в 1958 году, так же как и книга Дрея, направлена против позитивизма и в защиту исследования социальных явлений методами, принципиально отличающимися от методов естествознания. В истоках работы Уинча отчасти лежит "понимающая" методология М. Вебера и отчасти гегелевская традиция, представленная в Англии Коллингвудом и

Оукшоттом. Наибольшее же влияние оказал на него поздний Витгенштейн.

Центральной проблемой книги Уинча является вопрос о критерии социального поведения (действия). Для того чтобы превратить некоторые зарегистрированные образцы поведения в социальные факты, социолог должен понять их "значение". Он достигает этого понимания посредством описания (интерпретации) данных в терминах понятий и правил, конституирующих для агентов, поведение которых он изучает, "социальную реальность". Описание и объяснение социального поведения должны даваться в тех же концептуальных рамках, в каких мыслят сами агенты социального исследования. В силу этого социолог не может оставаться сторонним наблюдателем по отношению к объекту изучения, как это делает ученый, исследующий природу. Этим-то и объясняется концептуальная истинность психологической доктрины вчувствования. Вчувствованное понимание не есть "переживание", это способность участвовать в "форме жизни"(81).

Уинч исследовал априорные основания методов социологии. В этом смысле его книга представляет собой вклад в методологию(82). Некоторые же критики Уинча, по-видимому, считают, что он рассматривает социологию как априорную науку, т.е. науку, которая объясняет и понимает социальные явления посредством априорных методов. Это серьезное заблуждение(83).

Книга Уинча трудна и непонятна. А делая упор на значимости правил для понимания социального поведения, она к тому же, как мне кажется, является односторонней, так как упускает аспект интенциональности и телеологии в таком поведении(84).

10. Таким образом, позитивистская методология и философия науки были подвергнуты сомнению в рамках главного течения аналитической философии. Большое значение в этом смысле имела публикация работ Энскомб, Дрея и Уинча. Годы их публикации— 1957— 1958 — как бы знаменуют собой этот поворот. Позитивизм подвергался критике главным образом теми философами-аналитиками, на мышление которых оказал влияние поздний Витгенштейн. Некоторые из этих философов ориентировались также на феноменологию и другие направления неаналитической философии(85).

Такой поворот в аналитической философии до некоторой степени аналогичен тому, который произошел в континентальной философии, в которой развивались сходные идеи. Я имею в виду главным образом направление, именуемое себя герменевтикой, или герменевтико-диалектической философией, которое получило широкую известность в 1960-х годах(86).

Герменевтику сближают с аналитической философией две характерные черты, заслуживающие особого внимания. Во-первых, центральной проблемой герменевтики является идея языка и ориентированные на язык понятия — "значение", "интенциональность", "интерпретация" и "понимание"(87). Эта черта отражена в самом названии "герменевтика", что означает искусство интерпретации(88). Проблемы философов-герменевтиков — это по большей части те же самые проблемы, которыми занимался Витгенштейн, особенно в поздний период(89). Поэтому совсем не будет удивительным, если философия Витгенштейна сможет оказать такое влияние на европейскую философию, которое по степени, если не по характеру, можно будет сравнить с его влиянием на Венскую школу логического позитивизма в 30-х и Оксфордскую школу лингвистического анализа в 50-х годах.

Второй чертой герменевтической философии, которая из других направлений феноменологии именно ее сближает с аналитической философией, является отношение к методологии и философии науки(90). В противоположность позитивистской идее единообразия науки герменевтическая философия защищает *sui generis* характер методов интерпретации и понимания, которые используются в

науках о духе. В этом отношении она восстанавливает и развивает интеллектуальное наследие антипозитивизма, представленное на рубеже XIX — XX веков неокантианством и неогегельянством.

"Понимание", являющееся предметом рассмотрения герменевтической философии, следует отличать от вчувствования, или *Einfühlung*, поскольку оно рассматривается скорее как семантическая, а не психологическая категория. Столь часто выдвигаемое позитивистскими философами возражение против понимания, сводящееся к тому, что понимание представляет собой лишь эвристический прием, возможно помогающий найти объяснение, но отнюдь не являющийся конститутивным элементом его концептуальной структуры, может быть, и справедливо по отношению к некоторым более ранним и устаревшим вариантам методологии вчувствования(91). Однако что касается методологии понимания как таковой, это возражение никак нельзя назвать справедливым.

Как уже отмечалось выше (разд. 4), трудно определить отношение Гегеля и Маркса к позитивистской и антипозитивистской философии науки XIX века. В какой-то степени это справедливо и по отношению к современному марксизму как к одному из основных идейных течений.

Я попытался связать развитие философии научного метода с двумя главными традициями в истории идей. Мы видели, что за последние сто лет философия науки развивалась в рамках то одной, то другой из двух существенно противоположных позиций. Философию Гегеля сменил позитивизм; после антипозитивистской и отчасти неогегельянской реакции на рубеже XIX—XX веков появился неопозитивизм; в настоящее время снова возникает интерес к аристотелевской проблематике, возрожденной Гегелем.

Считать, что истина лежит на стороне одной из двух противоположных позиций, было бы, несомненно, иллюзией. Я далек здесь от той тривиальной мысли, что доля истины содержится в обеих позициях и что по некоторым вопросам возможен компромисс между ними. Может быть, это и так. Однако противоположность этих позиций обнаруживается на столь глубоком уровне, на котором уже невозможно говорить об их примирении или опровержении и даже, в некотором смысле, невозможно говорить об их истинности. Противоположен выбор изначальных, основополагающих понятий концепции. Можно охарактеризовать этот выбор как "экзистенциальный" — это выбор точки зрения, которая не имеет дальнейшего обоснования.

Тем не менее существует диалог между этими позициями, и иногда он оказывается успешным. Временное преобладание одной из тенденций обычно наступает в результате достижения ею крупного успеха, который в свою очередь является следствием критики со стороны второй тенденции. Тенденция, добившаяся успеха, никогда не восстанавливается в прежнем виде, но всегда несет на себе отпечаток критики. Характер этого процесса можно описать гегелевскими словами "*aufgehoben*" и "*aufbewahrt*", что лучше перевести как "вытесненный" и "сохраненный". Вытесняемая позиция, как правило, растрчивает свой полемический пыл на критику таких черт противоположной концепции, от которых последняя уже избавилась, а сохраненное содержание позиции, начинающей преобладать, стремится рассматривать как деформированную тень своего собственного содержания. Именно это происходит в наши дни, когда, например, позитивистская философия науки, отвергая *Verstehen*, приводит аргументы, которые, может быть, и справедливы, но только по отношению к Дильтею или Коллингвуду, или когда философию биологии Витгенштейна принимают за разновидность бихевиоризма.

Глава II. ПРИЧИННОСТЬ И КАУЗАЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

1. Причинность не является устаревшей категорией в философии науки. Подводящая теория объяснения отвергает идею номических связей и вместе с тем — проблему причинности.

2. Каузальные отношения как отношения обусловленности. Достаточные и необходимые условия. Экстенционально-кванторное и интенционально-модальное понимание отношений обусловленности.

3. Асимметрия причины и следствия. Эту асимметрию нельзя истолковать только в терминах временного отношения. Возможность "ретроактивной причинности".

4. Формально-логический аппарат: пропозициональная логика, пропозициональная модальная логика и пропозициональная временная логика для дискретного времени. Положение дел как основная онтологическая категория. Понятие мира и его истории. Топологическое представление возможных историй мира. Понятие системы.

5. Каузальный анализ систем. Цепи достаточных условий не могут иметь пробелов; цепочки необходимых условий могут иметь пробелы. Понятие замкнутости.

6. Типы каузального объяснения. Вопросы "почему необходимо?" и "как возможно?". Ответы на вопросы первого типа можно использовать для предсказаний, ответы на вопросы второго типа — для ретросказаний. Квазителеология, или каузальное объяснение целесообразности в природе.

7. Замкнутый характер систем устанавливается путем "приведения их в движение" посредством вмешательства в ход природных событий.

8. Действие и причинность. Различие между совершением действия и вызыванием следствия. Базисные действия.

9. Эксперименталистское понятие причинности. Различие между причиной и следствием основывается на различии между совершаемыми действиями и вызываемыми посредством них следствиями. Фактуальные условия, обеспечивающие логическую возможность действия, являются также и основой для проведения различия между номическими связями и случайными единообразиями в природе.

10. Проблема асимметрии каузального отношения. Повторное рассмотрение возможности ретроактивной причинности. Предполагается, что, совершая базисные действия, агент может вызывать предшествующие события в нервной системе. Детерминизм — это метафизическая иллюзия, обусловленная склонностью считать, что для установления номических связей достаточно простого наблюдения регулярных последовательностей.

1. Среди философов давно стало принято проводить различие между причиной и следствием, с одной стороны, и основанием и следствием — с другой. Первое отношение является фактуальным и эмпирическим, второе — концептуальным и логическим. До того как различие между этими отношениями получило признание, оно часто игнорировалось или затушевывалось, особенно в рационалистической философии XVII века. Но когда оно было ясно осознано (во многом благодаря Юму), возникли новые проблемы(1). Вероятно, все каузальные связи являются фактуальными, однако очевидно, что далеко не все фактуальные связи носят каузальный характер. Что же тогда, помимо эмпирического характера, является отличительной чертой каузальных связей? Согласно Юму, отношение между причиной и следствием — это регулярное сопутствование (конкретных проявлений) родовых явлений. Проецировать такую регулярность в будущее — значит делать индуктивное умозаключение, основываясь на прошлом опыте(2).

Со времени Юма причинность остается "трудным ребенком" для эпистемологии и философии науки. Было приложено много усилий, чтобы показать либо ошибочность юмовского понимания причинности, либо, если принималась его точка зрения,

возможность удовлетворительного решения проблемы индукции, или, как ее часто называли, "проблемы Юма"(3), которую он оставил открытой. В целом эти усилия не достигли успеха, и неудовлетворительное состояние проблемы индукции было названо "скандалом в философии"(4).

Подобные трудности послужили, вероятно, одной из причин, объясняющих убеждение некоторых философов в том, что роль понятия причинности в науке незначительна и в конечном итоге это понятие может быть полностью устранено из научного мышления(5). В этом случае философия науки освободится от необходимости решать философские проблемы, связанные с причинностью. Наиболее ярко это мнение отражено в знаменитом эссе Бертрانا Рассела "О понятии причины", где с присущим ему остроумием он пишет: "Философы каждой школы воображают, что причинность — это одна из фундаментальнейших аксиом или постулатов науки. Но как это ни странно, такие развитые науки, как, например, гравитационная астрономия, обходятся вовсе без этого понятия... Я убежден, что закон причинности есть пережиток прошлой эпохи, уцелевший—подобно монархии — только потому, что ошибочно считался безвредным"(6). И далее продолжает: "Несомненно, старый "закон причинности" только потому продолжает проникать в книги философов, что большинству из них неизвестно понятие функции, и поэтому они прибегают к чрезмерно упрощенной формулировке"(7).

Можно согласиться с Расселом в том, что "закон причинности", что бы он ни значил, является типичной конструкцией философов и не имеет собственного места в науке. Однако возражение Рассела против самого понятия причины более спорно. По-видимому, он полагает, что причина — это преднаучный предшественник научного понятия функции.

Хотя понятия "причина" и "следствие" и другие элементы каузальной терминологии и не играют значительной роли в развитых теоретических науках, каузальные идеи и каузальное мышление все же не так устарели, как можно было бы полагать, исходя из изменений в терминологии, т.е. из распространения термина "функциональное" отношение вместо "причинного". Как замечает Э. Нагель, понятие причины "не только обнаруживается в повседневной речи и исследованиях экономистов, социальных психологов и историков, оно проникает и в описания лабораторных исследований у естествоиспытателей, так же как и в интерпретации математического формализма у многих физиков-теоретиков"(8). Другой видный современный философ науки, П. Суппес, идет еще дальше: "Вопреки представлениям того времени, когда было написано эссе Рассела, понятия "причинность" и "причина" свободно и широко используются физиками в их наиболее плодотворных исследованиях"(9).

Однако это последнее утверждение, видимо, является преувеличением. Пытаясь оценить значимость понятия причинности для науки, следует помнить, что слово "причина" и вообще каузальные термины используются во множестве значений. Не только "причины" в человеческих делах отличаются от "причин" естественных событий, но и в рамках естественных наук причинность не является однородной категорией. Понятие причины, которое я буду обсуждать в данной главе, существенно связано с идеей действия и, следовательно, — как научное понятие — с идеей эксперимента. Я думаю, это понятие играет важную роль в "описаниях лабораторных исследований у естествоиспытателей", но я меньше уверен в том, что оно включается также в "интерпретации математического формализма у многих физиков-теоретиков".

Я отдаю приоритет этому "акционистскому" (actionistic), или "эксперименталистскому", понятию причины в силу того, что, помимо его значимости для экспериментальных естественных наук, преимущественно именно оно обсуждается в философских дискуссиях об универсальной причинности и

детерминизме в противоположность свободе, о взаимодействии тела и мышления и т. д. Но я сочувствую и тем, кто считает, как, например, Б. Рассел и Н. Кэмпбелл(10), что такое понятие причины не играет важной роли в ведущих теоретических науках и в этих науках вполне можно использовать функциональную терминологию вместо каузальной. Но справедливо это или нет, остается фактом, что каузальное мышление как таковое не изгоняется из науки подобно злему духу, а следовательно, философские проблемы причинности остаются центральными в философии науки. Особое значение эти проблемы приобретают в теории научного объяснения.

Модель объяснения посредством закона первоначально рассматривалась как обобщение идей, связанных с каузальным объяснением(11). Специфические проблемы причинности в силу такого расширения концептуального горизонта многим казались утратившими актуальность, аналогично тому как Рассел отказал в философской значимости понятию причинности, так как его можно подвести под более широкую категорию функционального отношения. Однако это ошибочное мнение.

Как мы уже видели (гл. I, разд. 8), включенное в подводящую модель объяснения понятие закона само по себе проблематично. Современные дискуссии по этим проблемам выдвинули в центр обсуждения модальные идеи естественной необходимости и номической связи. Поскольку эти идеи тесно связаны с понятиями причины и следствия, можно объединить все вопросы, связанные с ними, под общим заголовком проблемы причинности. Если настаивать на том, что модель объяснения посредством закона обладает силой только в том случае, когда включенные в нее законы выражают (нелогические) номические связи, то это равнозначно утверждению, что объяснения посредством закона и каузальные объяснения, в сущности — одно и то же. А раз так, то проблемы гемпелевской модели объяснения сразу же превращаются в новую форму проблемы причинности(12).

2. Рассел предполагал, что в философии науки понятие причины вытесняется понятием функции. Наряду с понятием функции существует еще одно понятие, о котором можно утверждать то же самое: понятие условия. В данной работе я буду анализировать причинно-следственную связь в терминах отношений обусловленности, а не функциональных отношений.

Обычно различают необходимые и достаточные условия. Можно выделить и другие — способствующие условия, условия замещаемости и пр. Однако нам не понадобятся эти "вторичные" понятия об условиях(13).

Утверждение, что родовое(14) явление (состояние, событие) p является достаточным условием q , можно в первом приближении истолковать так: всякий раз, когда имеется p , будет иметь место также q ; присутствия (наличия) p достаточно, чтобы гарантировать присутствие (наличие) q . Утверждение, что p является необходимым условием q , означает, что всякий раз, когда имеется q , должно быть и p , т.е. присутствие (наличие) q требует или предполагает присутствие (наличие) p .

Если p "управляемо", т.е. если его можно производить или не допускать "по желанию" ("экспериментально"), то, производя p , мы можем получить то, для чего p является достаточным условием, а устраняя или предотвращая p , можно гарантировать отсутствие события, для которого p является необходимым условием.

Одно явление может быть и необходимым, и достаточным условием для некоторого другого явления. Условие может быть сложным, т.е. функционально-истинностным соединением некоторых родовых явлений. В отношении сложности и множественности условий необходимо обратить внимание на следующую асимметрию между различными видами условий.

Сложное достаточное условие представляет собой конъюнкцию. Для появления g может оказаться недостаточным наличия только p или только q . Но если p и q появляются вместе, то несомненно будет также и g . Сложное необходимое условие,

с другой стороны, — это дизъюнкция. Для появления p может не быть необходимо ни (безусловное) наличие q , ни (безусловное) наличие r ; тем не менее p может требовать присутствия по крайней мере одного из этих двух условий — q или r .

Дизъюнктивные достаточные условия могут "распасться" (resolved) на множество достаточных условий. Если p или q достаточны для появления r , то и p само по себе достаточно для этого, и q . Аналогично могут "распасться" конъюнктивные необходимые условия. Если конъюнкция p и q есть необходимое условие r , то и p , и q по отдельности необходимы для r .

Такие "асимметрии" понятий обусловленности могут найти интересное применение в индуктивной логике(15).

Множество каузальных факторов, которые трудно или даже невозможно выделить, если неопределенно говорить о "причине" и "следствии", можно различить в терминах условий(16). Понятия обусловленности могут также оказаться полезными для прояснения идей философов о (универсальном) детерминизме и (универсальном) законе причинности. Поэтому меня удивляет, что теория понятий обусловленности и ее применения относительно мало развита и изучена. В учебниках по логике эта теория редко даже упоминается. Мне же она представляется прекрасной пропедевтикой к логике и методологии науки.

Несмотря на полезность понятий обусловленности, с ними также связаны проблемы. Проблемы касаются их "места" в логике. Существуют две принципиальные позиции, противоположные друг другу. Одна относит такие понятия к теории квантификации, в логическом языке, включающем имена индивидов и предикаты, "основной формой" отношений обусловленности будет универсальная импликация $(x)(Px \rightarrow Qx)$. В более бедном языке, включающем только пропозициональные переменные, отношения обусловленности можно сформулировать как утверждения временной логики, их "основной формой" будет "всякий раз, когда p , то q " или в символической форме: $\Lambda (p \rightarrow q)$.

Позицию, согласно которой понятия обусловленности являются понятиями теории квантификации, можно также назвать экстенционалистским пониманием этих понятий. Альтернативную позицию я буду называть интенционалистской. Согласно последней, понятия обусловленности являются по сути модальными понятиями и "основная форма" отношения обусловленности — это строгая импликация $N (p \rightarrow q)$ (17).

По-видимому, понятия теории квантификации относительно непроблематичны в "философском плане". Экстенционалистское понимание обусловленности, следовательно, не связано с внутренними философскими трудностями. Недостатки этой позиции, насколько я могу судить, являются "внешними", а именно: можно подвергнуть сомнению идею о том, что экстенционалистская позиция дает адекватное описание отношений обусловленности. Некоторые считают, что адекватное описание можно дать только в модальных терминах. Однако с модальными понятиями в свою очередь связаны известные трудности "философского" характера. Таким образом, интенционалистская позиция должна расплачиваться за внешнюю адекватность внутренними философскими проблемами. По большей части это те же самые проблемы, которые осаждают идею номической, законоподобной связи. Они были введены в аналитическую философию главным образом через проблему контрфактических условных высказываний (см. гл. I, разд. 8).

Анализ каузальных идей посредством понятий обусловленности не избегает, но и не решает философских проблем, связанных с причинностью или идеей естественного закона. Однако этот анализ очень полезен, чтобы представить данные проблемы более ясно.

3. Независимо от понимания отношений обусловленности —

экстенционалистского или интенционалистского, — при любой попытке анализа каузальности в терминах понятий обусловленности мы сталкиваемся со следующими проблемами.

Из предварительного обсуждения понятий необходимых и достаточных условий следует, что p есть достаточное условие q , если, и только если, q есть необходимое условие p . Так, если дождь — достаточное условие увлажнения почвы, то последнее есть необходимое условие дождя. Аналогично, если наличие кислорода в окружающей среде является необходимым условием существования высших форм органической жизни, то органическая жизнь — достаточное условие для наличия кислорода. Следует заметить, что, пока речь идет об отношениях обусловленности, эти симметрии вполне обоснованны. Но применительно к причинности они удивляют своей абсурдностью. Как ясно из второго примера, странность заключается не в том, что мы приписываем каузальную роль фактору, который является "только" необходимым, но не достаточным условием, а в том, что при таком определении условий затушевывается безоговорочно признаваемая асимметрия между обуславливающим, или причинным, фактором и обусловленным фактором, или следствием. Если p есть причинный фактор по отношению к q , а q , следовательно, есть фактор-следствие по отношению к p , то мы, по крайней мере обычно, не считаем, что q есть причинный фактор по отношению к p , а p есть фактор-следствие по отношению к q . (Я говорю "причинный фактор", а не "причина" для того, чтобы избежать в данном случае полной идентификации терминов "причина" и "достаточное условие".) Данную проблему я буду называть проблемой асимметрии причины и следствия.

Можно попытаться решить ее, предположив, что эта асимметрия просто отражает асимметрию временных отношений. Появление причинного фактора должно во времени предшествовать появлению соответствующего следствия. Отношение предшествования во времени асимметрично. Если появление p предшествует во времени q , то в данном случае q не предшествует p . Конечно, не исключено, что в другом случае q может предшествовать (данному или) другому появлению p . Поскольку p и q — родовые феномены, постольку их временная асимметрия, т.е. соотношение их как причины и следствия, должна быть асимметрией конкретных проявлений факторов (см. ниже, разд. 10).

С проблемой временного отношения причины и следствия связан ряд других проблем. Если причина и следствие — это события, которые продолжаются в течение некоторого периода времени, то тогда возможно, что причина продолжает существовать после появления следствия. В подобном случае предшествование во времени будет заключаться в более раннем появлении причины. Проблематичнее другой вопрос: может ли быть промежуток времени между исчезновением причины и наступлением следствия или причина и следствие должны пересекаться во времени?

Альтернативой идеи обязательного предшествования причины следствию является идея о том, что следствие не может предшествовать причине. Тогда следует допустить, что причина может (начинать) появляться одновременно со следствием. Однако отношение одновременности симметрично. Поэтому, если причина и следствие могут быть одновременными, нам следует либо отказаться от понимания причинного отношения как всегда асимметричного, либо искать основание асимметрии не во времени, а в чем-то другом.

Правомерен даже такой вопрос: не может ли иногда следствие появляться или начинать появляться раньше причины? Как я надеюсь показать ниже, к возможности "ретроактивной причинности" следует отнестись серьезно(18).

В данной работе я не буду подробно останавливаться на обсуждении проблемы времени и причинности главным образом потому, что, по моему мнению,

асимметрию каузального отношения, отделение причинного фактора от фактора-следствия нельзя описать исключительно в терминах временного отношения. Источник данной асимметрии находится в чем-то другом.

4. Здесь я представлю формально-логический аппарат, который будет использоваться в данном исследовании. Он крайне прост.

Рассмотрим совокупность логически независимых родовых положений дел p_1, p_2, \dots . Примеры таких положений дел: "солнце светит", "дверь открыта". Я не буду глубже разъяснять понятие положения дел. Положение дел — это не обязательно нечто статичное, такие процессы, как "идет дождь", также можно рассматривать как "положение дел".

Родовой характер положения дел означает, что его можно или нельзя получить в некоторых случаях, а следовательно, можно или нельзя воспроизвести повторно. Я буду рассматривать родовой характер как существенное свойство всех положений дел, которые могут включаться в каузальные или другие номические связи друг с другом. Реализацию положения дел(19) в некотором случае можно также назвать локализацией положения дел в пространстве и времени. Мы будем обращать внимание только на временной фактор.

Наконец, логическая независимость положения дел означает, что логически возможно в любом данном случае получить или не получить любые их комбинации. Если число положений дел в совокупности конечно и равно n , то число таких возможных комбинаций будет 2^n . Любую такую комбинацию можно назвать полным состоянием или возможным миром. Для обозначения конъюнкции предложений и их отрицаний (порядок членов конъюнкции не важен), которые описывают положения дел, т.е. "атомы" или "элементы" возможного мира, был введен термин "описание состояния".

Рассматриваемое множество положений дел я буду также называть "пространством состояний". В нашем формальном анализе везде будет предполагаться, что пространства состояний являются конечными.

Допустим, что полное состояние мира в данном случае можно описать путем установления любого данного элемента некоторого пространства состояний, независимо от того, получается он или нет в этом случае. Удовлетворяющий этому условию мир можно назвать "миром Трактата". Именно такого рода мир исследовал Витгенштейн в своем "Логико-философском трактате". Он представляет собой частный случай более общей концепции структуры мира, которую можно назвать логическим атомизмом.

Является ли мир, в котором мы живем, "миром Трактата" или миром с логико-атомистической структурой? Это глубокий и сложный метафизический вопрос, и я не знаю, как на него ответить. (Тот факт, что "мир Трактата" "узок", что огромное множество известных и важных вещей остается за его пределами, не является убедительным возражением против идеи существования этого мира.) Однако независимо от нашего ответа нельзя отрицать, что в качестве упрощенной модели мира концепция Витгенштейна, развитая в "Трактате", и интересна сама по себе, и полезна для многих целей в философии логики и науки. Я буду использовать в своем анализе эту модель, что, в частности, означает, что положения дел рассматриваются мной как единственные "онтологические кирпичики", из которых составлен изучаемый нами мир. Мы не будем анализировать внутреннюю структуру этих "кирпичиков". Вещи, свойства и отношения — это онтологические сущности, анализ которых выходит за рамки нашего формально-логического исследования.

В основе формализма нашей логики лежит "классическая" двузначная пропозициональная логика (ПЛ). Я предполагаю, что этот раздел логики известен читателю. Его описание можно найти в любом учебнике по элементарной логике.

На основе ПЛ мы строим следующую (элементарную) временную логику(20).

К алфавиту ПЛ добавляется новый символ T , представляющий бинарную связку. Выражение " $p T q$ " читается так: "Сейчас происходит событие p , а затем, т.е. в следующий момент, происходит событие q ".

Выражения слева и справа от T могут быть соединением переменных и функционально-истинностных связок. Особый интерес представляет случай, когда они являются описаниями состояния. Полное выражение будет тогда говорить, что в данный момент мир находится в определенном состоянии, а в следующий момент находится в том же самом состоянии или в каком-то другом.

Выражения слева и справа от T могут сами содержать символ T . Можно построить цепочку формул — $T (— T (— T ...))...$, описывающих состояния, которые последовательно, т.е. в различные моменты некоторого отрезка времени, проходит мир. Особый интерес представляет случай, когда выражения, обозначенные как " $—$ ", являются описаниями состояния. Цепочку такого типа будем называть (фрагментом) истории мира. Термин "история" имеет двойственное значение: он может означать последовательность как самих полных состояний мира, так и их описаний.

Мы получим "логику" с оператором T , если к аксиомам пропозициональной логики добавим следующие четыре аксиомы:

$$T1. (p \vee q T r \vee s) \leftrightarrow (p T r) \vee (p T s) \vee (q T r) \vee (q T s)$$

$$T2. (p T q) \& (p T r) \rightarrow (p T q \& r)$$

$$T3. p \leftrightarrow (p T q \vee \sim q)$$

$$T4. \sim (p T q \& \sim q),$$

а к правилам вывода пропозициональной логики добавим правило: если эквивалентность некоторых выражений доказана, то они взаимозаменяемы (правило экстенциональности).

Если число возможных полных состояний мира (в данном случае) равно 2^{**n} , то число возможных историй мира в m последовательных моментах равно $2^{**}(m^{*}n)$. Удобно говорить, что n измеряет "ширину" мира, а m измеряет "длину" его истории. Дизъюнкцию $2^{**}(m^{*}n)$ различных возможных историй мы будем называть T -тавтологией или "тавтологичной историей". Она говорит о всех возможных путях изменения мира, когда "время проходит" от первого момента до момента t ., никак не ограничивая действительный ход событий. Таким образом, эта тавтология вообще ничего не говорит о его реальной истории.

Понятие T -тавтологии дает нам критерий логической истинности для исчисления со связкой T . Можно показать, что в данном исчислении доказуемы те, и только те, формулы, для которых доказуема их эквивалентность T -тавтологиям. Это означает, что логика связки T является семантически полной. Она также разрешима; относительно любой данной формулы можно показать, является ли она (доказывается ли ее эквивалентность) T -тавтологией.

Как должно быть ясно из приведенных объяснений и структуры нашего формализма (особенно аксиомы $T2$), в нашей временной логике время рассматривается как дискретное, как линейное течение исчислимых последовательных случаев (мгновений, моментов времени). Как и в случае допущения о логико-атомистической структуре мира, здесь также можно задать вопрос: "действительно" ли время имеет дискретную структуру? Не следует ли рассматривать время как "плотное", по крайней мере, т.е. такое, что между двумя любыми моментами времени всегда есть третий? И не следует ли считать его непрерывным? Нет необходимости останавливаться здесь на этих вопросах. Логика связки T в качестве упрощенной модели временной последовательности состояний мира вполне удовлетворяет целям нашего анализа.

Следует обратить внимание, что под "упрощенностью" модели я понимаю логическую простоту ее концептуальной структуры. Когда в научном анализе каузальные связи формулируются как функциональные зависимости между

переменными или когда в математических исчислениях анализируются функции, может оказаться значительно проще трактовать время как континуум, чем рассматривать его как развертывание дискретных моментов. Понимание законов природы как системы дифференциальных уравнений тесно связано с идеей непрерывности времени и пространства. Однако с логической точки зрения эта концепция чрезвычайно запутана и сложна и нелегко определить ее отношение к "действительности". Идея континуума, по-видимому, — это "идеализация", сглаживающая неровную поверхность действительности.

Можно добавить в исчисление коннективного Т-оператора временной квантор, например понятие "всегда" ("всякий раз, когда"). Если "всегда" обозначить символом Λ , то "никогда" можно определить как $\Lambda \sim$, а "иногда" — как $\sim \Lambda \sim$. Если добавить символ Λ в алфавит Т-исчисления, то в нашем логическом языке можно сформулировать такие высказывания, как "Всякий раз, когда есть р, в следующий момент будет q". Символически: $\Lambda (p \rightarrow \sim (p \text{ T } q))$. Мы не будем обсуждать проблемы аксиоматики и металогики (вопросы полноты, разрешимости и т.п.) в отношении этой кванторной логики дискретного времени(21).

Следующий, и последний, концептуальный элемент, добавляемый в наш формализм, — это оператор М. Оператор М выражает понятие возможности. Невозможность будет определяться как $\sim M$, а необходимость — как $\sim M \sim$. Аксиоматика нужной нам модальной логики должна обладать по крайней мере такой же силой, как система, образованная пропозициональной логикой, правилом экстенциональности и следующими аксиомами:

M1. $M (p \vee q) \leftrightarrow M p \vee M q$.

M2. $p \rightarrow M p$.

M3. $\sim M (p \& \sim p)$.

Мы не будем доказывать теоремы на основе этих аксиом и даже пытаться выразить результаты наших рассуждений в символическом языке ПЛ+Т+Л+М исчисления. Проблема надлежащей формализации логики обусловленности и каузального анализа (как я предлагаю его называть) в значительной мере остается еще открытой, но я надеюсь, что со временем она будет решена. В данной работе в лучшем случае предлагаются лишь отдельные компоненты, необходимые для ее решения.

Вместо формального анализа в рамках исчисления я буду использовать квазиформальный метод представления и иллюстрации посредством простых топологических фигур (деревьев). Пусть кружки обозначают полные состояния мира, "образованные" из некоторых "элементарных" n состояний. Последовательности кружков, связанных линиями слева направо, будут выражать возможные истории мира. Если кружок связан более чем с одним кружком, стоящим непосредственно справа от него, то эти последние означают альтернативные возможные состояния мира, следующие за состоянием, представленным первым кружком.

Данная фигура ничего не говорит о "внутренней структуре" полных состояний (возможных миров), образованных из n элементов. Не показывается даже, выражают ли два каких-либо кружка одно и то же или различные полные состояния. Мы примем соглашение о том, что альтернативные возможности, следующие непосредственно после данного состояния, все будут различны. (В противном случае будет получаться иногда совершенно бессмысленное умножение кружков.) Мы примем также соглашение о том, что верхняя горизонтальная линия (см., например, иллюстрацию на с. 86) представляет действительный ход истории мира на протяжении данного промежутка времени. Под этой "поверхностью действительности" лежит "глубина альтернативных возможностей".

Эта картинка позволяет изучить "свободу движения", которой обладает или обладал бы мир на каждой стадии своей истории. Свобода на разных стадиях может

быть большей или меньшей. Ее совсем может не быть, что выразится в продвижении от кружка к непосредственно следующему за ним справа без всяких альтернатив. Свобода мира может быть безграничной. Тогда за один шаг мир может измениться от данного состояния к какому-либо одному из 2^{**n} возможных состояний, которые образованы из тех же элементов. Если m означает число альтернативных возможностей развития на данной стадии истории мира, то можно использовать дробь

$$(m - 1)/(2^{**n} - 1)$$

для измерения степени свободы развития мира на этой стадии. Когда минимальное значение m равно 1, то степень свободы равна 0. Развитие мира от этой стадии к следующей, таким образом, в этой точке полностью детерминировано. Если же максимальное значение m равно 2^{**n} , то степень свободы равна 1. Ход истории мира в таком случае совершенно неопределен.

Фрагмент истории мира, подобный тому, который мы только что описали, я буду называть системой. Система (в этом смысле) определяется через пространство состояний: начальное состояние, число стадий развития и совокупность альтернативных возможностей развития на каждой стадии.

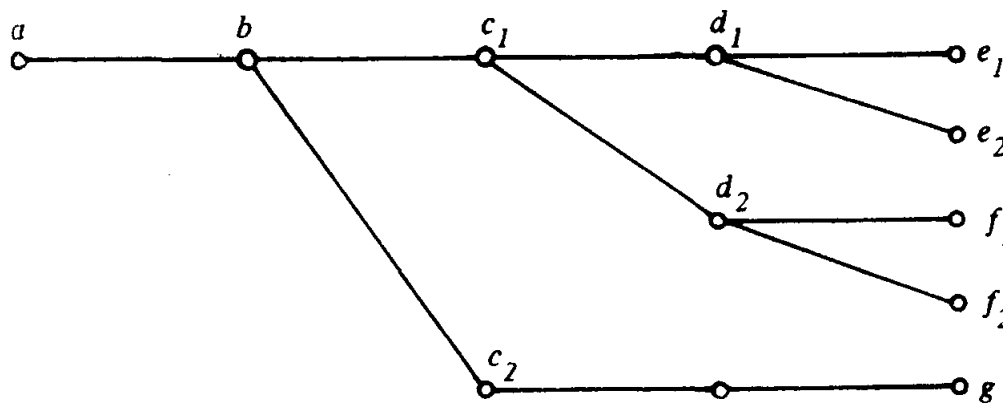
Данную систему можно расширить двумя способами. Первый заключается в том, чтобы продлить ее назад во времени, добавив стадии, предшествующие исходному состоянию, или вперед — добавив стадии, следующие за конечным состоянием. Другой способ состоит в добавлении новых элементов к пространству состояний. В первом случае произойдет удлинение и, возможно, увеличение количества ветвей топологического дерева. При втором способе может измениться форма дерева вследствие "расщепления" в точках пересечения (а следовательно, и увеличится количество ветвей). Например, если p первоначально не входило в пространство состояния фигуры на с. 86, а было включено позднее, то полное состояние b может "расщепиться" на два, а именно: $b \& p$ и $b \& \sim p$. Но произойдет ли в действительности такое расщепление, зависит от возможностей развития системы. Может быть, после a возможно только $b \& p$, но невозможно $b \& \sim p$. В этом случае расщепление в b не произойдет. Аналогичное справедливо и по отношению к остальным кружкам.

То значение понятия "система", которое мы используем, не легко отождествить с каким-либо общим или распространенным(22), но, несомненно, оно связано с несколькими известными значениями этого термина.

Примером системы в нашем понимании может служить осуществление решения и расчет возможных последствий (вариантов) в течение ограниченного промежутка времени, представляющие собой альтернативные реакции на следствия нашего решения(23). Деятельность, называемая планированием, обычно имеет структуру, сходную с "системой" в нашем понимании. Другим примером может служить наблюдение в физически изолированной области пространства за последовательностью изменений, например температуры, влажности, атмосферного давления, химического состава и т.п. Научные эксперименты часто имеют дело с системами такого характера или осуществляются в их рамках; ниже мы попытаемся описать, в чем состоит активный компонент деятельности "экспериментирования".

5. Для описания процедуры, которую я предлагаю называть каузальным анализом, удобно представить систему в виде топологических деревьев, являющихся фрагментами истории (возможного) мира.

Рассмотрим следующую систему:

Система актуально проходит через пять стадий — от a до e_1 . Возьмем конечное состояние e_1 . Мы хотим исследовать "причины" происхождения и структуру этого индивидуального события. Например, было ли прохождение системой через d_1 на четвертой стадии достаточным условием для ее реализации в e_1 ? Очевидно, нет, так как после d_1 , конечным состоянием могло быть также и e_2 . (Это следует из нашего соглашения о том, что e_1 и e_2 — это различные полные состояния системы. См. выше, с. 83.)

Далее, было ли прохождение через d_1 на четвертой стадии необходимым условием для реализации системы в e_1 ? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно проанализировать структуру всех других возможных предпоследних и конечных состояний системы. Если конечное состояние, тождественное e_1 , реализуется только после состояний, тождественных d_1 , то ответ будет утвердительным, если нет — отрицательным.

Следует заметить, что смысл вопроса о том, является ли d_1 тем или иным условием для реализации системы в e_1 , состоит в следующем: является ли то, что состояние системы на четвертой стадии в родовом (generically) смысле тождественно d_1 (т.е. ее структура, если говорить об элементах рассматриваемого пространства состояния, та же, что и у d_1), тем или иным условием для реализации ее в состоянии, которое тождественно e_1 .

Каузальный анализ может дать ответы на множество различных вопросов. В данной работе я не буду исчерпывающе или систематически рассматривать его, а ограничусь лишь несколькими специальными случаями. Помимо каузальных antecedентов конечного состояния в целом, нас могут интересовать некоторые его особенные свойства, т.е. "элементарные" состояния, такие, как p или q . Допустим, что p входит в e_1 . Является ли d_1 на четвертой стадии достаточным условием для появления p в конечном состоянии? Если p появляется в каждом возможном конечном состоянии системы, которое следует за (d_1 или за) предпоследним состоянием, тождественным d_1 , то тогда ответ утвердительный, если нет — отрицательный.

Зададим следующий вопрос: было ли d_1 , необходимым условием появления p в конечном состоянии? Если p появляется только в тех возможных конечных состояниях системы, которые следуют за состояниями, тождественными d_1 , т.е. если p отсутствует в каждом конечном состоянии, которое следует за состоянием, по структуре отличным от d_1 , то ответ утвердительный, если нет — отрицательный.

Поиск "причин" некоторого данного события или его свойств осуществлялся нами в процессе движения во времени от настоящего к прошлому. Отметим обстоятельство, фундаментально важное для метафизики причинности.

Если некоторое событие на определенной ступени в истории системы не является необходимым условием ее конечного состояния (или некоторых его свойств), то это не исключает возможности, что какое-то событие на более ранней стадии являлось таким условием. Например, пусть d , на четвертой стадии не является необходимым условием для появления p в e_1 , например потому, что p появляется также в f_1 .

Несмотря на это, s_1 на третьей ступени может оказаться таким необходимым условием, что будет иметь место, когда p не появляется в g .

Напротив, если некоторое событие на определенной стадии не является достаточным условием конечного состояния системы (или некоторых его свойств), то, значит, и на более ранней стадии не существует такого условия. Например, если d_1 не есть достаточное условие для появления p в e_1 , например потому, что p не появляется в e_2 , то s_1 также не есть такое условие.

Каузальный анализ можно проводить не только от данного состояния системы к прошлому, но также и к будущему ее состоянию. В силу параллелизма между необратимостью времени, с одной стороны, и асимметрией каузального отношения, с другой, каузальный анализ первого типа направлен главным образом на поиск причин данных следствий, в то время как анализ второго типа — на поиск следствий данных причин. События, следующие за некоторым данным событием и каузально с ним связанные, называют часто "консеквентами" (ср. гл. III, разд. 2).

В данной работе не будет рассматриваться каузальный анализ, направленный в будущее.

Теперь рассмотрим лишь фрагмент системы, изображенной на с. 86, например начиная с s_1 . Допустим, что p появляется в e_1 , но не появляется в f_1 , или f_2 (его наличие или отсутствие в e_1 несущественно). В рамках этой более узкой системы необходимым условием появления p в конечном состоянии будет такое предыдущее состояние, которое тождественно d_1 . Но из этого не следует, что то же самое будет справедливо и для более широкой системы. Если p есть свойство возможного конечного состояния g и если непосредственно предшествующее ему состояние отличается от d_1 (что мы вольны вообразить), то для более широкой системы такое отношение обусловленности не будет справедливым.

То же самое верно и для отношения достаточной обусловленности. Если p появляется в e_1 , и e_2 , то в рассматриваемом фрагменте предпоследнее состояние d_1 является достаточным условием появления p в конечном состоянии. Но если p не является свойством g , а непосредственно предшествующее g состояние тождественно d_1 , то для более широкой системы такое отношение обусловленности не будет справедливым.

Легко видеть, что если в более широкой системе имеет место некоторое отношение обусловленности, то оно необходимо будет иметь место и в меньшей системе, которая является ее фрагментом, но не наоборот(24).

Допустим, что в системе, начинающейся с s_1 , предпоследнее состояние, тождественное d_1 , является необходимым условием конечного состояния, содержащего p , но что в системе, начинающейся с a , это не выполняется. Поскольку первая система является фрагментом второй, то можно сказать, что для этой более широкой системы рассматриваемое отношение обусловленности справедливо в следующем относительном(25) смысле: если эта система проходит в своем развитии от начального состояния a через b к s_1 , то, если она реализуется в состоянии, содержащем p , она необходимо пройдет через d_1 . Здесь antecedent описывает достаточное условие (получения) необходимого условия, выраженного консеквентом(26).

Если некоторое отношение обусловленности справедливо для системы в целом, а не только для какого-то ее фрагмента, то оно не зависит ни от каких возможных изменений в развитии системы. Независимо от того, какие альтернативы "выбирает" система в ходе своего развития, появление, например, F на стадии m определенным образом связано с появлением, например, G на стадии n . Однако такое отношение обусловленности остается относительным для системы(27).

О закрытости системы каузальному влиянию извне можно говорить в нескольких смыслах(28). Это означает, во-первых, что нет такого состояния (или его свойства)

ни на какой стадии, которое имеет предшествующее достаточное условие вне системы. Поскольку слово "причина" обычно используется для обозначения достаточного условия, то когда мы говорим о цепочке последовательных событий, образующих "закрытую" систему, я думаю, мы часто имеем в виду именно такого типа закрытость каузальному влиянию. В этой работе я буду использовать термин закрытая система в этом смысле.

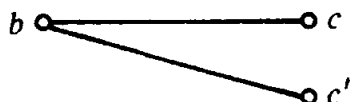
Такое понятие закрытой системы допускает релятивизацию. Например, система может быть закрыта в отношении некоторых, а не обязательно всех своих состояний, т.е. некоторые ее состояния не имеют внешних предшествующих достаточных условий, в то время как другие имеют такие условия.

6. Каузальный анализ следует отличать от каузального объяснения. В первом случае дана система, и мы пытаемся обнаружить в ней отношения обусловленности. Во втором случае дан некоторый родовой феномен (событие, процесс, состояние), и мы ищем систему, в которой этот (родовой) феномен, экспланандум, связан с другими через некоторое отношение обусловленности.

Далее, в зависимости от характера отношения обусловленности и/или места его в системе в целом можно различать виды, или типы, каузального объяснения. Я рассмотрю лишь несколько таких видов.

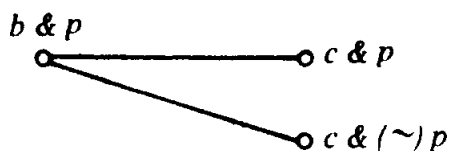
i. Дано полное состояние s , состоящее из некоторых элементарных состояний p_1, \dots, p_n . Почему произошло s ? Объяснение может заключаться в том, что s появилось после другого полного состояния b , состоящего из тех же элементарных состояний, и что b является достаточным условием для появления s . Если это справедливо, то получается система с крайне простой структурой: за начальным состоянием b без альтернативных вариантов следует конечное состояние s .

ii. Дано полное состояние s . Почему реализовалось именно это состояние, а не другое возможное, например s' ? Рассмотрение s' в качестве возможной альтернативы s обусловлено положением, которое занимают эти состояния в истории. Строго говоря, это означает, что после полного состояния b , о котором известно, что оно предшествует s , было возможно также и s' . Топологическое изображение системы таково:

Чтобы ответить на вопрос, почему произошло s , необходимо расширить систему либо во времени, либо в пространстве. Рассмотрим вначале второй вариант.

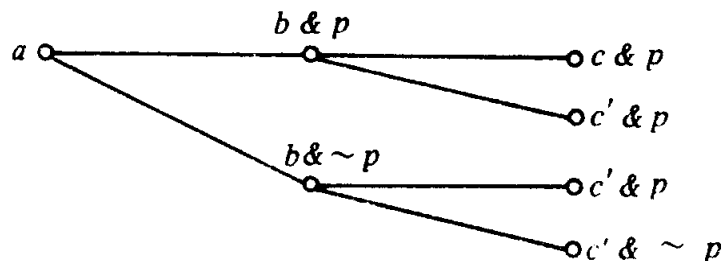
Мы можем обнаружить, что вместе с b реализовалось также состояние p , которое не являлось элементом исходного пространства состояний. Можно таким образом изобразить (фрагмент) системы, когда в пространство состояний включается p и структура состояний изменяется:

При ответе на первоначальный вопрос можно теперь сказать, что реализовалось s , а не s' , потому что присутствие p при обстоятельствах b явилось достаточным условием для появления конечного состояния s (независимо от того, остается p в мире или нет).

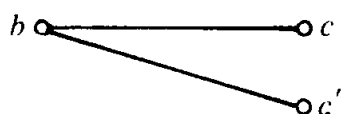
При объяснении такого типа мы часто называем p "причиной" s . Следует, однако, заметить, что в данном случае "причина" не является ни достаточным, ни необходимым условием следствия. "Причина" здесь — это фактор, который, будучи "добавлен" к данной совокупности обстоятельств (полному состоянию b), превращает эту совокупность в достаточное условие. Принимая термин, предложенный Э. Нагелем, можно обозначить p как "случайное достаточное условие". Можно назвать его также "относительным" условием(29).

iii. В описанном случае расщепление в b привело к обнаружению (относительного) достаточного условия. Можно обнаружить также (относительное) необходимое условие. Например, мы находим, что конечное состояние c следует за b только в том случае, если последнее реализуется с дополнительным свойством p . Если бы p не появилось в b , не могло бы произойти c . Однако из этого отнюдь не следует, что всякий раз, когда p добавляется в b , будет появляться c . Топологическая фигура, соответствующая этому типу каузального объяснения, может выглядеть так:

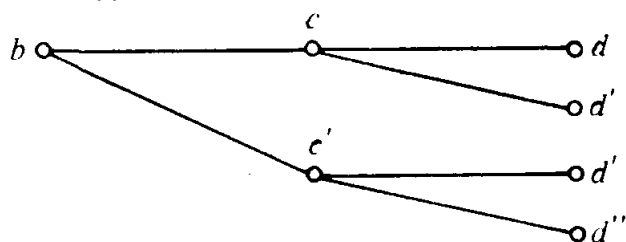

Если мы внесем сюда небольшую поправку, так, чтобы второй сверху кружок в крайнем справа ряду означал состояние $c \& \sim p$, то тогда наличие p в b будет, в относительном смысле, и необходимым и достаточным условием для c . Это означает нахождение в предшествующем экспланандуму состоянии такого свойства, отсутствие которого в этом состоянии (все остальное неизменно) будет препятствовать, а наличие (наряду с остальными) — гарантировать реализацию экспланандума.

iv. Вернемся к вопросу, поставленному в ii. Мы утверждали, что один из способов ответа на него заключается в расширении фрагмента системы

во времени. Это происходит так: мы замечаем, что после экспланандума c следует d ; мы полагаем, что c является необходимым условием этого состояния. Состояние d реализовалось, однако, если бы не было c , не могло бы появиться d ; можно сказать, что c было необходимо, чтобы стало возможно d . Нас в этом случае не интересует объяснение d , мы принимаем его появление без доказательств. В свете этого, так сказать, целью c было сделать возможным d ; c существует как бы "ради" d . Соответствующая такому объяснению топологическая фигура может иметь такой вид:

Эта фигура имеет некоторое сходство с фигурой в примере iii. Но есть и важное различие, заключающееся в том, что экспланандумы в двух схемах занимают разное относительное положение.

Объяснение типа iv я буду называть квазителеологическим.

Объяснения типа i и ii отвечают на вопросы, почему нечто произошло или стало необходимо; объяснения типа iii и iv, с другой стороны, показывают, как нечто произошло или стало возможно. В объяснениях типа "почему необходимо?" решающими являются достаточные условия, а в объяснениях типа "как возможно?" — необходимые(30).

Объяснения первых двух видов могут быть использованы для предсказаний. Если имеется достаточное условие или найдено относительное достаточное условие, мы

можем предсказать следствие, т.е. повторное появление экспланандума нашего объяснения.

Объяснения последних двух видов не могут быть использованы для предсказаний новых появлений экспланандума. (Поэтому по одной только этой причине ошибочно мнение о том, что механизм каузального объяснения, и научного объяснения вообще, необходимо эквивалентен механизму предсказания объясняемых явлений; такая ошибка нередко делается до сих пор(31).) Однако объяснения этих видов могут быть использованы для операций, подходящим названием которых было бы ретросказание. Если известно, что имеет место некоторое явление, мы можем заключить, что в прошлом обязательно существовали его предшествующие необходимые условия. И путем "исследования прошлого" мы можем обнаружить их следы (в настоящем). В данной работе подобный механизм проверки, или верификации, не будет рассматриваться. В действительности предсказание и ретросказание гораздо больше различаются, чем иногда думают.

Тем не менее "косвенным" образом объяснения типа "как возможно?" можно использовать также и для предсказаний. Если нам известны необходимые условия некоторого явления, то, устраняя их или просто фиксируя их отсутствие, мы можем предсказать, что данное явление не появится.

Объяснения, обладающие силой предсказания, играют исключительно важную роль в экспериментальных науках. С другой стороны, ретросказательные объяснения занимают важное место в таких науках, как космогония, геология, теория эволюции, изучающих историю (развитие) природных событий и процессов.

Методологи и философы науки довольно мало внимания уделяют анализу объяснений, которые я называю квазителеологическими(32). Эти объяснения не отделяют от собственно телеологических, а тем самым их отличительный каузальный характер, т.е. их зависимость от номических связей между явлениями, в значительной мере не осознается. Я полагаю, что квазителеологические объяснения в терминах консеквентов объясняемого явления играют огромную роль в биологических науках(33). Можно считать их почти столь же характерными для этих наук, сколь каузальные объяснения в терминах антецедентов характерны для наук о неорганической природе. Функциональные объяснения в биологии—это, как правило, именно квазителеологические объяснения. Поведение живого организма или машины, объясняемое квазителеологически, можно назвать целенаправленным. Целенаправленность состоит в осуществлении функций, свойственных определенным системам. Целенаправленное в этом смысле поведение и другие процессы следует отличать от поведения, которое является намеренным в смысле интенционального стремления к цели. В смешении целенаправленного и намеренного поведения в философии биологии часто повинны различные "виталистические" концепции.

7. Как мы научаемся "изолировать" закрытые системы от окружающих их внешних воздействий и как мы получаем знание о возможностях развития системы?

В последовательности событий мы неоднократно наблюдали появление некоторого состояния а. В нашем опыте за этим состоянием всегда следует b, за b иногда следует с1, и иногда с2, за с1 иногда или всегда —, за с2 иногда или всегда —, и т.д. через, скажем, n стадий. Посредством каузального анализа можно в таких последовательностях выявить некоторые отношения обусловленности. Но как можно получить уверенность в том, что известные из наблюдения альтернативные возможности развития в действительности исчерпывают все возможности? Может ли дать требуемую уверенность продолжение наблюдения за данной последовательностью?

Рассмотрим ряд неоднократных появлений начального состояния а. Состояние а всегда возникает из какого-то непосредственно предшествующего ему состояния.

Допустим, что это состояние А, причем на основе прошлого опыта мы уверены в том, что А не перейдет в а, если мы не переведем его в а. Допустим также, что (мы знаем, что) мы можем это сделать. Подобные допущения могут показаться крайне проблематичными. В самом деле, что дает нам основание считать, что А не перейдет в а "само собой", т.е. независимо от нашего действия? И откуда мы знаем, что мы можем изменить его? Нельзя отрицать, что здесь — серьезные проблемы для философов. Однако следует признать как эмпирический факт, что описанные ситуации нам хорошо известны. Я знаю (испытываю уверенность), что окно напротив меня не откроется "само собой", но что я могу его открыть. Конечно, я могу и ошибаться. В природе случаются удивительные вещи, и человеком иногда неожиданно овладевает бессилие. Однако в целом такое знание надежно. Если бы это было не так, вряд ли было бы (обычно) возможно действие, а fortiori* деятельность, которую мы называем научным экспериментом. Ибо главная черта действия состоит именно в том, что мы с уверенностью можем сказать об изменениях, которые произошли: "Они не произошли бы, если бы не были вызваны нашим вмешательством", а об изменениях, которые не произошли: "Они появились бы, если бы мы не воспрепятствовали"(34).

Следует заметить, что принятое нами допущение не затрагивает отношения каузальной обусловленности. Это не есть допущение о том, что состояние А является достаточным условием не-а. Мы не предполагаем также, что изменение А в а требует знания достаточных условий а. Знание таких условий иногда играет важную роль в изменении нами ситуации, однако не всегда.

Допустим, что мы изменяем А в а и наблюдаем за тем, что происходит. Мы обнаруживаем, например, что система проходит от начального состояния до конечного через один из гипотетически принимаемых шагов.

Описанная манипуляция позволяет сделать весьма

* Тем более (лат.).

сильное логическое заключение: ни А, ни любое предшествующее А состояние не может быть достаточным условием начального состояния рассматриваемой системы. Достаточное условие, появившееся в прошлом, может действовать только через непрерывную цепочку последовательных достаточных условий в рамках системы, начальное состояние которой и является таким условием, происшедшим в прошлом. Однако любая такая цепочка условий, если она имеется, прервется в А, поскольку А, согласно нашему допущению, не перейдет в а без нашего действия.

Рассматриваемый акт вмешательства в систему еще не гарантирует закрытость ее "изнутри". В системе может появиться такое состояние (или его свойство), для которого А или предшествующее А состояние окажется достаточным условием. Как исключить такую возможность?

Прежде всего заметим, что если в системе есть такое состояние (свойство), то тогда должна существовать непрерывная цепочка достаточных условий, связывающих ее с "внешним" достаточным условием в большей системе, начинающейся с появлением такого внешнего состояния (см. выше, с. 86). Поэтому фактически нам необходимо рассмотреть только такие состояния (их свойства) системы, для которых начальное состояние является достаточным условием. Пусть имеется такое состояние. Например, допустим, что р появляется во всех возможных конечных состояниях системы, изображенной на с. 86. Тогда достаточным условием системы является ее начальное состояние а. Чтобы исключить возможность того, что некоторое предшествующее а состояние было достаточным условием появления р в каждом конечном состоянии системы, достаточно показать, что им не является А. Как это можно сделать?

Можно сделать это, воздерживаясь от действия по изменению A в a и наблюдая за тем, что будет происходить. Мы позволяем миру измениться без нашего вмешательства, что, конечно, может привести к тому, что он совсем не изменится, а останется в состоянии, тождественном A . Если при прохождении таким "нетронутым" миром пяти стадий, соответствующих (во времени) стадиям от A до конечного состояния нашей системы, не проявилось свойство p , то тогда мы можем быть уверены в том, что A не является достаточным условием появления p в конечном состоянии нашей системы. Если же, наоборот, это свойство проявляется, то придется учитывать возможность того, что A действительно является таким условием, а система, следовательно, не является закрытой. Никакая попытка "исключить" p из конечного состояния не смогла бы дать такую гарантию закрытости. Мы зависим здесь от "милости природы".

Систему можно привести в движение посредством изменения A в a , но это, конечно, не исключает того, что a может иметь одно или несколько достаточных условий, альтернативных A . Пусть таким условием будет A' . Система с началом в точке a тем самым оказывается фрагментом более широкой системы с начальной точкой $A1$. Зададим вопрос: может ли эта более широкая система быть закрытой или нет? Для ответа на этот вопрос мы ищем возможность управления этой более широкой системой, производя ее начальное состояние $1'$ из некоторого предшествующего состояния.

Переводя A в a , мы не исключаем и другую возможность, состоящую в том, что само A или некоторое состояние или состояния, предшествующие A , окажутся обходимыми условиями a или следующих за a состояний системы. Нужно сказать о таких предшествующих состояниях, что они делают возможным создание a (из A) или появление, вследствие продуцирования a , некоторого результата. Эти состояния могут — хотя и не обязательно — быть такими, что мы способны их создать, если они отсутствуют. (О различии между совершением действия и осуществлением результата действия см. разд. 8.)

В целом, по-видимому, правильно рассматривать "внешние" необходимые условия состояний экспериментально воспроизводимой системы как условия совершения эксперимента, а не как условия его результатов.

Если мы вынуждены лишь "пассивно" наблюдать за последовательностью событий, мы не можем быть уверены в том, что при реализации начального состояния системы в прошлом не существовало достаточного условия, которое "отвечало" за его появление. Такую уверенность может дать только особое действие "активного" вмешательства — превращение некоторого состояния (которое иным образом не изменится) в начальное состояние системы (35).

Итак, ответ на вопрос о том, как мы научаемся изолировать фрагмент истории мира, превращая его в закрытую систему, и как мы получаем знание о возможных (и необходимых) механизмах, управляющих системой изнутри, состоит в следующем: мы научаемся этому отчасти через неоднократное приведение системы в движение, воспроизводя ее начальное состояние и затем ("пассивно") наблюдая за последовательными стадиями ее развития, и отчасти путем сравнения этих последовательных стадий с другими, которые система проходит при своем развитии из других начальных состояний.

Знание, получаемое в результате экспериментального вмешательства и последующего наблюдения, не является окончательной верификацией ни закрытого характера системы, ни возможностей ее развития. Для этого имеется несколько причин. Если система обладает альтернативными возможностями развития, то выявить это могут повторные эксперименты с варьирующимися результатами наблюдений. Если расхождение в результатах очень велико, а следовательно, очень мала предсказуемость действительного хода событий в отдельном случае, то

интерес к изучению вскоре пропадет и притязать на знание (всех) возможностей развития системы мы не сможем. Даже если альтернативы наблюдаемой регулярности еще не замечены, мы никогда не можем быть полностью уверены в том, что однажды не обнаружим их.

8. В идее приведения систем в движение связываются вместе понятия действия и причинности. Эта связь имеет глубокие корни в истории, о чем свидетельствует сам язык.

Естественно говорить о причинах явлений как о факторах, которые "производят", или "вызывают", свои следствия. Способ действия причины часто сравнивают с действием человека, которого считают ответственным за свои поступки. Некоторые историки мысли (В. Йегер, Г. Келсен) утверждают, что древние греки конструировали понятие причинности в природе по аналогии с идеями из области уголовного права и справедливого возмездия(36). Причина вызывает нарушение равновесия и поэтому ответственна за зло или несправедливость в природе. Затем наступает возмездие, и зло исправляется в соответствии с законом природы. Греческое слово "причина" [aitia]* означает одновременно и вину. Латинское слово causa по происхождению является юридическим термином(37). Можно упомянуть и о том, что в финском языке слово причина — syu — имеет такое же двойственное значение, как и [aitia]. До сих пор термин "этиология" означает в медицине науку о причинах заболевания, т.е. неприятных нарушений естественного состояния организма. Однако этим термином можно было бы обозначить теорию и практику исследования причин вообще.

Сами по себе эти языковые наблюдения не устанавливают наличие концептуальной связи между понятиями причины и действия. Говорить о причинах как о действующих агентах, ответственных за следствия, — значит использовать главным образом аналогию или метафору. Если это выражение понимать буквально, легко возникают суеверные представления о невидимых "силах" по ту сторону естественного хода событий и их темных намерениях. По мере возрастания способности человека проникать в каузальные связи и механизмы природы мы постепенно освобождаемся от таких суеверий и предрассудков. Вероятно, последние их следы обнаруживаются в "виталистических" идеях, до сих пор проникающих в философию биологии (по крайней мере в работы некоторых философов). По мере прогресса науки они, несомненно, исчезнут. В этом отношении огромный шаг вперед в формировании научных представлений о жизненных процессах был сделан кибернетикой.

Однако как происходящее в науке очищение каузальных понятий от следов анимизма и магии так же мало способно доказать концептуальную разобщенность понятий причины и действия, так и этимологические наблюдения- нельзя считать доказательством связи этих понятий. Я полагаю, что мы не можем

* Лат. транскрипция греческого слова "причина".

понять ни причинность, ни различие между номическими связями и случайным единообразием в природе, не обращаясь к идее создания вещей и интенционального вмешательства в естественный ход событий.

Для лучшего понимания моей точки зрения необходимо несколько разъяснить понятие человеческого действия, что и будет сделано как здесь, так и ниже.

Удобно проводить различие между совершением действия и вызыванием следствия и тем самым между способностью совершить и способностью вызвать. Совершая нечто, мы вызываем нечто другое. Например, открывая окно, мы впускаем в комнату свежий воздух (вызываем проветривание), или понижаем температуру, или вызываем у человека в комнате ощущение дискомфорта, кашель и

в конечном итоге — простуду. Таким образом, то, что мы вызываем, — это следствия нашего действия, а то, что мы совершаем, — причина этих следствий. Причину я буду называть результатом, а следствия — последствиями нашего действия. Между причиной и следствием существует некоторое отношение обусловленности. Например, открывание окна при определенных обстоятельствах может оказаться достаточным условием понижения температуры. Одно из таких обстоятельств может заключаться в том, что температура в комнате выше, чем на улице(38).

Допустим, мы вызвали проветривание действием открывания окна, не "вызвали" ли мы и открывание окна? Если мы скажем, что мы вызвали открывание окна, то это означало бы, что мы добились этого, совершив некоторое действие, например нажав на кнопку и тем самым освободив пружину. Но если мы должны объяснить, как мы открыли окно, и сказали, что сделали это, вначале ухватившись за ручку, затем повернув ее по часовой стрелке и, наконец, надавив на раму, то тоже правильно будет сказать, что, последовательно совершая эти действия, мы вызвали открывание окна. При данных обстоятельствах надавливание на раму оказалось достаточным условием открывания окна, но необходимым условием для создания этих обстоятельств явилось поворачивание ручки.

Допустим, меня спросили, как я повернул ручку, и я отвечаю, что ухватился за ручку правой рукой и повернул ее по часовой стрелке. В этом случае также верно будет утверждение, что, совершая эти действия, я вызвал поворачивание ручки. Но если меня спросят, как я повернул свою руку, то сказать, что я вызвал это путем сокращения и расслабления особой группы мышц, не будет правильно. Ведь если я случайно не обладаю специальными знаниями по анатомии, я не знаю, ни какие это мышцы, ни как их сокращать, не поворачивая руки.

То, что совершено, есть результат действия; то, что вызвано, — следствие действия. Важнейшая особенность совершенных действий и вызванных следствий состоит в том, что они являются изменениями (событиями). Изменение — это переход от одного положения дел к другому. Результат (а также следствия) можно отождествить с самим изменением либо с его конечным состоянием. Для наших целей не имеет значения то, какую возможность мы выберем, поэтому из соображений простоты я приму вторую. Следует заметить, что результат, т.е. достижение некоторого состояния, не обязательно появляется именно как ответ на данное действие. Например, когда мы открываем окно, то результатом нашего действия является открытое окно, однако это же самое состояние окна могло быть результатом другого действия, например, если бы мы препятствовали окну закрыться. (Открытое окно может быть результатом также двух различных "негативных" действий, т.е. воздержаний от действия: когда мы оставляем окно открытым или не препятствуем, если оно открывается само.)

Связь между действием и его результатом является внутренней, логической, а не каузальной (внешней) связью. Если результат не реализовался, действие просто не было совершено. Результат — это существенная "часть" самого действия. Грубая ошибка — считать действие причиной своего результата.

Различие между результатом и последствиями является относительным в важном смысле. Если я утверждаю, что, открывая окно, я проветриваю комнату, то результат моего действия состоит в том, что окно открывается (открыто). Когда я утверждаю, что открываю окно, поворачивая ручку, и т.д., то результатом будет изменение положения ручки, и последствием — изменение положения окна. Такие цепочки всегда и необходимо ограничиваются действиями, которые я совершаю не посредством чего-то другого, а просто. Действия, о которых нельзя утверждать, что они выполнены путем совершения других действий, я буду называть базисными[39].

На языке "систем" выполнение действия — все равно, базисного или нет, —

означает переход от состояния, предшествующего начальному состоянию системы, к этому начальному состоянию. Результат действия — это начальное состояние системы. Таким образом, выполнение действия означает приведение системы в движение.

В предельном случае в системе будет только одна стадия. Это бывает тогда, когда результат действия не связан (через нас) с каким-нибудь последствием.

Когда мы совершаем действие с целью вызвать следствие, мы всегда предполагаем существование системы, которая проходит по крайней мере через две стадии и внутри которой можно выявить отношение достаточной обусловленности между состояниями.

Мысль о том, что своим действием человек может вызывать следствия, основана на другой идее, а именно что последовательности событий образуют закрытые системы, если не абсолютно, то по крайней мере относительно некоторого отношения обусловленности между состояниями. С другой стороны, выделение и изоляция систем основываются на убеждении, что человек обладает способностью нечто совершать (а не только вызывать), прямо вмешиваясь в ход событий (природы).

Мы выполняем действия. Можно ли сделать действие? Если ответить на этот вопрос утвердительно, то возникнет недоразумение, по-видимому, потому, что в утверждении "действие сделано" предполагается, что действие явилось результатом действия. Я не буду останавливаться на вопросе о том, допустим ли такой случай по концептуальным основаниям. Если провести различие между актом и действием и последнее рассматривать как проявляющее себя в "мире" через состояние или событие, являющееся его результатом, а первое рассматривать как нечто чисто "внутреннее", то тогда, вероятно, можно сказать, что действия являются результатами актов, например действие открывания окна — это результат акта решения открыть окно (важно именно то, что решение не называется действием).

Верно или неверно, что действия делаются, но несомненно верно, что действия иногда "вызываются". Людей вынуждают действовать. Каким образом? Например, приказывая, пугая, склоняя, требуя или угрожая. Таким образом, вызываемые действия можно назвать последствиями или следствиями тех действий, которые их вызвали. Однако я хочу подчеркнуть, что связь здесь не является каузальной, или номической, связью того вида, которую мы рассматриваем в данной главе. Здесь действует мотивационный механизм, и как таковой он является телеологическим, а не каузальным (см. ниже, гл. IV, разд. 5).

9. Когда мы говорим, что причина вызывает следствие, мы при этом не имеем в виду, что причина что-то совершает. Причина вызывает следствие просто потому, что она есть. (Во всех этих глаголах — "достигать", "вызывать", "производить" — есть метафорический оттенок понятия действия.) Однако следствие, которое вызывается причиной в силу самого факта ее существования, мы можем получить или вызвать, заставляя причину произойти. Сказать, что мы вызываем следствия, вовсе не значит назвать нас причинами. Это значит, что мы совершаем вещи, которые затем — как причины — производят следствия, "ведут себя" или "действуют" как причины.

Я предлагаю следующий способ проведения различия между причиной и следствием на основе понятия действия: p является причиной q , а q является следствием p , если, и только если, совершая p , мы можем вызвать q , а устраняя p , мы можем устранить или не допустить появления q . В первом варианте причинный фактор — это достаточное условие, во втором варианте — необходимое условие фактора-следствия. Эти факторы могут "соотноситься" с другими факторами так, что причина не "сама по себе" будет достаточным или необходимым условием следствия, но лишь "при определенных обстоятельствах" (см. выше, разд. 6).

Однако правильно ли всегда рассматривать причину как нечто такое, что можно совершить? Причиной разрушения Помпеи оказалось извержение Везувия. Человек может своим действием разрушать города, но вряд ли он может заставить извергаться вулканы. Не доказывает ли это, что причинный фактор, поскольку в определенном смысле им нельзя управлять, не отличается от следствия? Во все нет. В самом деле, извержение вулкана и разрушение города — это два очень сложных события, в каждом из которых можно выделить целый ряд событий или фаз и каузальные связи между ними. Например: когда сверху на голову человека падает камень, то он убивает человека; крыша дома разрушится при определенной нагрузке; человек не может выдержать жару выше определенной температуры. Все это каузальные связи, хорошо известные нам из опыта, причем каузальный фактор удовлетворяет требованию управляемости.

Нельзя ли выдвинуть следующее возражение против нашей позиции: если верно, что p всегда и неизменно сопровождается q , то отсюда, несомненно, следует, что q будет иметь место также и в тех случаях, когда p совершается (производится "по желанию"). Поэтому причинность не опирается на идею действия, но сама является основой возможной манипуляции. Однако это утверждение сомнительно. Рассмотрим, что означает допущение универсального сопутствования p и q . Возможны два варианта. Либо происходит так, что за p всегда следует q , а каузальный или номический характер единообразия никогда не подвергался проверке путем совершения p в ситуации, в которой "само собой" оно не появляется (допустим, мы не в силах совершить p). В этом случае никак нельзя решить, случайна истинность общего суждения или в нем отражена естественная необходимость. Во втором варианте такие проверки проводились, и они оказались успешными. Допущение (гипотеза) о том, что сопутствование p и q носит номический характер, — это не просто допущение неизменности совместного появления p и q , Сюда включено также контрфактическое допущение (относящееся к случаям, когда p не имеет места) о том, что если бы было p , то его сопровождало бы q . Наличие основания для контрфактических условных высказываний является одновременно основанием для характеристики этой связи как номической (ср. гл. 1, разд. 8).

Логически невозможно верифицировать в отдельном случае, когда p отсутствовало (отсутствует), что было бы, если бы p имело место. Однако существует способ, позволяющий в значительной мере "приблизиться" к такой верификации. Он состоит в следующем.

Пусть p — положение дел, которое, по крайней мере в некоторых случаях, мы можем создать или пресечь "по желанию". Это предполагает, что возможны ситуации, когда p не имеет места, и мы уверены в том, что оно не появится (в следующей ситуации), если мы не создадим его. Пусть имеется такая ситуация, и мы производим p . В таком случае у нас есть уверенность в том, что, если бы мы этого не сделали, наступила бы следующая ситуация, в которой p отсутствует. Однако фактически p имеет место. Следовательно, если имеется также q , то мы должны рассматривать это как подтверждение контрфактического условного высказывания, которое мы могли сделать, если бы не произвели p : "если бы p , которого нет, имело место, q также имело бы место". Именно в такой мере мы можем "приблизиться" к верификации контрфактического условного высказывания.

Следует заметить, что контрфактическое условное высказывание, которое подтверждается действием, "основывается" на другом контрфактическом условном высказывании, которое утверждает, что, если бы мы не произвели p , оно не появилось бы. Это последнее высказывание не является утверждением ни отношения обусловленности, ни каузальной связи.

Я думаю, что приведенное обоснование показывает, в каком смысле можно говорить о зависимости идеи каузального, или номического, отношения от понятия

действия, т.е. от фактуальных условий, которые делают действие логически возможным(40).

Установлено, что говорить о существовании каузальной связи между p и q можно тогда, когда у нас есть уверенность в том, что, манипулируя одним фактором, мы можем достичь или вызвать появление или непоявление другого. Обычно мы приобретаем такую уверенность, ставя эксперименты.

"Устраняя" p из ситуации, в которой оно появляется вместе с q , и удостоверившись, что q также исчезает, мы стремимся показать, что p является необходимым условием q . Это установлено, когда мы можем с уверенностью заявить: "Мы можем заставить q исчезнуть, а именно устранив p ".

Аналогично, "вводя" p в ситуацию, в которой отсутствуют и p и q , и обнаруживая, что q также появляется, мы стремимся показать, что p является (относительным) достаточным условием q . Каузальное отношение установлено, если мы можем утверждать: "Мы способны создать q , а именно создав p ".

Если воздействовать на p и q нельзя, можно тем не менее предположить между ними каузальную связь. Это будет равнозначно такому допущению: если бы мы могли произвести p как результат действия, мы могли бы вызвать и q , а именно производя p . Но проверить такое допущение можно только путем эксперимента.

То, что мы сказали, не означает, что каузальные законы и номические связи можно "окончательно верифицировать", но означает, что их подтверждение — это не просто вопрос неоднократных успешных наблюдений, а вопрос "проверки закона". Успех такой проверки (с целью установить справедливость закона) означает, что мы научились делать одно путем совершения другого (того, что мы уже умели делать), что наше техническое господство над природой увеличилось. Можно было бы сказать, что мы можем быть уверены в истинности каузальных законов настолько, насколько мы уверены в нашей способности совершать действия или вызывать следствия(41).

Оценивая свою способность нечто сделать, мы можем ошибаться. Иногда приходится признать, что, когда мы совершали p , q появилось случайно, так как все другие эксперименты были неудачны. А иногда мы вынуждены ограничить наше первоначальное притязание более или менее смутно формулируемыми границами "нормальных обстоятельств". Если в отдельном случае предполагаемая связь (закон) не подтверждается, не обязательно отказываться от закона: можно возвести вину за случайную неудачу на обстоятельства. Иногда выдвигают гипотезу о действии "контрпричины". Допущение о возможности контроля (части) обстоятельств, при которых производится проверка закона, есть допущение к следствию. В принципе признание истинности закона всегда всецело в наших руках. Именно в этом коренятся истоки позиции, называемой "конвенционализмом" (см. гл. I, разд. 8).

Тезис, согласно которому в основе различия причинного фактора и фактора-следствия лежит различие между действием и вызыванием следствий посредством действия, не означает, что всякий раз в действие причины включается некоторый агент. Повсюду во Вселенной действуют причины — и в тех пространственных и временных границах, которые никогда не будут доступны человеку. Причины совершают свою работу всякий раз, когда они возникают, и для их природы "причин" не является существенным то, как они появились — "просто" или мы "заставили их произойти". Тем не менее, думать об отношении между событиями как каузальном — значит думать о нем в аспекте (возможного) действия. Следовательно, утверждение о том, что если p есть (достаточная) причина q , то при условии, что я могу произвести p , я мог бы вызвать q , справедливо, хотя и несколько вводит в заблуждение. Ибо, как я пытался показать, свойство p быть причиной q означает, что я мог бы вызвать q , если бы я мог сделать (так, что) p .

Я думаю, невозможно найти аргумент, позволяющий решить, что является более первичным понятием — действие или причинность. Одно из возражений, которое можно было бы выдвинуть против моей позиции, состоит в том, что до тех пор, пока не понят причинный механизм действия, понять действие невозможно. Я не отрицаю, что в защиту этой точки зрения можно привести веские аргументы.

10. Возвратимся к проблеме асимметрии каузального отношения (поставленной в разд. 3). Если p есть причинный фактор, а q — фактор-следствие, то возможен случай, когда, совершая p , я мог бы (могу) вызвать q , или совершая $\neg p$, я мог бы (могу) вызвать $\neg q$. Асимметрично ли такое отношение?

В данном случае важно помнить о различии между самими родовыми факторами p , q и $\neg p$, $\neg q$ и их конкретными проявлениями. Рассмотрим следующий простой механизм: передо мной находятся две кнопки, соединенные таким образом, что при нажатии на левую кнопку правая тоже нажимается, и наоборот. Когда я отпускаю палец, кнопки возвращаются в нормальное положение. Это пример ситуации, когда, совершая p , я вызываю q (нажатие кнопки справа), а совершая q , я вызываю p (нажатие кнопки слева).

Несмотря на всю свою простоту, этот пример сложен. По-видимому, справедливо и p , и q назвать причинами. Однако это вовсе не значит, что рассматриваемое отношение симметрично. В самом деле, когда, совершая p , мы вызываем q , причиной является именно p , а не q , а когда мы вызываем p , совершая q , причина — именно q , а не p .

Следует заметить, что, когда мы вызываем q , совершая p , это не значит, что q появляется после p , и наоборот, когда мы вызываем p , совершая q , p появляется раньше, чем q . Пример задуман так, чтобы p и q появлялись одновременно в любом случае, поэтому мы не можем использовать время, чтобы различить случаи, когда p является причиной, а когда — q . Каким образом можно все-таки провести такое различие? Насколько я могу судить, единственный способ сделать это состоит в том, чтобы использовать понятия совершения действия и вызывания следствия. В тех случаях, когда я вызываю q , совершая p , причиной является p , а не q , и в тех случаях, когда я вызываю p , совершая q , причиной является q , а не p (42).

Однако можно подвергнуть сомнению успешность такой попытки проведения различия между причиной и следствием. Например: падает камень (никто его не бросает), ударяет по левой (правой) кнопке, и обе кнопки нажимаются. Удар камня по одной кнопке вызвал нажатие сразу обеих в силу способа соединения кнопок. Но верно ли будет утверждение, что нажатие кнопки, в которую случилось попасть камню, вызвало нажатие другой?

Аналогичный пример: прикладывая давление (например, нажимая пальцем) на левую (правую) кнопку, я заставляю опуститься обе. В этом случае нажатие — это также следствие давления, приложенного к одной из кнопок. Результат акта давления — воздействие его на кнопку. Следствие (результата) этого акта — нажатие кнопок.

По-видимому, провести различие между двумя одновременными событиями как причиной и следствием можно только на основании базисного действия, т.е. такого действия, которое можно совершить "непосредственно", а не путем другого действия, в результате чего появляется какое-либо одно (но не другое) из этих двух событий. Поскольку нажатие на кнопку не является базисным действием, мы и не смогли в нашем примере провести такое различие. В силу этого условия я вообще не уверен в том, что возможны подлинные примеры "одновременной причинности".

Теперь немного изменим пример: при нажатии левой кнопки правая нажимается секундой позже, и наоборот. (Когда мы перестаем нажимать, обе кнопки возвращаются в нормальное положение.) Таким образом, помимо асимметрии между действием и появлением следствия, появляется временная асимметрия,

причем обнаруживается параллельность обеих асимметрий: во всех случаях, когда путем совершения p вызывается q , p всегда предшествует q , а во всех тех случаях, когда путем совершения q вызывается p , q предшествует p . Однако обязателен ли параллелизм асимметрий?

Ответ на этот вопрос был бы отрицательным в том случае, если бы мы обнаружили пример, в котором следствие, вызванное действием, совершенным в настоящем, оказывается событием, появившимся в прошлом. Я полагаю, что такие примеры найти можно, причем искать их нужно среди базисных действий.

Результат базисного действия может иметь необходимые, а также достаточные условия в предшествующих событиях (процессах) в нервной системе, которые регулируют мышечную деятельность. Я не могу "произвести" эти события, просто заставляя их произойти. Однако я могу их вызвать в качестве следствий, а именно — выполняя базисные действия. Но вызванное мной следствие появляется непосредственно перед самым действием.

Примером базисного действия может служить поднимание руки (рук). Допустим, что некто может "подсмотреть", что происходит в моем мозгу, и выделить нервное событие или совокупность событий N , которые, как мы считаем, должны появляться при поднятии руки(43). Я говорю наблюдателю: "Я могу вызвать в своем мозгу событие N . Смотри". Затем я поднимаю руку, и наблюдатель следит за тем, что происходит в мозгу. Он видит событие N . Однако если он одновременно видит мое действие, он обнаружит, что оно совершается долей секунды позже, чем появляется N . Строго говоря, он будет наблюдать результат моего действия, хотя моя рука поднимается чуть позже, чем происходит N .

Это пример причинности, направленной от настоящего к прошлому. Я полагаю, мы должны принять его как таковой. Осуществляя базисные действия, мы вызываем более ранние события в нашей нервной системе. Было бы неправильно пытаться восстановить параллелизм причинности и времени, утверждая, что N явилось следствием моего решения поднять руку, а это решение предшествовало во времени появлению N . В самом деле, я могу иметь решение или намерение поднять руку и в то же время не осуществлять это решение (намерение). Тогда N вовсе не произойдет. Только лишь осуществляя решение, т.е. действительно поднимая руку, я совершаю то, что с необходимостью вызывает появление N . Для появления N важно не мое решение или намерение, а событие — неважно, интенциональное или нет, — являющееся поднятием руки. И событие это таково, что я могу обеспечить его появление, а именно — поднимая руку, а не просто решая (намереваясь) поднять ее.

В нашей попытке показать, что направление причинности и времени может быть противоположным, решающим явилось допущение о том, что мы способны отождествить нервное событие с необходимым или достаточным условием результата базисного действия. Пусть конечное состояние этого нервного события будет p , а результат действия — q . Теперь можно высказать номическое утверждение о том, что p — некоторое условие q . Как это установить? Допустим, нейрофизиолог, исследовав мозг человека, выдвинул следующую гипотезу: (появление) p является необходимым условием (появления) q . Для проверки этой гипотезы ему нужно поставить эксперименты. По-видимому, они должны заключаться в том, чтобы создать препятствие для появления p , а затем констатировать, что q также не появилось. Если бы гипотеза говорила о том, что p является достаточным условием q , то для ее проверки требовалось бы создать p , например путем стимуляции некоторого мозгового центра, и констатировать появление q , например поднятие руки у человека (если даже этот человек сам поднимает руку, это не будет иметь никакого значения для физиологического наблюдения).

Когда человек поднимает руку, он приводит в действие "закрытую систему" (как я это называю). Исходное состояние системы — q , т. е. опущенное положение руки. Мы предполагаем, что в системе имеется другое состояние — p , которое, будучи по времени раньше q , все же "каузально позже" в том смысле, что, производя (так, что) q , мы вызываем (так, что) p . В этой системе q является достаточным условием p .

Когда нейрофизиолог вмешивается в работу мозга, он тоже приводит в действие закрытую систему. Исходным состоянием ее является p (или не- p). В системе есть другое состояние — q (не- q). Начальное состояние в этой системе и каузально, и по времени предшествует q . Производя (так, что) p (или не- p), экспериментатор вызывает (так, что) q (или не- q).

Наблюдая последовательность состояний и исходя из того факта (если это факт), что люди способны поднимать свои руки, мы делаем ("индуктивный") вывод о том, что первая цепочка связанных во времени положений дел (от q до p) образует закрытую систему. Мы считаем фактом нашу способность поднимать руки, основываясь на хорошо известных нам из повседневной жизни ситуациях, когда наша рука опущена и, мы полагаем, будет опущена до тех пор, пока "мы сами" не поднимем ее. Более того, мы знаем, что если в какой-то момент мы решаем, намереваемся или хотим поднять руку, то, как правило, она поднимается, если мы не отказываемся от своего решения или не изменяем свое намерение. Конечно, иногда случаются неожиданности: мы вдруг обнаруживаем, что в данной ситуации не можем поднять руку, не способны или мешает какое-то препятствие.

Аналогично, из наблюдения регулярной последовательности и того факта (если это факт), что экспериментатор способен произвести или подавить в мозгу некоторое событие, мы делаем вывод о том, что вторая цепочка положений дел (от p к q) или (от не- p к не- q) образует закрытую систему. В основе суждения о способности экспериментатора лежит предположение о том, что ему хорошо знакомы ситуации, когда он испытывает уверенность в том, что некоторое событие в мозгу не- p (или p) будет продолжаться "на его глазах" до тех пор, пока он — физиолог — не изменит его. Он также знает из опыта, что если он вмешивается, то, несмотря на возможные исключения, он достаточно регулярно будет наблюдать q (или не- q). Если человек, подвергнутый эксперименту, все время держал свою руку поднятой "по желанию", тем самым (с "обратной" стороны) вызывая изменения в p , то экспериментальная ситуация "разрушится", так как экспериментатор не сможет быть уверен в том, что он способен произвести или прекратить p . Но и наоборот, если экспериментатор постоянно вмешивается в процесс функционирования мозга испытуемого, то последний не сможет быть уверен в том, что его рука будет опущена до тех пор, пока он сам не вмешивается, и поэтому не сможет претендовать на то, что он способен поднять руку.

Любое утверждение о существовании закрытой системы с начальным состоянием p или q можно считать обоснованным только при условии, что вне таких систем есть некоторый агент, который может своим воздействием приводить их в движение, продуцируя начальные состояния систем в ситуациях, когда он уверен в том, что они не появятся без его вмешательства. Аналогичное справедливо и для любого утверждения о том, что система является закрытой.

Когда агент приводит в движение систему, поднимая руку, начальное состояние q появляется из некоторого предшествующего, причем, как уже говорилось, агент убежден, что не- q не перейдет в q , если он не будет действовать. Какова связь между состоянием не- q и p , которое также предшествует q ? Следует рассмотреть три возможности.

Нервное событие p может произойти одновременно с не- q , т. е. начальным состоянием действия "поднимания руки". В этом случае в "полное" состояние мира включены и p , и не- q , хотя агент либо вообще не знает о p , либо знает, но не

осознает, что p является достаточным условием q . (Если бы он это осознавал, то, конечно, не считал бы, что состояние, содержащее p , не перейдет в q , если он не вмешается.)

Нервное событие может появиться после начального, но прежде конечного состояния действия. В этом случае состояние, которое агент переводит в q , не непосредственно предшествует q , а отдельно от него некоторым периодом времени. Как правило, в действительности ситуации именно так и складываются. Начальный момент действия (который оканчивается изменением i) относительно которого мы уверены, что изменение без нашего вмешательства не произойдет, редко непосредственно предшествует конечному моменту действия. Даже осуществление сравнительно простого действия "занимает некоторое время". При более детальном анализе между состояниями, которые в "макроописании" выступают как начальное и конечное, можно выявить и описать промежуточные состояния.

Наконец, последний вариант: p предшествует начальному моменту действия, но агент не замечает, что p действует как причина q . Знающий об этом внешний наблюдатель не стал бы утверждать, что p было вызвано агентом в силу действия ретроактивной причинности. Однако нет необходимости в том, чтобы он обсуждал вопрос о поднимании руки.

Интересно отметить, что в любом случае ретроактивная причинность, если вообще ее допускать, имеет очень короткий радиус действия. Она никогда не продолжается во времени за пределы момента появления состояния, которое сам агент считает начальным моментом своего действия, которое он — действуя — превращает в результат(44).

Любое (родовое) положение дел в одной закрытой системе может быть начальным, а в другой — следовать за каким-то другим положением дел. С логической точки зрения это не вызывает возражения. Если мы утверждаем, что имеет место начальное состояние в некоторой данной системе, это означает, что мы представляем возможного агента, который может вызвать это состояние в результате продуцирования начального состояния в более широкой системе. Подтвердить или защитить это утверждение можно только в том случае, если мы действительно знаем такого агента и его способность это сделать.

В "состязании" между причинностью и действием победит обязательно последнее. Считать, что действие можно "поймать в сети" причинности, — значит допускать противоречие в терминах. Однако из-за действия причинности агент может лишиться своих способностей и возможностей.

Поскольку способность человека совершать различные действия, если он решает, намеревается или хочет их выполнить, — эмпирический факт, постольку человек, как действующий агент, свободен. Было бы ошибкой утверждать, что причинность предполагает свободу, поскольку это означало бы, что действие законов природы каким-то образом зависит от людей. Но это не так. Однако утверждение о том, что причинность предполагает свободу, представляется мне верным в том смысле, что к идеям причины и следствия мы приходим только через идею достижения результата в наших действиях.

В идее о том, что причинность "угрожает" свободе, есть большая доля эмпирической истины, свидетельство которой — случающаяся потеря способности и возможности действовать. Однако с метафизической точки зрения это — иллюзия. Подобная иллюзия порождается свойственной нам тенденцией считать — можно сказать, в духе Юма, — что человек в состоянии совершенной пассивности, просто наблюдая регулярную последовательность событий, может регистрировать каузальные связи и цепочки каузально связанных событий, которые затем он экстраполирует на всю Вселенную, от неопределенно далекого прошлого на необозримо далекое будущее. Подобное понимание игнорирует тот факт, что

каузальные связи существуют относительно фрагментов истории мира, которые носят характер закрытых систем (по нашему обозначению). В обнаружении каузальных связей выявляются два аспекта — активный и пассивный. Активный компонент — это приведение систем в движение путем продуцирования их начальных состояний. Пассивный компонент состоит в наблюдении за тем, что происходит внутри систем, насколько это возможно без их разрушения. Научный эксперимент, одно из наиболее изощренных и логически продуманных изобретений человеческого разума, представляет собой систематическое соединение этих двух компонентов.

Глава III. ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

1. Различие между каузальными и квазикаузальными объяснениями. Корректность последних не зависит от истинности номических связей. Большое значение таких объяснений в истории и социальных науках. Различие между телеологическими и квазителеологическими объяснениями. Зависимость последних от номических связей. Их значение для наук о живой природе.
2. Поведение и действие. Внутренний и внешний аспекты действия. Мышечная деятельность как непосредственный внешний аспект действия. Результат действия отличается от его каузальных antecedентов и его следствий. Действие и воздержание от действия.
3. Отношение между внутренним и внешним аспектами действия. Понимание первого как юмовской причины второго. Такое понимание оспаривается сторонниками "аргумента логической связи".
4. Практический вывод. Является ли он логически убедительным? Отношение этого вывода к телеологическим объяснениям. Посылки практического вывода описывают когнитивно-волевой комплекс.
5. .Практический вывод имеет дело с необходимыми средствами завершения действия. Интенция и предполагаемая способность агента реализовать свою интенцию.
6. В формулировке практического вывода следует учитывать, что объект интенции может находиться в будущем и что агенту могут помешать превратить свою интенцию в действие.
7. Как установить, что агент принимается за совершение определенного действия? Необходимость верификации посылок практического вывода.
8. Каким образом можно установить наличие у агента интенции и определенной когнитивной установки? Необходимость верификации заключения практического вывода. Интенциональное поведение представляет собой осмысленный жест. Такой жест имеет значение только в контексте истории агента.
9. Вопрос о совместимости каузального и телеологического объяснения поведения. Эти объяснения имеют различные экспланандумы. Различие между интенциональным пониманием поведения как действия и телеологическим объяснением действия как средства достижения цели.
10. Повторное рассмотрение вопроса о совместимости. Интенциональная интерпретация поведения как действия связана с существованием юмовской причины поведения случайным образом. Убеждение в универсальной причинности — это догма, истинность которой нельзя доказать, опираясь на априорные основания.

1. Причинность традиционно противопоставляется телеологии, а каузальное объяснение — телеологическому. Каузальное объяснение обычно указывает на прошлое. "Это произошло, потому что (раньше) произошло то" — типичная языковая конструкция таких объяснений. Таким образом, в них предполагается номическая связь между причинным фактором и фактором-следствием. В простейшем случае —

это отношение достаточной обусловленности. Справедливость каузального объяснения зависит от справедливости предполагаемой номической связи.

Телеологические объяснения указывают на будущее: "Это случилось для того, чтобы произошло то". Здесь также предполагается номическая связь, в типичном случае — отношение необходимой обусловленности. Однако в отличие от каузального объяснения допущение номической связи включено в телеологическое объяснение более сложным образом, так сказать, косвенно. Справедливость объяснения, которое я предлагаю называть "подлинно" телеологическим объяснением, не зависит от справедливости включенной в него номической связи. Например, утверждая "он бежит для того, чтобы успеть на поезд", я тем самым указываю, что этот человек считает (при данных обстоятельствах) необходимым и, может быть, достаточным бежать, если он хочет попасть на станцию до отхода поезда. Его убеждение может оказаться ошибочным: не исключено, что, как бы быстро он ни бежал, он все равно опоздает. Независимо от этого, однако, мое объяснение его действия может быть правильным.

Приведенные выше схематические формы объяснительных предложений охватывают множество различных случаев. Однако никоим образом нет однозначного соответствия между двумя языковыми конструкциями и двумя основными типами объяснений. В телеологических терминах часто формулируются объяснения, вовсе не являющиеся телеологическими. Например, если при объяснении учащения дыхания у человека, действия которого требуют значительной мускульной нагрузки (например, он бежит или поднимается вверх), в качестве аргумента указывается на необходимость сохранения химического состава крови, то такое объяснение не будет "телеологическим" в рассматриваемом здесь смысле. Его можно преобразовать в сложное утверждение, говорящее об отношениях обусловленности. И если будущие физиологические и биохимические исследования покажут, что это утверждение не истинно, то объяснение пришлось бы отвергнуть как ложное или по крайней мере преобразовать.

Выше (см. гл. II, разд. 6) мы назвали квазителеологическими такие объяснения, которые можно сформулировать в телеологических терминах, но истинность которых тем не менее зависит от истинности номических связей. Объяснения этого вида гораздо чаще отвечают на вопросы о том, как нечто произошло или стало возможным (например, сохранение химического состава крови, несмотря на уменьшение содержания кислорода в ней вследствие сильного напряжения мускулов), чем на вопросы о том, почему нечто произошло с необходимостью. Типичными квазителеологическими объяснениями в этом смысле являются функциональные объяснения в биологии и естественной истории.

С другой стороны, далеко не все объяснения, имеющие схематическую форму "это произошло, потому...", являются подлинно каузальными. Например, утверждения "Он кричал, потому что ему было больно" или "Народ поднял восстание, потому что правительство погрязло в коррупции и было деспотическим" являются объяснительными. Эксплананс в этих объяснениях описывает событие, которое произошло до, а не после экспланандума. Несмотря на это, второе утверждение имеет телеологический оттенок: очевидно, цель восстания состояла в том, чтобы избавиться от зла, от которого страдали люди. Первое же утверждение, я полагаю, нельзя правильно сформулировать в телеологической форме. Однако справедливость ни одного из этих объяснений не зависит от справедливости номической связи. На этом основании я буду называть их квазикаузальными. Объяснения этого вида, по-видимому, преобладают в социальных науках и науках о поведении и являются, в сущности, характерными для них. Квазикаузальные объяснения помогают нам понять, что имеет место (например, боль, а не ужас) или по какой причине нечто происходит (например, деспотизм).

Таким образом, концептуальное различие между каузальными и квазителиологическими объяснениями, с одной стороны, и квазикаузальными и телеологическими — с другой, заключается в том, что справедливость объяснений первого типа зависит от истинности номической связи, в то время как справедливость объяснений второго типа не зависит от нее, по крайней мере в явной их формулировке(1).

Можно возражать против характеристики "телеологический" для квазителиологических объяснений и, аналогично, против характеристики "каузальный" для квазикаузальных объяснений. Но можно также пойти по другому пути и возражать против характеристики "квази" для этих объяснений(2).

По-видимому, те, кто возражает против наименования "квази" для квазителиологических объяснений, предполагают, что эти объяснения являются подлинно телеологическими и (по мере развития науки) они смогут охватить все другие формы телеологии. С другой стороны, аналогичное возражение, касающееся квазикаузальных объяснений, по-видимому, означает неприятие развитого в предыдущей главе эксперименталистского понимания причинности как слишком узкого.

Относительно первого мнения я должен сказать, что его защитники ошибаются(3), что касается второго, те я считаю, что такое узкое понимание позволяет проводить различия, которые затушевываются при более широком подходе(4).

В последнее время некоторые авторы стали обозначать адаптацию в природе в результате естественного отбора термином "телеономия"(5). По-видимому, можно и шире истолковать этот термин, обозначив им все формы телеологии, которые зависят от номических связей. В этом случае термин "телеономия" стал бы другим названием для "квазителиологии"(6).

2. Как правило, экспланандум телеологического объяснения описывает некоторый образец или результат поведения. Но смысл понятия "поведение" очень широк. Например, говорят о поведении магнитной иглы в присутствии электрического тока. Разумеется, такое поведение нельзя объяснить телеологически, хотя заслуживает внимания то, что реакции неодушевленных объектов часто описывают в "поведенческом" языке.

Поведение, к которому применимо подлинно телеологическое объяснение, можно назвать действием. Обычно в действии можно выделить два аспекта — "внутренний" и "внешний"(7). Внутренний аспект — это интенциональность действия, интенция или намерение, "стоящие за" его внешними проявлениями. С другой стороны, внешний аспект можно разделить на две фазы, которые я буду называть непосредственным и отдаленным внешними аспектами действия.

Непосредственный внешний аспект — это мышечная деятельность, например поворачивание или поднятие руки; отдаленный внешний аспект — это некоторое событие, причинно вызванное мышечной деятельностью, например поворачивание ручки или открывание окна, или лучше: факт, состоящий в том, что данная ручка поворачивается или окно открывается. Отдаленный аспект не обязательно представляет собой изменение; он может состоять в том, что изменение не происходит, например, когда я подхватываю вазу рукой, не давая ей опрокинуться. Кроме того, в действии может отсутствовать внешний аспект — например, если я просто поднимаю руку. Наконец, непосредственный аспект не всегда представляет собой движение, это может быть просто напряжение мускулов, что характерно для "превентивного" в отличие от "производящего" (или "разрушающего") действия.

Следует заметить, что не всякий акт (или деятельность) имеет наряду с внутренним и внешний аспект. Акты (деятельность), в которых отсутствует внешний аспект, часто называют мыслительными. Для мыслительных актов, или мыслительной деятельности, по-видимому, непригоден термин "поведение". Не

употребляют обычно для обозначения их и термин "действие".

Следует также заметить, что не всякое действие (или деятельность) имеет наряду с внешним и внутренним аспектом. Действие (деятельность), лишенное интенциональности, часто называют рефлекторным. Это действия, которые являются реакцией, или ответом (живого) организма на раздражение (стимул)(8). Здесь нас будет интересовать только такое поведение, которое носит характер действия и имеет внутренний и внешний аспекты.

Многие действия представляют собой осуществление чего-либо. В этих действиях есть такая фаза внешнего аспекта, что если она не реализуется, действие по определению просто не было совершено (закончено). Эту фазу внешнего аспекта мы будем называть (в несколько техническом смысле) результатом действия (ср. гл. II, разд. 8). Таким образом, результат действия — это фаза (часть) внешнего аспекта, существенно (концептуально, логически) связанная с самим действием.

Например, открывание окна — это некоторое осуществление. Результатом его является событие (изменение), состоящее в том, что окно открывается (из закрытого становится открытым). Если бы окно не открылось, то было бы логически неверно описывать действие агента как открывание окна. Можно было бы назвать то, что он делал, попыткой (усилием, пробой) открыть окно.

Ту фазу или фазы внешнего аспекта, которые связаны с действием не столь существенно, как результат, я буду называть — в зависимости от характера каузальной связи этой фазы с результатом — каузальными antecedентами или следствиями результата действия.

В соответствии с привычной терминологией следствия будут называться также последствиями (действия). Таким образом, последствия действия — это следствия его результата(9) (ср. гл. II, разд. 8).

Например, каузальными antecedентами результата действия открывания окна являются определенные движения моего тела. Последствием (следствием) того же действия может быть понижение температуры в комнате.

В зависимости от различных описаний в качестве результата действия могут выступать разные фазы (если в нем несколько фаз) внешнего аспекта (но в пределах этого аспекта)(10).

Рассмотрим, например, три фазы внешнего аспекта действия открывания окна: нажатие кнопки, открывание окна и понижение температуры в комнате. Это действие можно описать следующими тремя способами: 1) агент нажал на кнопку и как следствие окно открылось, и температура в комнате упала; 2) агент открыл окно посредством нажатия на кнопку (каузальный antecedент), и как следствие температура в комнате упала; 3) агент понизил температуру в комнате посредством открывания окна, что он сделал, (вначале) нажав на кнопку.

Заметим, что в основе единства внешнего аспекта действия лежит вовсе не каузальная связь между его различными фазами. Это единство основано на осуществлении при разных фазах действия одной и той же интенции. Предшествующие и последующие фазы мы рассматриваем как часть внешнего аспекта одного и того же действия потому, что все они осуществлялись агентом интенционально. Используя выражение, принятое со времени появления книги Энскомб, можно сказать, что поведение агента в нашем примере является интенциональным при описаниях: "он открыл окно", "он нажал на кнопку" и "он понизил температуру в комнате".

Если внешний аспект действия состоит из нескольких причинно связанных фаз, то обычно оказывается правильным выделить в качестве объекта интенции агента одну из них. Объект интенции — это то, что агент намеревается совершить, это результат его действия. Предшествующие фазы являются каузально необходимыми для осуществления действия, а последующие — его следствиями.

Необходимо отличать интенциональное действие от намерения что-то сделать. Все, что мы намереваемся сделать и действительно делаем, мы делаем интенционально. Но нельзя сказать, что все действия, имеющие интенциональный характер, мы намеревались совершить. Не во всяком нашем действии есть и объект интенции, т.е. то, что мы намереваемся совершить. Когда я чищу зубы, движения моей руки являются интенциональными, однако, принимаясь за это действие, я намеревался почистить зубы, а не совершить эти движения. Движения руки, часто сопровождающие мою речь, по-видимому, не связаны с объектом интенции. Можно ли назвать их интенциональными? Это зависит, видимо, от того, знает ли о них агент или нет. Если движения интенциональны, но не связаны с объектом интенции, то объяснить их телеологически нельзя. Объяснить поведение телеологически — значит точно указать в нем объект интенции.

Возникает вопрос: как соотносятся интенциональные и предвидимые следствия моего действия? Рассмотрим снова пример трехфазного действия: нажатие на кнопку, открывание окна и понижение температуры в комнате. Допустим, в качестве еще одного следствия, что человеку, находящемуся в комнате, становится холодно и агент мог это предвидеть. Однако в намерения агента не входило заставить кого-то мерзнуть, он собирался, скажем, проветрить комнату. Можно ли сказать, что он заставил человека мерзнуть, но его действие при этом описании не являлось интенциональным? Я сомневаюсь в существовании ясных критериев для решения подобных вопросов. Нельзя сказать, что он ненамеренно заставил человека мерзнуть, так как он знал, что это может произойти, а действовал он интенционально. Но и безоговорочно утверждать, что он намеренно это сделал, также нельзя. По-видимому, ограничения, которые следует принимать в таких случаях, относятся к сфере морали. Если агента можно обвинить в том, что он предвидел следствие, хотя и не намеревался его вызвать, то тогда предвидимое следствие есть нечто такое, что он совершил намеренно и за что мы считаем его ответственным.

У действия есть "пассивный" аналог, который обычно называют воздержанием. Поскольку воздержание — это интенциональная пассивность, его можно отличать от простой пассивности, недействования. Путем воздержания нельзя непосредственно что-то произвести или помешать чему-то произойти, но можно допустить изменение или оставить нечто неизменным. Такие изменения и неизменения составляют внешний аспект воздержания от действия. В случае воздержания также можно провести различие между непосредственным и отдаленным внешним аспектом. Непосредственный внешний аспект воздержания — это, как правило, состояние мышечного покоя, но в исключительных случаях это может быть и мышечная деятельность (если, например, человек "готов к действию", но сдерживает движения).

Можно ли назвать воздержание "поведением"? Если определять воздержание как ("пассивный") вид действия, то и нельзя возражать против определения его как вида поведения. Но даже более важно то, что воздержание, так же как и действие, может требовать объяснения, и телеологичность, или направленность к цели, может быть так же характерна для воздержания, как и для действия.

В данной работе не будет обсуждаться вопрос о различии форм действия и воздержания и разрабатываться "алгебра" или "логика" действия на основе этих различий(11). Мы не будем также специально рассматривать проблемы (объяснения) воздержания, возникающие в связи с его отличием от действия, или проблемы производящего действия в отличие от превентивного. Однако следует осознавать опасности одностороннего подхода, которые возникают, если ограничить, как это часто делают, обсуждение только действием, производящим изменения. С превентивным действием и воздержанием связаны свои собственные

проблемы, заслуживающие рассмотрения.

3. Проведенное мной различие между внешним и внутренним аспектами действия следует истолковывать правильно. Я ни в коей мере не пытаюсь таким способом решить сложную проблему о природе "внутреннего". Из этого различия не следует, например, что внутренний аспект — это умственный акт или процесс, психическое состояние или "переживание". Насколько возможно, мы будем обходить эту проблему, хотя с ней неизбежно придется столкнуться, как только мы поставим следующий вопрос — о соотношении двух аспектов действия.

Как мы уже указывали, часто говорят, что интенция, или намерение, — это нечто, "стоящее за" внешними поведенческими проявлениями действия. С этим сравнением связана идея, которая, начиная по крайней мере с Декарта, играла очень важную роль в философии. Я имею в виду понимание воли как причины поведения (движений тела, мышечной деятельности). Если эта точка зрения верна, то тогда телеологические объяснения поведения можно "перевести" в каузальные; цель, "привносимую из будущего", можно заменить намерением (достичь цели), "направляющим к будущему". Крайний вариант этой концепции — отождествление намерения с некоторыми состояниями или процессами в теле (мозге), что является формой материализма.

Рассмотрим пример действия: некто звонит в дверной звонок. Результат этого действия — звонок звенит. Может ли интенция, или намерение, вызвать такой результат? Очевидно, непосредственным образом не может. Невозможно заставить звонок звенеть, просто пожелав этого. Между намерением и результатом действия должны быть промежуточные звенья, например: поднятие руки и нажатие на кнопку. Если вообще воля может быть причиной, то она должна быть непосредственной причиной первого по времени звена (фазы) в данной серии последовательных событий в мире и лишь отдаленной причиной результата действия. Первое звено — это именно то, что выше (см. разд. 2) мы назвали непосредственным внешним аспектом действия, т.е. некоторая форма мышечной деятельности (или мышечного напряжения). Итак, получается каузальная цепочка, в которой первый каузальный фактор — воля, первое следствие — непосредственный внешний аспект действия, и конечное следствие — результат действия⁽¹²⁾. (Эту цепочку можно продолжить от результата к последствиям действия.) Является ли такое рассуждение логически корректным (возможным)?

Утверждение, что (моя) воля была причиной моего действия, может рассматриваться как неоспоримо истинное только в одном случае, а именно если я просто имею в виду, что позвонил в звонок намеренно, а не по ошибке, например. Но это тривиально, и вовсе не этот случай имеется в виду, когда ставится вопрос о том, может ли намерение позвонить в звонок рассматриваться как (отдаленная) причина звучания звонка.

Как указывалось в начале II главы, среди философов, особенно со времени Юма, принято проводить различие между причиной и следствием, с одной стороны, и основанием и следствием — с другой. Смысл этого различия состоит в том, чтобы подчеркнуть отличительную черту каузального отношения, а именно логическую независимость причины и следствия.

Я буду называть каузальное отношение, удовлетворяющее требованию логической независимости его членов, юмовской причинностью, тем самым отдавая должное идеям Юма о природе причинности, а следовательно, и его идее о регулярности⁽¹³⁾.

Теперь проблему можно сформулировать так: может ли интенция или намерение быть юмовской причиной поведения, т.е. непосредственного внешнего аспекта действия?

Современные философы резко расходятся во взглядах на эту проблему. Одни из

них считают, что (логически) возможно, а часто и справедливо, рассматривать намерение (волю) как подлинную, т.е. юмовскую, причину поведения. Другие это отрицают, ссылаясь обычно на то, что намерение не является логически независимым от поведения, причиной которого оно предполагается. Другими словами, они утверждают, что связь между намерением и поведением является логической, а следовательно, каузальное отношение между ними не носит характера юмовской причинности(14).

Сам я полагаю, что защитники идеи, получившей известность под названием "аргумента логической связи", по существу, правы. Но я не уверен в том, что кому-нибудь до сих пор удалось достаточно убедительно обосновать этот аргумент. Некоторые его обоснования не только неубедительны, но даже явно несостоятельны(15).

Отдельные авторы усматривают сущность этого аргумента в том, что интенцию, или намерение что-то совершить невозможно определить без указания на объект, т.е. желаемый результат, и тем самым — на внешний аспект действия(16). Намерение позвонить в звонок специфическим образом отличается от других волевых актов своим объектом, а именно звучанием звонка. Это замечание справедливо и уместно. Оно подразумевает, что волевые акты особым образом отличаются от других вещей, которые могут выступать в качестве (юмовских) причин и могут быть определены без указания на их предполагаемые следствия. Так, например, искру, попадающую в бочку пороха и вызывающую взрыв, можно недвусмысленно охарактеризовать и отличить от других предметов в природе в силу ее "внутренних" свойств без какого-либо указания на взрыв, который может произойти, а может и не произойти — в зависимости от обстоятельств. Однако из различия между волевыми актами, а также большим числом так называемых ментальных актов и другими вещами, которые могут включаться в каузальные связи, отнюдь не следует, что намерение не может быть (юмовской) причиной поведения. Логическая зависимость специфического характера намерения от природы его объекта полностью совместима с логической независимостью возникновения намерения этого характера и реализации объекта(17).

Мне представляется, что добиться приемлемой формулировки аргумента логической связи можно с помощью привлечения понятия верификации. Поставим следующий вопрос: как установить (верифицировать) в данном случае, обладает ли агент определенной интенцией, "желанием", некоторой вещи, и как установить, соответствует ли его поведение этой интенции или воле? Если окажется, что невозможно ответить на один вопрос, не давая ответа и на второй, то тогда нельзя рассматривать интенцию или волю как (юмовскую) причину поведения, ибо верифицируемые факты не будут логически независимыми друг от друга(18). Я попытаюсь показать, что исследование проблемы верификации приведет именно к этому результату.

На протяжении всего этого раздела я говорю об "интенции или воле". Это не значит, что я рассматриваю эти два понятия как одно и то же. Просто при обсуждении вопроса о том, может ли внутренний аспект действия быть юмовской причиной внешнего аспекта, не было нужды в проведении между ними различия.

В последующем изложении я буду говорить только о намерениях (intentions). Я не буду говорить об актах воли (или о волеизъявлении), в частности, потому, что такая терминология в значительной мере является искусственной, она изобретена для философских целей, и мы мало пользуемся ею, когда фактически говорим и думаем о действиях.

Для простоты я буду называть защитников идеи о том, что интенция может быть юмовской причиной поведения, каузалистами, а тех авторов, кто признает концептуальный, или логический, характер связи между интенцией и поведением, —

интенционалистами(19).

Помимо интенций и актов воли, есть ряд других ментальных понятий, также имеющих отношение к вопросу о причинах действия: решения, желания, побуждения, основания, потребности и другие. Я не буду обсуждать их специально. Однако полная картина соотношения внутренних и внешних аспектов действия должна включать и эти другие побудительные силы деятельности. В этом отношении наш анализ неполон. Я хотел бы предостеречь читателя от слишком поспешной интерпретации моей позиции. Я не согласен с "каузальной теорией действия", но я вовсе не отрицаю, что желания или потребности, например, могут оказывать каузальное влияние на поведение. Я не оспариваю также очевидной роли в объяснении и понимании действия склонностей, привычек, предрасположенностей и других регулярных и единообразных составляющих поведения(20).

4. Рассмотрим следующую схему:

(ПВ) А намеревается осуществить (вызвать) р.

А считает, что он не сможет осуществить р, если он не совершит а.

Следовательно, А принимается за совершение а.

Рассуждение такого типа иногда называют практическим выводом (или силлогизмом). Я буду использовать этот термин, не претендуя на историческую адекватность и сознательно игнорируя то, что под этим названием можно объединить много других схем рассуждений(21).

Есть альтернативные варианты приведенной выше схемы (ПВ), я буду рассматривать их как, по существу, одно и то же. Например, в первой посылке вместо "намеревается" можно сказать "стремится", "преследует цель" или даже "хочет". Во второй посылке вместо "считает" можно говорить "думает", "верит" или иногда "знает". Наконец, в заключение вместо "принимается за совершение" можно было бы сказать "начинает совершать", или "приступает к совершению", или просто "совершает". Таким образом, выражение "приниматься за совершение" означает, что действие уже началось. Я вовсе не утверждаю, что все названные альтернативы являются синонимами. Я просто считаю, что использование одного, а не другого выражения никак не отражается на сущности проблемы, которую мы рассматриваем и решение которой собираемся предложить(22).

Схема практического вывода — это "перевернутая" схема телеологического объяснения. Исходный пункт телеологического объяснения (действия) следующий: некто принимается за совершение какого-либо действия или, проще, некто что-то делает. Мы спрашиваем: "Почему?" Часто ответ прост: "Для того чтобы осуществить р". Считается, таким образом, несомненным, во-первых, что агент рассматривает поведение, которое мы пытаемся объяснить, причинно связанным с осуществлением р и, во-вторых, что осуществление р — это именно то, к чему агент стремится или предназначает свое поведение. Не исключено, что, считая свое действие каузально связанным с желаемой целью, агент ошибается. Однако его заблуждение отнюдь не делает недействительным предлагаемое объяснение, поскольку к существу дела относится только то, что агент думает.

Является ли вывод, схема которого приведена выше, логически убедительным?

Анализ проблемы справедливости практического вывода связан с двумя различными пониманиями отношения между "внутренним" и "внешним" аспектами действия — каузалистским и интенционалистским. Занимать интенционалистскую позицию — значит рассматривать связь между посылками и заключением практического вывода, при условии, что он правильно сформулирован, как логическую. С другой стороны, с точки зрения каузалистского понимания из истинности посылок практических выводов следует истинность заключения, однако связь посылок и заключения носит не "логический", а "каузальный" характер.

Итак, каузалисты вовсе не утверждают, что интенция сама по себе способна нечто

осуществить, побудить агента к определенному виду поведения. Чтобы сделать каузальный механизм действенным, необходим дополнительный фактор — мнение, убеждение или понимание, что для достижения объекта интенции необходимо определенного вида поведение. Таким образом, характер предполагаемой причины оказывается весьма сложным и специфическим и, естественно, возникает сомнение в том, может ли такой когнитивно-волевой комплекс вообще быть юмовской причиной чего бы то ни было. Однако не будем предрешать вопрос.

Если отношение между интенцией и когнитивной установкой, с одной стороны, и поведением — с другой, является каузальным, значит, имеет место общий закон (нелогической номической связи). В таком случае посылки рассуждения оказываются антецедентом, а заключение — консеквентом этого закона. Закон и сингулярные предложения логически вызывают заключение. Таким образом, согласно рассматриваемой здесь каузалистской концепции, практический вывод (а следовательно, и телеологическое объяснение) есть не что иное, как дедуктивно-номологическое объяснение.

5. Прежде чем приниматься за вопрос о правильности — логической или каузальной — практического вывода, необходимо обсудить ряд предварительных вопросов, касающихся формы и содержания того типа обоснования, примером которого является схема (ПВ). Первый вопрос — это его отношение к телеологическим объяснениям. Пусть А намеревается осуществить p и считает достаточным для этого совершение a . Следует ли отсюда, что он примется за совершение a ? Разумеется, чтобы вывод обладал силой, о "следовании" нужно говорить во вполне определенном смысле.

Допустим, что А принимается за совершение a или совершает a . Будет ли формально удовлетворительным телеологическое объяснение поведения А, если мы скажем, что А намеревался осуществить p и считал достаточным для этого совершение a ? Вопрос сложен. В безоговорочно утвердительном ответе скрыто допущение о том, что телеологическое объяснение действия — это не просто "перевернутый" практический вывод типа (ПВ), но более широкое понятие. Все-таки на этот вопрос можно ответить утвердительно, но с определенными оговорками.

Если совершение a — это единственное, что А считает достаточным для своей цели, то тогда проблем нет, поскольку в таком случае совершение a является и необходимым. Но допустим, что можно совершить не одно действие, а больше, например a и b , и любое из них, по мнению А, является достаточным средством для достижения цели. В этом случае А делает выбор. Если он не сделает такой выбор, т.е. не выберет действие, являющееся достаточным средством для осуществления p , он не сможет достичь цели. Другими словами, ему необходимо выполнить либо одно, либо другое действие из тех, которые он рассматривает как достаточные для осуществления p .

В правильно сформулированном практическом выводе заключение должно быть таким: А принимается за совершение a или b . Совершение a или b в конкретном поведении выражается, как правило, в совершении a , но не b , или в совершении b , но не a . Попытка дать телеологическое объяснение с необходимостью приводит к следующему вопросу: почему А выбирает совершение a , а не b ? Его выбор может иметь несколько дополнительных телеологических объяснений, например: он считал, что a — это более дешевый, или более быстрый, или более легкий способ достичь p , а он намеревался (хотел) осуществить p с наименьшими затратами, или как можно быстрее, или как можно проще. И соответствовать этому объяснению будет практический вывод с заключением: А принимается за совершение a . Однако можно ли действительно дать такое дополнительное телеологическое объяснение и построить соответствующий вывод — это вопрос случайности. Выбор не всегда бывает аргументирован. Хотя характер его всегда интенционален, он может

совершаться случайно.

Итак, рассматривая вопрос о том, что телеологическое объяснение действительно объясняет, а что оно не объясняет, мы видим, что отношение между телеологическим объяснением и практическим выводом в самом деле является "перевернутым".

Однако на основе вышеприведенных наблюдений можно было бы попытаться ослабить схему практического вывода и расширить понятие телеологического объяснения действия. Утверждение: А совершил а, потому что надеялся таким путем достичь своей цели — р, можно рассматривать как вполне удовлетворительный ответ на вопрос, почему А совершил а. Однако это утверждение нельзя считать убедительным доказательством, если не дополнить его необходимой информацией об интенциях и когнитивной установке А. В этом отношении объяснение "неполно". Можно еще более ослабить схему. Например, А не считал совершение а ни необходимым, ни достаточным для своих целей, но тем не менее полагал, что оно может каким-то образом им способствовать или увеличить шансы (вероятность) их достижения. В этом случае тоже, не имея убедительного доказательства, мы объясняем, почему А совершил а. И опять-таки можно попытаться придать объяснению законченный характер, находя дополнительные посылки, например указывая на риск, которому агент может подвергнуть свои цели, если пренебрежет определенными мерами. Избежание риска можно было бы рассматривать тогда как (вторичную) цель агента: Таким путем, расширяя первую посылку, иногда можно "восстановить" доказательный характер рассуждения.

Второй вопрос предварительного характера состоит в следующем. Допустим, А считает совершение а необходимым для достижения р, но думает так же или знает, что он не может совершить а. Можно ли все-таки будет заключить, что он принимается за совершение а?

Можно было бы ответить, что, если человек считает, что он не может что-то сделать, он не будет — без подготовки — и приниматься за это. Если он не вполне уверен в своей неспособности, он может сделать попытку(23). Если он совершенно уверен в том, что он не может нечто совершить, возможно, он попытается выяснить, как это сделать.

Однако можно усомниться и в том, что человек, знающий, что он не способен совершить а, будет стремиться осуществить некоторую цель, скажем р, для достижения которой совершение а является необходимым. Агент может желать или сильно надеяться, что р произойдет, например, потому, что р осуществляют другие люди. Он может захотеть узнать, как осуществить р, что повлечет за собой желание узнать, как совершить а. Он может так твердо решить добиться р, что окажется справедливой следующая схема практического вывода:

А намеревается осуществить р.

А считает, что он не сможет осуществить р, если он (вначале) не узнает, как совершить а.

Следовательно, А принимается за выяснение того, как совершить а.

Итак, для того чтобы вывод (ПВ) можно было считать справедливым, необходимо допустить, что агент считает себя способным совершать действия, необходимые для осуществления его намерений.

Допустим, А намеревается осуществить р и считает совершение а необходимым, но недостаточным для этого. Можно ли сделать заключение, что он принимается за совершение а?

Здесь необходимо различать два случая. В одном случае у А есть некоторое мнение о том, что было бы — в добавление к а — достаточным для осуществления р, и он также полагает, что может позаботиться о том, чтобы эти дополнительные

требования были выполнены, например выполняя их сам. Во втором случае А либо не знает достаточных условий, либо знает их, но считает, что не сможет их выполнить.

В первом случае можно было бы утвердительно ответить на поставленный вопрос. Во втором случае ответ должен быть отрицательным: А не будет приниматься за совершение а, если только у него нет какой-то другой причины, не входящей в наше рассуждение, поскольку в настоящий момент он думает или знает, что совершение а не является для него способом достижения цели. Но в этом случае также возникает проблема: если А не думает, что он знает, как осуществить р, то совместимо ли это с допущением о том, что А намеревается осуществить р? Другими словами, является ли этот случай логически непротиворечивым? Я полагаю, на этот вопрос следует дать отрицательный ответ, независимо от того, какая занимает позиция по вопросу о справедливости практического вывода — каузалистская или интенционалистская.

Суть данного примера станет яснее, если мы (вначале) рассмотрим понятие желания нечто сделать. Рассмотрим следующий пример: я хочу подстрелить пролетающего мимо дикого гуся. В руках у меня винтовка. Если я хочу попасть в птицу, я должен прицелиться в нее из ружья. Но предположим, у меня кончились патроны и я не могу зарядить ружье, которое необходимо мне, если я хочу подстрелить птицу. Допустим, что, несмотря на это, я прицеливаюсь. Это мое действие будет всего лишь "символическим жестом", его нельзя рассматривать как серьезный элемент сложного действия "подстрелить птицу в полете".

Но можно ли при этих обстоятельствах даже говорить, что я "хочу" подстрелить гуся? Я могу, например, определенно утверждать, что: "Я хотел подстрелить его, но у меня не осталось патронов" или "Я хотел бы подстрелить его, но, увы, у меня нет больше пуль". Я могу также сказать: "Я хочу подстрелить эту птицу; сначала я добуду еще боеприпасов, а затем буду ее преследовать: я знаю, где она прячется". "Хотел" в первом предложении можно без изменения значения заменить словом "намеревался", а "хочу" в последнем — на "намереваюсь". Корректность утверждения о том, что я хочу подстрелить гуся сейчас, зная, что сделать это (сейчас) я не могу, зависит, по-видимому, от нашего понимания значения слова "хотеть". Если "я хочу" понимается как "мне хотелось бы", тогда это утверждение верно. Но если это выражение означает "я намереваюсь", то тогда употреблять слово "хочу" в сочетании с "сейчас" будет логически некорректным. Я могу намереваться совершать — и, следовательно, "хотеть" в смысле "намереваться" — только такие действия, о которых я знаю, что я могу их выполнить, считаю себя способным их совершить. Конечно, это "установление законов" в отношении интенции. Я не претендую на то, что употребление этого слова всегда связано с таким предположением. Однако случаи такого его употребления являются важными, и именно они нас здесь интересуют. Поэтому правильно отделять их от других случаев.

Согласно развиваемой в данной работе точке зрения, в первой посылке практического вывода подразумевается, что агент полагает, что он знает⁽²⁴⁾, каким образом можно реализовать объект своей интенции. Из этого следует, что агент также полагает, что он знает, как выполнить действия, которые, по его мнению, необходимы, и по крайней мере одно действие, которое он считает достаточным для своей цели. Таким образом, интенция включает и когнитивный элемент. Волевой и когнитивный аспекты невозможно разделить таким образом, чтобы первый полностью включался в первую посылку, а последний — во вторую. В первой посылке необходимо выявляются оба аспекта, однако вторая не становится от этого излишней. Из того, что А намеревается осуществить р, конечно же, не следует, что он определенно считает совершение а необходимым для этого. В действительности

его мнение о том, что "ситуация требует" от него, может быть весьма странным, полностью ошибочным и даже суеверным. Из того, что он намеревается осуществить p , следует лишь то, что у него есть некоторое мнение о том, что от него требуется, но вовсе не то, что у него есть какое-то определенное мнение. Если необходимость совершить a для достижения цели, но недостаточность для этого совершения только лишь a является неотъемлемой частью его мнения, то тогда неотъемлемой частью его мнения будет и то, что у него есть некоторая идея о том, что еще следует сделать, причем он полагает, что, кроме a , он с таким же успехом может сделать и это.

6. В первоначальной формулировке схемы вывода (ПВ) мы не обращали внимания на время. Мы неявно опирались на предположение, что A (в настоящий момент) намеревается осуществить p теперь и считает совершение a теперь необходимым для этой цели и, следовательно, сейчас принимается за совершение a .

Однако объект интенции часто относится к будущему времени. Фактически именно этот случай обычно и имеет место, когда мы утверждаем, не указывая точно время, что намереваемся что-то сделать. Можно доказать, что это справедливо даже тогда, когда мы говорим, что сейчас намереваемся что-то сделать. В самом деле, "сейчас" в таком случае — это непосредственно следующий момент времени.

Когда объект интенции относится к будущему, обстоятельства тем не менее могут требовать, чтобы я для достижения цели сделал что-то сейчас. Однако часто действие можно отложить, по крайней мере на некоторое время. Следовательно, если я в настоящий момент намереваюсь осуществить в будущем некоторую цель и считаю необходимым для этого определенное действие, с моей стороны не обязательно последует в настоящий момент какое-то действие.

Я собираюсь из Хельсинки в Копенгаген на уикэнд. Я знаю, что, если я заранее не закажу билет, я не смогу поехать. Но я вполне могу отложить заказ билета на два-три дня, не обязательно делая это в данный момент.

Правильно ли учтено время в следующей формулировке практического вывода?

A (в настоящий момент) намеревается осуществить p во время t .

A (в настоящий момент) считает, что, если он не совершит a не позднее чем во время t' , он не сможет осуществить p во время t .

Следовательно, не позднее чем во время t' A принимается за совершение a .

Но очевидно, что такой вывод не может носить обязательного характера — ни логического, ни каузального. Между настоящим моментом, временем t' и t может произойти все что угодно. A может изменить свои планы (намерения) или просто забыть о них. A может изменить свое мнение о том, что ему необходимо сделать для достижения своей цели.

Чтобы учесть все эти случайности в формулировке схемы вывода, нужно в первых двух случаях заменить выражение "в настоящий момент" на выражение "с настоящего момента", понимая под ним время между настоящим моментом и временем t' . Схема становится такой:

С настоящего момента A намеревается осуществить p во время t .

С настоящего момента A считает, что, если он не совершит a не позднее чем во время t' , он не сможет осуществить p во время t .

Следовательно, не позднее чем во время t' A принимается за совершение a (25).

Однако и эти изменения недостаточны. В высказывании, что A принимается за совершение какого-либо действия во время t' , указывается определенное время. Но A может не знать, что наступило время t' , или он может думать, что настало время t' , когда в действительности это не так. Самое большее, что можно утверждать в заключение практического вывода, — это следующее: A принимается за совершение a не позднее, чем когда, по его мнению, — правильно ли он думает или ошибочно —

наступает время t' . Формулировка практического вывода становится такой:

С настоящего момента А намеревается осуществить p во время t .

С настоящего момента А считает, что, если он не совершит a не позднее чем во время t' , он не сможет осуществить p во время t .

Следовательно, не позднее, чем когда, по его мнению, наступило время t' , А принимается за совершение a .

Но возможно, никогда не наступит момент, когда А оценивает время как подходящее: он забывает о времени. В таком случае он забудет также (приняться за) совершение a . Однако отсюда не следует, что он отказался от своего намерения или даже забыл о своем намерении(26). Рассматриваемая ситуация совместима с истинностью следующего контрфактического высказывания: если бы А спросили в любое время между настоящим моментом и временем, которое, по его мнению, является временем t' , собирается ли он совершить a не позднее чем в это время, его ответ был бы "да". Это было бы свидетельством того, что он не забыл о своем намерении. (Иметь намерение с некоторого момента не значит все время "о нем думать".)

Для того, чтобы учесть этот последний случай, в заключение следует добавить пункт: "если он не забывает о времени".

Но даже когда в формулировке правильно учтен временной фактор, в одном отношении схема остается неполной, а вывод, следовательно, явно неубедительным. Агент может при осуществлении своей интенции столкнуться с препятствием. Например: он ломает ногу, попадает в тюрьму, его парализует или даже он умирает. Превентивные факторы понимаются здесь как некоторые события ("внешнего") мира, появление которых делает ("физически") невозможным для агента выполнить необходимое действие в необходимое время. Имело ли место такого рода препятствие или нет — устанавливается межсубъективно.

Превентивный фактор может вмешаться либо между "образованием" интенции и когнитивной установкой и выполнением необходимого действия, либо в тот самый момент, когда агент начал действовать. Несомненно, более распространен первый случай. В этом варианте превентивный фактор обычно оказывает воздействие на планы агента, вынуждая их изменить. Возможно, агент откажется от своего первоначального намерения, когда поймет, что не сможет его осуществить. Или изменит свою интенцию так, чтобы согласовать ее с ослабевшими возможностями. Он может также пересмотреть требования ситуации и прийти к выводу, что в конечном итоге не (так) уж необходимо (как он думал) совершать a , он вполне может совершить b , благо ничто не мешает это сделать. Если имеет место какой-либо из этих вариантов, то тогда первоначальный практический вывод, так сказать, "распадается" и вопрос о проверке его обязательного характера лишается смысла.

Остается рассмотреть случай, когда превентивный фактор появляется в тот самый момент, когда агент принимается за совершение a . (Сюда же можно отнести случай, когда вмешательство произошло раньше, но осталось агентом незамеченным.) В этом варианте у агента не остается времени, чтобы изменить свою интенцию или пересмотреть требования ситуации. Практический вывод не "распадается", но должен быть переформулирован с учетом этого случая. Это можно сделать, добавив еще один пункт в заключение: "если он не сталкивается с препятствием".

Следующую схему можно рассматривать как окончательный вариант формулировки вывода, обязательный характер которого является предметом рассмотрения:

С настоящего момента А намеревается осуществить p во время t .

С настоящего момента А считает, что, если он не совершит a не позднее чем во время t' , он не сможет осуществить p во время t .

Следовательно, не позднее, чем когда, по его мнению, наступило время t' , А принимается за совершение а, если он не забывает о времени или не сталкивается с препятствием.

7. Предметом обсуждения является вопрос о характере связи между посылками и заключением практического вывода — является ли она эмпирической (каузальной) или концептуальной (логической). Но сами по себе посылки и заключение случайны, т.е. представляют собой эмпирически, а не логически истинные или ложные суждения. Следовательно, они допускают возможность(27) верификации и фальсификации или по крайней мере подтверждения и неподтверждения их на основе эмпирических наблюдений и проверок.

Теперь мы перейдем к проблеме верификации. Я попытаюсь доказать, что решение этой проблемы приведет также и к ответу на вопрос о характере "связи", а тем самым и справедливости вывода.

Вначале рассмотрим заключение. Как можно верифицировать (установить), что агент принимается за совершение какого-либо действия, если ему ничто не мешает или он не забывает о времени?

Если фактически совершено какое-то действие, то сравнительно легко установить, что осуществился результат действия, представляющий собой некоторое событие в мире. Например, мы видим, что тело человека совершает определенные движения, и это дает нам хорошее основание полагать, что наблюдаемые движения вызывают, скажем, открывание окна.

Но для верификации того, что А совершил а, недостаточно верифицировать появление результата действия и верифицировать, или принять как вероятное, что этот результат был вызван движением мускулов А. Мы должны установить, кроме этого, что действие было совершено А интенционально, а не случайно, по ошибке или даже против его воли. Мы должны показать, что поведение А, наблюдаемые нами движения его тела являются интенциональными при описании "совершение а".

Если мы можем верифицировать, что А (интенционально) совершил а, то нет необходимости в верификации того, что он также и принимался за совершение а. Можно сказать, что это логически вытекает из первого. Однако в большом числе случаев установить, что А принимался за совершение а, т.е. верифицировать заключение практического силлогизма, невозможно путем верификации того, что А совершил а: А мог приниматься за совершение а и пытаться это сделать, но потерпеть неудачу или по какой-то другой причине не завершить действие. Как же в таких случаях верифицировать заключение практического вывода? Нам необходимо показать, что А, т.е. поведение А, было "устремлено" на такое действие, но не достигло цели. Но в чем состоит такое устремление? Оно не может заключаться только в совершаемых А движениях, даже если они в точности похожи на те движения, которые характерны для успешно выполненного действия. Нам ведь необходимо еще показать, что они были интенциональны. И в конечном итоге нет необходимости в том, чтобы они были похожи. Все равно может быть истинно, что, выполняя их, А стремится к совершению а.

В действительности легче установить, что А принимался за совершение а, если он действительно совершил а, чем если ему это не удалось. Но ни в одном из этих случаев верификация внешнего аспекта действия и/или его каузальных следствий не будет достаточной. В обоих случаях нам придется устанавливать интенциональный характер поведения или выполнения действия, его "устремленность" на определенный результат, независимо от того, достигается он или нет.

Но установить нацеленность поведения на определенный результат, независимо от того, как оно каузально с ним связано, — значит установить, что агент обладает определенной интенцией и (может быть) когнитивной установкой, связанной со

средствами достижения цели. А это значит, что для того, чтобы верифицировать заключение, необходимо верифицировать посылки практического вывода.

Столкновение агента с препятствием, мешающим ему совершить некоторое действие, означает, что ему нечто "физически" помешало проявить способность, которой вообще он обладает(28) (ср. выше, с. 137). "Психологическое" препятствие, даже если оно принимает форму открытой угрозы физического насилия, не будет рассматриваться, так как несовершенство действия в этом случае будет интенциональным воздержанием. Однако не всегда здесь можно провести четкую грань. Иногда наша реакция на опасность или угрозу носит рефлекторный или панический характер, что заставляет сомневаться в интенциональности поведения. Но все же в обычных случаях относительно легко и без сомнений устанавливается, имело ли место физическое препятствие для проявления способности агента или нет.

Допустим, мы установили, что в данном случае А не смог в силу препятствия проявить свою способность совершить а. Как тогда можно показать, что он принял бы за совершение а, если бы не препятствие? По-видимому, единственный способ это сделать состоит в том, чтобы показать присутствие интенции совершить а или нечто такое, для чего необходимо совершение а. То есть и в этом случае для того, чтобы верифицировать заключение, необходимо верифицировать посылки практического вывода.

Случай, когда агент забывает о времени, относится к делу, только если можно предполагать, что он также не забыл или не изменил свои намерения. (Если же имеет место последнее, то анализируемое высказывание нельзя больше рассматривать как заключение практического рассуждения.) Следовательно, установить случай такого рода забывчивости — значит *ipso facto** установить истинность посылок практического вывода. Установить же, что А, которому ничто не препятствовало, принял бы за совершение а, если бы он не забыл о времени, можно, только показав, что либо а было тем, что он намеревался сделать, либо было необходимо для достижения более отдаленной цели.

* В силу самого факта (лат.) .

8. Как установить, что агент с определенного времени намеревается нечто осуществить и считает необходимым для реализации своей интенции совершить некоторое действие?

Кратко остановимся на том аспекте проблемы верификации, который связан с временным фактором и возможными изменениями в интенциях и когнитивных установках. Если мы установили, что А в настоящий момент обладает определенной интенцией и когнитивной установкой, как мы узнаем, что они остаются у агента с настоящего момента до некоторого момента в будущем? Должны ли мы верифицировать их в продолжение всего этого времени? И каким образом устанавливается изменение в интенции и/или когнитивной установке?

Обладание интенцией и когнитивной установкой не обязательно ведет к немедленному действию. Однако с момента их (совместного) формирования и до момента реализации они "негативно" будут оказывать воздействие на наше поведение. Воздействие будет заключаться в том, что в продолжение всего этого интервала времени агент будет не интенционально совершать или предпринимать действия, которые, по его мнению, сделают невозможным осуществление интенции. Если я собираюсь навестить завтра днем свою тетушку, я не возьму на завтрашнее утро билет на самолет, летящий в Пекин. Если же я это сделал, значит, я изменил свои мысли (интенцию), или не понимаю требования ситуации, или должен лететь в Пекин против своей воли. Мы устанавливаем изменение намерения именно из

такого рода наблюдений. Однако само это наблюдение является верификацией того типа, который нас сейчас интересует, а именно установлением данной интенции и/или когнитивной установки. Верификация изменения или сохранения интенции предполагает верификацию интенций — и интенционального поведения — в настоящий момент. Именно по этой причине нет необходимости более подробно анализировать роль временного фактора.

Существует несколько косвенных способов, с помощью которых можно установить, что агент обладает определенной интенцией и считает необходимым для ее реализации некоторое действие. Например: агент принадлежит к определенному культурному сообществу, у него обычное образование и обычный жизненный опыт. На основе этих данных мы можем считать несомненным, что у него могут быть намерения осуществить *p*, а также мнение (или убеждение), что для этого необходимо совершить *a*. Или, например, он обладает некоторыми чертами характера и темперамента, которые склоняют его к определенному типу поведения в сходных ситуациях. Такое знание позволяет с большой вероятностью предполагать, что сейчас, например, агент путем совершения *a* намеревается осуществить *p*. Иногда мы даже говорим, что знаем интенции и когнитивную установку агента. Например: человек упал в реку, не может оттуда выбраться и кричит изо всех сил, зовя на помощь. В такой ситуации мы вполне уверены в том, что этот человек хочет избавиться от своего неприятного положения и считает, что, если он не будет кричать и его не услышат, ему не окажут помощи, а если ему не помогут, то он не будет спасен.

Очевидно, что такого типа "верификация" носит лишь гипотетический и предварительный характер, а не является непреложной и окончательной. Она основана на аналогиях и допущениях, которые, хотя обычно и надежны, в отдельном случае могут оказаться ошибочными. Может быть, человек в реке находится в полной безопасности и только симулирует несчастный случай. Кроме того, мы судим о надежности аналогий, основываясь на отдельных прошлых ситуациях, для которых были характерны определенные интенции. И на основе склонностей, черт характера, привычек и т.п. мы предполагаем наличие таких же интенций и в новых случаях. Очевидно, что попытка делать такие обобщения критерием истинности единичных суждений об интенциях и когнитивных установках носит характер логического круга(29).

Можно ли более непосредственным путем установить интенции агента и его мнение о необходимых средствах их достижения? Существует метод, к которому мы часто прибегаем и обычно считаем, что из всех внешних методов именно посредством него можно наиболее непосредственно установить интересующие нас факты. Он состоит в том, что мы задаем вопрос, в нашем примере — мы спрашиваем, почему агент кричит. Допустим, что человек ответит на языке, который нам понятен. Его ответ — устный или письменный — также является поведением, вербальным поведением. Допустим, он отвечает так: "Я кричу для того, чтобы мне помогли спастись и я не утонул" (может быть, несколько неправдоподобная грамматическая конструкция для рассматриваемой ситуации). Почему он дает такой ответ? Ответить на этот вопрос — значит объяснить его вербальное поведение. Объяснение может иметь такую форму:

А кричит "помогите" для того, чтобы его спасли и он не утонул.

А считает, что его не спасут, если он (правильно) не ответит на вопрос, почему он кричит.

Следовательно, А утверждает, что он кричит для того, чтобы его спасли.

Это практический вывод. И этот вывод порождает те же самые вопросы, на которые мы пытаемся ответить. Может быть, А лжет(30). Если он кричит "помогите" и при этом всего лишь симулирует несчастный случай, то, отвечая на вопрос,

почему он кричит, он, вероятно, тоже скажет: "Я кричу для того, чтобы меня спасли". Но тогда приведенное объяснение: "Он делает это для того, чтобы спастись" — будет неверным.

Итак, если его слова "Я кричу для того, чтобы меня спасли" и можно считать верификацией его намерений и определенного поведения (т.е. крика "помогите"), то только потому, что мы принимаем их истинность без доказательств. Следует заметить, кроме того, что в практическом силлогизме, посредством которого мы объясняем вербальное поведение агента, трудности связаны не только с верификацией посылок, но в равной мере относятся и к заключению. Каким образом мы устанавливаем, что А утверждает, что он кричит для того, чтобы спастись? То, что мы регистрируем, — это звуки, которые он издает. Мы можем отметить, что он произносит фразу: "Я кричу для того, чтобы спастись", но это еще не значит, что именно это он утверждает. Ибо откуда мы можем знать, что именно такой смысл подразумевается в его словах? Если мы без доказательства принимаем значение его слов и используем это значение для подтверждения истинности посылок практического вывода, оканчивающегося криком "помогите", значит, мы допускаем, что мы уже верифицировали заключение другого практического вывода, который заканчивается его ответом на некоторый вопрос.

В принципе вербальное поведение не дает возможности более непосредственно, чем любое другое поведение, подойти к анализу внутренних состояний. Понимание этого обстоятельства вызывает искушение сказать, что единственный непосредственный способ верификации может заключаться только в осознании самим агентом своего внутреннего состояния. "Только я могу знать, что я намереваюсь делать и что я считаю необходимым для реализации объекта моей интенции".

Я стою перед дверью и намереваюсь позвонить в звонок именно в данный момент. Как я узнаю, что именно это я хочу сделать? Действительно, нажатие на кнопку или какое-то другое мое действие в данный момент имеет целью вызвать звучание звонка. Но каким образом этот факт становится мне известен? Должен ли я размышлять над значением своих движений всякий раз, когда я интенционально действую?

Мое знание собственных интенций может быть основано на рефлексии, на наблюдении и истолковании своих реакций. В этом варианте знание себя самого будет таким же "внешним" и "опосредованным", как и знание обо мне кого-то другого, и к тому же может оказаться даже менее достоверным (если уж касаться этого вопроса, то отнюдь не несомненно, что я — самый лучший судья своих интенций и когнитивных установок). Непосредственное знание собственных интенций не основано на рефлексии (над моим внутренним состоянием), а является интенциональностью моего поведения, связью поведения с намерением нечто осуществить. Поэтому оно неприменимо для верификации посылок практического вывода. Эти послышки описывают мои интенции и когнитивные установки, а именно интенциональность, т.е. устремленность моего поведения на некоторый объект, и есть то, что необходимо установить (верифицировать).

Можно было бы сказать, что интенциональное поведение подобно языку(31), это жест, под которым я что-то подразумеваю. Так же как использование и понимание языка предполагает общность языка, понимание действия предполагает общность учреждений, обычаев, технического оснащения, приобщение к которой происходит путем обучения и тренировки. Можно, вероятно, назвать это общностью жизни(32). Невозможно понять или объяснить телеологически поведение, которое нам совершенно чуждо.

Значит ли это, что я рассматриваю свое намерение (именно в данный момент) позвонить и мнение о том, что для этого необходимо нажать на кнопку,

тождественными факту нажатия в данный момент на кнопку? На этот вопрос следует ответить следующим образом: намерение и когнитивная установка отнюдь не являются последовательностью телесных движений и событий внешнего мира, которая завершается нажатием на кнопку и вдавливанием ее в отверстие. Но они являются этой последовательностью, если она понята мной (или другими) как действие "звонить в звонок".

Характеристика интенциональности как находящейся в поведении одновременно отражает и нечто важное и в то же время ошибочна. В ней правильно подчеркивается, что интенциональность не есть нечто присутствующее "за" или "вне" поведения. Это не ментальный акт или особое переживание, сопровождающее поведение. Ошибочность же такой характеристики в том, что она предполагает "локализацию" интенции, ограничивает ее определенным моментом поведения, неявно допуская, что можно обнаружить интенцию, анализируя поведение в этот момент. Можно было бы сказать, хотя это также может ввести в заблуждение, что интенциональность поведения — это его место в истории агента. Поведение приобретает интенциональный характер, когда оно понята самим агентом или внешним наблюдателем в более широкой перспективе, когда оно помещено в контекст целей и когнитивных установок. Именно эту задачу выполняет конструирование практического вывода для данного поведения в виде формулирования посылок, соответствующих данному заключению.

Итак, в результате нашего исследования проблемы верификации можно сделать следующий вывод.

Верификация заключения практического рассуждения предполагает, что мы можем верифицировать скоррелированную совокупность посылок, из чего логически следует, что наблюдаемое поведение будет интенциональным при описании, данном в заключении. Значит, мы не можем, утверждая посылки, отрицать заключение, т.е. отрицать правильность описания, данного наблюдаемому поведению. Но совокупность верифицированных посылок не обязательно, конечно, будет такой же, что и посылки рассматриваемого практического рассуждения.

С другой стороны, верификация посылок практического рассуждения предполагает, что мы можем выделить некоторый образец поведения, являющийся интенциональным при описании, которое дается либо в самих этих посылках ("непосредственная" верификация), либо в некоторой другой совокупности посылок, из которых следуют посылки рассматриваемого рассуждения ("внешняя" верификация).

Я полагаю, что именно такая взаимозависимость верификации посылок и верификации заключения практического силлогизма и доказывает справедливость "аргумента логической связи".

Характерной чертой рассматриваемых методов верификации является то, что они предполагают существование некоторого действительного образца поведения, которому дается интенциональная "интерпретация". Предположим, что такого поведения нет. Что означает это предположение?

У нас имеются посылки практического рассуждения: агент намеревается нечто осуществить и считает необходимым для этого некоторое действие. Наступает время для совершения действия. Он сам так полагает. Допустим, он решил убить тирана. Он стоит перед ним, целясь из заряженного револьвера. Но ничего не происходит. Что мы должны в этом случае сказать? Его "парализовало"? Медицинское обследование показывает, что физически этому человеку ничто не препятствовало реализовать свое намерение. Может быть, тогда он отказался от своей интенции или пересмотрел требования ситуации? Агент все это отрицает. Может быть, он лжет? Все эти вопросы имеют целью описание ситуации, в которой утверждения, что агент столкнулся с препятствием, забыл о времени, отказался от

интенции или пересмотрел требования ситуации, не имеют другого основания, кроме того, что он не принимался за совершение действия, соответствующего посылкам. Разумеется, это крайний случай, однако я не считаю его нереальным. Если мы будем настаивать на одной или другой из приведенных альтернатив, это будет означать, что мы превратили справедливость практического силлогизма в некоторый стандарт для истолкования ситуации. Может быть, это и имеет смысл. Однако здесь нет логического принуждения. С таким же основанием мы можем утверждать следующее: если можно вообразить такого рода ситуацию, это означает, что заключение практического силлогизма не следует из посылок с логической необходимостью. Настаивать на необходимом следовании было бы догматизмом.

Характерным для приведенного примера является то, что агент не делает буквально ничего. Это не значит, что агент воздерживается от действия, так как воздержание представляет собой интенциональное недействие, а интенциональный отказ от реализации интенции — это изменение интенции. Если изменяется интенция, то силлогизм "распадается" и вопрос о его справедливости не встает.

Таким образом, несмотря на истинность "аргумента логической связи", посылки практического вывода не вызывают действие с логической необходимостью, из них не следует "существование" соответствующего им заключения. Постепенно подготавливая действие, силлогизм является "практическим", но он отнюдь не является примером логического доказательства(33). Практическое рассуждение приобретает логически доказательный характер только после того, как действие уже совершено, и для объяснения или подтверждения его строится это рассуждение. Можно было бы сказать, что необходимость практического вывода — это необходимость, полученная *ex post actu**.

Я попытался показать, как связаны посылки и заключение практического вывода. Я анализировал эту связь, исследуя проблему их верификации. Мы не рассматривали проблему о том, какую из альтернативных совокупностей посылок следует принимать для

* После действия (лат.).

некоторого данного заключения, т.е. проблему проверки "фактической", в отличие от "формальной", правильности (истинности) предлагаемого телеологического объяснения действия. В данной работе эта проблема не будет рассматриваться.

9. Мы доказали, что посылки практического рассуждения не описывают юмовскую причину поведения, о котором говорится в заключении, однако вопрос о том, нельзя ли такое поведение объяснить также и каузально, остается еще открытым. Существуют две противоположные позиции. Защитники "тезиса совместимости" отвечают на этот вопрос утвердительно, а защитники "тезиса несовместимости" — отрицательно(34). Я попытаюсь показать, что обе эти позиции в чем-то верны, а в чем-то ошибочны и что, следовательно, при правильном истолковании они не являются противоположными. Для того чтобы эти позиции вообще можно было противопоставлять, необходимо вначале уяснить, имеет ли смысл допущение одинаковости экспланандумов в телеологическом и каузальном объяснении.

Что является экспланандумом каузального объяснения поведения? Разумеется, некоторый образец поведения. Однако такой ответ двусмыслен, так как остается неясным, какое это поведение — интенционально понимаемое, т.е. действие или стремление к достижению цели, или же оно представляет собой "чисто естественное" событие, как крайний случай — мышечную деятельность.

Часто экспланандум каузального объяснения поведения удобно описывать в интенциональном ("поведенческом") языке. Например, физиолог-экспериментатор

определенным образом стимулирует какие-то центры в нервной системе человека, и человек соответственно "совершает определенные движения", например поднимает руку. Однако такое интенциональное описание движений как деятельности или действия не имеет никакого отношения к каузальному объяснению этих движений как результата стимуляции нервных центров и справедливо может считаться не строго "научным". Мы объясняем, почему части его тела двигаются под каузальным влиянием стимуляции нервной системы, а не почему он двигает частями своего тела.

(Последнее он совершал бы под телеологическим влиянием своих интенций и когнитивных установок.) Мы можем, например, сфотографировать эти движения, поместить их в систему координат и описать их как перемещение объектов в этой системе.

Более сложен вопрос о том, что является экспланандумом телеологического объяснения. Насколько это сложно, можно увидеть, поставив следующий вопрос: можно ли описать движения, объясняемые телеологически, полностью в неинтенциональных терминах, т.е. описать их таким образом, чтобы поведение при этом описании не носило интенционального характера? Например, можно ли их описать как перемещение некоторых объектов в системе координат?

Рассмотрим снова практический силлогизм с таким заключением: агент, при условии, что ему не препятствуют, принимается за совершение некоторого действия, которое он считает необходимым для достижения какой-то своей цели. Если мы хотим объяснить поведение телеологически, мы, так сказать, исходим из заключения и приходим к посылкам. В обычных случаях мы исходим из факта уже выполненного действия и поэтому считаем несомненным, что агент также и "принимался" за совершение действия. Можно ограничить обсуждение только такими нормальными случаями, причем все сложности рассматриваемого вопроса сохраняются.

Допустим, необходимо телеологически объяснить такое — интенционально описанное — поведение: А совершает определенное действие, например нажимает на кнопку. Мы предлагаем следующее телеологическое объяснение, конструируя, причем в прошедшем времени, посылки практического вывода так, чтобы они соответствовали данному экспланандуму как заключению:

А намеревался позвонить.

А полагал (знал), что, если он не нажмет на кнопку, он не сможет позвонить.

Следовательно, А нажал на кнопку.

Это объяснение может оказаться "фактически необоснованным" (ложным, неверным) в том смысле, что действительная причина, по которой А нажал на кнопку, была другой. Однако это объяснение "формально обосновано" (правильно), будучи *ex post actu* конструкцией посылок, соответствующих данному заключению.

Теперь рассмотрим, можно ли заменить заключение неинтенциональным описанием поведения А и при этом сохранить формальную обоснованность объяснения (вывода). Рассмотрим такое заключение, оставив посылки прежними:

Следовательно, палец А нажал на кнопку.

Это высказывание может быть истинным, но оно не является необходимым при данных посылках. На кнопку можно нажать множеством других способов. Вообще может не быть необходимости делать это с помощью пальцев. Кроме того, у человека, как правило, десять пальцев. Допустим, в нашем случае агент нажал на кнопку большим пальцем правой руки. Даже если он и должен был нажать на кнопку с помощью пальцев, из сформулированных нами посылок не может следовать с логической необходимостью, что он должен был это сделать каким-то определенным пальцем.

Как же тогда следует сформулировать заключение в неинтенциональных терминах, не нарушив формальной обоснованности объяснения? Рассмотрим

следующий вариант:

Следовательно, тело А двигалось способом, который вызвал нажатие на кнопку.

Это суждение также не является приемлемым. Например: Л дышит, и появляющаяся вследствие дыхания струйка воздуха производит, допустим, слабое нажатие на кнопку. Такое поведение вообще не попадает в сферу телеологического объяснения. Почему? Очевидно, потому, что оно не поддается интерпретации как действие нажатия на кнопку. Однако если, исходя из положения его тела, изгиба рта и способа дыхания, мы приходим к мысли, что он дул на кнопку, то тогда мы могли бы а fortiori проинтерпретировать его действие как странный способ нажатия на кнопку.

В рассматриваемой нами ситуации имеет место поведение, а именно движения тела А. Несомненно, эти движения можно описать так, что будет исключена всякая интенциональность(35). Но если задать вопрос, какие из этих движений должны логически следовать из посылок сформулированного выше практического вывода, то придется дать такой ответ: такие движения, которые мы интерпретируем как действие нажатия на кнопку. Тем самым заключение, соответствующее посылкам, будет таково:

Следовательно, тело А двигалось таким способом, который представляет собой действие нажатия на кнопку.

Но это всего лишь другой, и более запутанный способ сказать, что А нажал на кнопку. Мы вернулись к тому, с чего начали.

Таким образом, результат рассмотрения состоит в следующем: формальная обоснованность практического вывода требует, чтобы поведение, о котором говорится в заключении, описывалось (понималось, интерпретировалось) как действие, как совершение или попытка совершить данным агентом некоторое действие. Можно было бы сказать также, что, для того чтобы стать телеологически объяснимым, поведение должно быть вначале интенционально понято. При интерпретации мы можем руководствоваться объяснением, основания для которого не выходят за рамки данного случая. Ибо все, что мы можем думать, сводится к тому, что человек, стоящий перед дверью, намеревается позвонить в звонок и знает, что для этого необходимо нажать на кнопку. Поэтому наблюдаемые нами весьма странные его движения, очевидно, имеют целью нажать на кнопку. Позже мы можем обнаружить, что у этого человека искалечены руки, и поэтому, для того чтобы совершить такое действие, как нажатие на кнопку, ему необходимо воспользоваться ногой.

Цель, с точки зрения которой объясняется действие, может быть более или менее "отдалена" от самого действия. Например: А нажимает на кнопку для того, чтобы позвонить. Тем самым путем нажатия на кнопку он звонит. Однако А звонит для того, чтобы его впустили в дом. Тем самым, позвонив в звонок, он получает возможность войти в дом или, нажимая на кнопку, он входит в дом.

Но что, если у поведения нет какой-то другой цели, а оно, как мы говорим, является "целью само по себе" или совершается "ради самого себя"? Кстати, в рассматриваемом сейчас примере нет необходимости предполагать какую-то другую цель помимо самого действия. А просто нажимает на кнопку. Он не делает это для того, чтобы позвонить. Может быть, он делает это просто для того, чтобы вдавить кнопку в отверстие. В этом случае можно сформулировать такое объяснение:

А намеревается вдавить кнопку в отверстие.

А думает, что он не сможет это сделать, если он не нажмет на кнопку.

Следовательно, А нажимает на кнопку.

Однако это объяснение (нажатия кнопки) вовсе не обязательно истинно. Может быть, единственное, что А намеревается сделать, — это нажать на кнопку. Он еще никогда в жизни этого не делал. Он видел, что так делают другие люди, но не знает,

для чего. Выполнить это кажется несложным. Он хочет попробовать сам. И поэтому он нажимает на кнопку.

Если действие само по себе является объектом интенции, а не есть способ достижения последнего, то тогда невозможно построить объяснение в форме практического вывода. Нет второй посылки, а есть только первая и заключение (экспланандум). Первая посылка: А намеревается нажать на кнопку. Заключение, в зависимости от специфики ситуации, будет либо: А принялся нажимать на кнопку; либо: А нажал на кнопку; либо: А принялся бы нажимать (или нажал бы) на кнопку, если бы не столкнулся с препятствием. Допустим, имеет место второй вариант. Тогда мы можем сформулировать такой "вырожденный" вывод:

А намеревался нажать на кнопку.

Следовательно, А нажал на кнопку.

Звучит это весьма тривиально. Может ли это быть "объяснением" чего-либо? Было бы неправильно назвать это объяснением действия. Действие нажатия на кнопку не объясняется указанием на то, что оно было интенционально, поскольку этот его характер отражается уже в определении его как действия. Следовательно, если мы хотим объяснить действие, мы должны уметь указать некоторую более отдаленную цель или объект интенции, который не заключается в самом действии. Но если мы хотим объяснить, или, лучше сказать, понять поведение в анализируемой ситуации, то тогда утверждение, что А намеревался нажать на кнопку не будет тривиальным, то есть не будет тривиальным интерпретировать имеющее место событие как действие нажатия на кнопку. Поведение А в этой ситуации могло быть очень странным. Допустим, например, что он нажал на кнопку локтем. В этом варианте мы, вероятно, засомневались бы в том, что он действительно делал — нажимал на кнопку или что-то еще, например царапал локоть, в результате чего случайно нажалась кнопка. Такие случаи вполне возможно вообразить.

"А нажал на кнопку, потому что намеревался нажать на кнопку". Это суждение не является объяснением действия А. Однако его можно рассматривать как несколько сомнительный способ выразить тот факт, что при нажатии на кнопку у А не было другой скрытой цели, чем просто нажатие на кнопку.

"А вел себя таким образом, потому что намеревался нажать на кнопку". Это суждение можно рассматривать как обладающее силой подлинного объяснения, если оно подразумевает, что поведение А было интенциональным нажатием кнопки или попыткой это сделать, а не просто движением какой-то части его тела, в результате которого нажалась кнопка. Таким образом, когда мы "объясняем" поведение А, мы понимаем его как внешний аспект действия, определяя в нем интенцию.

Простое понимание поведения как действия (например, нажатия на кнопку) без приписывания ему некоторой цели (например, позвонить), средством достижения которой является это действие, само по себе есть способ объяснения поведения. По-видимому, можно назвать его зачаточной формой телеологического объяснения. Это ступень, необходимая для того, чтобы описание поведения перенести на телеологический уровень. Однако мне представляется, что лучше отделять эту ступень от собственно объяснения и тем самым проводить различие между пониманием поведения (как действия) и телеологическим объяснением действия (т.е. интенционально понятого поведения).

Теперь можно дать ответ на поставленный выше вопрос: одинаковы или различны экспланандумы каузальных и телеологических объяснений? Экспланандумом телеологического объяснения является действие, экспланандум каузального объяснения — не интерпретированный интенционально образец поведения, т.е. некоторое движение или состояние тела. Поскольку экспланандумы

различны, вопрос о совместимости на этом уровне не возникает. Но это еще не означает, что проблема решена(36), так как то же самое поведение, которое является экспланандумом каузального объяснения, можно проинтерпретировать интенционально, превращая его тем самым в экспланандум телеологического объяснения. Поэтому вопрос о совместимости приобретает такой вид: можно ли одно и то же поведение одновременно и правильно объяснить каузально как движение и понять как действие? Этим вопросом мы сейчас и займемся.

10. Рассмотрим относительно простое действие, такое, как поднятие руки, нажатие на кнопку или открывание двери. Результат подобных действий — некоторое событие в мире: поднятое положение руки, вдавливание кнопки в отверстие, открытая дверь. Кроме того, во втором и третьем случае это событие происходит "вне" моего тела.

Для того чтобы действие было осуществимо, должна быть возможность для его осуществления(37). Возможность поднять руку будет только тогда, когда рука еще не поднята, нажать на кнопку — если она еще не нажата, и открыть дверь — если она закрыта. Это понятно и бесспорно. Более проблематичен другой вопрос: если агент "обладает" возможностью и совершает действие, будет ли истинным следующее утверждение: если бы он не совершил действие, не произошло бы событие, являющееся результатом этого действия? Из утвердительного ответа на этот вопрос следовало бы, что в любое действие включен характерным образом контрфактический элемент (ср. выше, гл. II, разд. 7).

Допустим, что дверь закрыта, но в тот самый момент, когда я ее пытаюсь открыть, открывается "сама собой". Я уже взялся за ручку и начал нажимать, и моя рука следует за движением открывающейся двери. Будет ли правильным утверждение, что я открыл дверь? Ведь возможность это сделать ускользнула, так сказать, прямо из рук.

Решающий момент — это выражение "сама собой" Что оно означает? В данном случае что выражение не подразумевает (как иногда думают), что данное событие — движение двери — произошло вообще без всякой причины. Скорее оно подразумевает, что причина события, какой бы она ни была, действовала почему-то независимо от поведения агента. Например, дверь открывали с другой стороны или она открылась от порыва ветра. Эти случаи независимого действия причин понятны. Можно вообразить более сложный случай, например: открывание двери вызывает устройство, которое "приводится в действие" через поведение агента. Допустим, что, когда агент приблизился к двери, прервался поток излучения. В этом случае действие причины не являлось независимым от поведения агента (хотя и было независимым от того, что он взялся за ручку, толкнул и т.д.). Можно ли сказать, что причина, тем не менее действовала независимо от агента, хотя и не от его поведения? Следует различать два случая.

Агент либо знал об этом устройстве и о том, как оно работает, либо не знал. В первом случае правильно будет сказать, что он открыл дверь. Он сделал это, проходя через поток излучения, но отнюдь не тогда, когда взялся за ручку и толкнул дверь. (Последнее было случайным для его действия открывания двери, если, однако, он не думал приблизительно так: "Может быть, механизм испортился, я уж лучше совершу и эти движения, они в любом случае откроют дверь".) Во втором случае не будет правильно утверждать, что он открыл дверь, поскольку дверь открылась для него в тот самый момент, когда он пытался ее открыть. Хотя его поведение и вызвало открывание двери, однако из этого не следует, что он открыл дверь, так как именно у этого его поведения не было такой цели. В этом смысле мы и можем сказать, что дверь открылась "сама собой", а не была открыта им.

Но поскольку агент в нашем примере с потоком излучения взялся за ручку и его рука последовала за движением открывающейся двери, то, несомненно, он что-то

все-таки сделал. Действительно, он по крайней мере ухватился за ручку и толкнул дверь Эти действия были интенциональны. Более того, совершая их, он стремился открыть дверь. Он принимался за это действие. Но осуществил ли он его?

Нельзя ли сказать все же, что он открыл дверь. так как каузальная сила движений его тела, как мы полагаем, вызвала бы открывание двери, даже если другая причина не подействовала? Результат действия был просто предопределен. Но нельзя ли сказать также, что он не открыл дверь, поскольку столкнулся с препятствием в виде потери возможности? Я думаю, что фактически мы свободны утверждать любое и выбор между этими двумя способами описания ситуации будет зависеть от дополнительных ее характеристик. Возможно, мы несколько сомневаемся в том, что давление, приложенное его рукой, действительно оказалось бы достаточным для открывания двери; тогда в конечном итоге не он открыл дверь. Но если мы совершенно уверены в том, что то, что он в действительности (несомненно) сделал, т.е. обнаруженная им мышечная деятельность была достаточной для открывания двери, то тогда мы, по-видимому, должны склоняться к тому, чтобы ему также приписать действие открывания двери, хотя результат этого действия был предопределен.

Обобщая, можно сказать следующее: если результат действия, который агент стремится реализовать, выполняя для этого некоторые другие действия, осуществляется "сам собой" (в указанном выше смысле), то тогда то, что агент несомненно делает, "сокращается" или "ограничивается" теми действиями, путем совершения которых он стремился выполнить свое действие. Тем самым (последующее) обнаружение причины, действующей независимо от агента, может привести к переописанию его действия в "вырожденной" форме.

В наших описаниях действий иногда приходится делать такие "сокращения", но это исключение, а не правило. Если бы подобные случаи были гораздо более обычными, чем в действительности, нам, вероятно, пришлось бы изменить свое представление о том, насколько далеко действия человека "проникают" в мир, в котором мы живем. Можно предложить гипотезу о том, что в каждом случае, например, открывания двери всегда была и будет действовать, независимо от агента, скрытая причина, так что в действительности не он открывает дверь. По-видимому, нет хорошего способа опровергнуть эту гипотезу, но нет и достаточных оснований ее принять.

Однако у процесса переописания действия есть предел, устанавливаемый базисными действиями. Напомним, что это действия, которые совершаются непосредственно, а не появляются в качестве каузальных следствий в результате совершения других действий.

Поднимание руки не обязательно бывает базисным действием. Я могу вообразить множество способов, посредством которых можно поднять руку. Однако поднимание руки может быть и обычно является базисным действием(38).

Верно ли, что суждение "Я поднял руку" будет истинно только при условии, что истинно также суждение: "Если бы я не поднял руку, рука не поднялась бы"?

У меня нет намерения поднять руку, но неожиданно кто-то ее хватает и поднимает. Движения и последующее положение руки точно такие же, как если бы я сам поднимал руку. Итак, я не могу сказать, что я поднял руку, но не могу также и сказать, что, если бы это не было сделано мною, рука не была бы поднята. Конечно, я могу утверждать последнее и при этом иметь в виду, что, если бы я не позволил это сделать, а сопротивлялся, моя рука не была бы поднята, или что это не могло бы произойти, если бы я тоже не поднимал ее немножко. Это может быть верно. Но если суждение "если бы это не было сделано мною" означает "если бы это не было моим подниманием руки", то оно будет ложным.

Как решить, поднимал я руку или нет в случае, если нет очевидной причины,

действующей на мое тело извне? Допустим, моя рука неожиданно поднимается. Поднимал ли я ее? Ответ может быть таким: у меня не было никакого намерения поднимать руку, но неожиданно она поднялась. В этом варианте я не поднимал свою руку. Ответ может быть другим: я только лишь собрался поднять руку, фактически я уже решил это сделать, когда неожиданно заметил, что она поднята. В этом случае также я не поднимал руку, возможность это сделать была как бы потеряна для меня. Но ответ может быть и таким: конечно, я поднимал руку, это было интенционально. Тогда я должен суметь объяснить, каким образом это было интенционально, т.е. поместить действие в некоторый контекст, например сказав, что я решил это сделать, или что я обсуждал проблему свободы воли и хотел доказать своему оппоненту, что могу "по желанию" поднять руку, или что я поднял руку для того, чтобы достать книгу с полки, т.е. объяснить действие телеологически. Если бы мне указали на то, что в этот самый момент произошло некоторое событие в моем мозгу, которое мы рассматриваем как достаточное условие поднимания руки, то мне не обязательно отказываться от первоначального ответа, но можно сказать: да, я понимаю, моя рука поднялась бы в любом случае. Это не значит, что у данного события были как бы две "причины" — нервный импульс и я. Но это значит, что интерпретация поведения как действия совместима с существованием юмовской причины поведения.

Если действует юмовская причина, моя рука поднимется с "необходимостью", т.е. с естественной необходимостью. Если я намереваюсь взять книгу с полки и считаю поднимание руки (каузально) необходимым для этого, то я обычно поднимаю руку, если не сталкиваюсь с препятствием. Это утверждение логической необходимости. Однако связь между событиями на этих двух уровнях — уровне естественной и уровне логической необходимости — случайная. Даже если есть причина, под действием которой может подниматься рука, она ни вызывает с необходимостью, ни исключает того, что поднятое положение руки достигается в результате моего поднимания руки.

Тем не менее справедливо также и то, что в целом я могу с уверенностью утверждать, что моя рука останется в теперешнем положении (допустим, она не поднята), если я не подниму ее. Более того, эта уверенность становится необходимой, если верно, что я могу поднять руку (см. выше. гл. II, разд. 7). Однако такая уверенность и моя способность поднять руку вовсе не противоречат тому, что всякий раз, когда поднимается рука, в нервной системе действует некоторое достаточное условие, каузально ответственное за данное событие.

Однако исключено, что одновременно я могу и поднимать руку, и наблюдать за действием причины. В самом деле, наблюдать за действием причины — значит позволять ей поднимать мою руку ("на моих глазах"), а предоставление ей возможности действовать несовместимо с подниманием руки мною. Это логический ("грамматический") вопрос. Когда я наблюдаю, я позволяю событиям произойти, когда же я действую — я заставляю их произойти. И позволять, и заставлять произойти одно и то же событие при одних и тех же обстоятельствах — это противоречие в терминах. Поэтому невозможно наблюдать причины результатов собственных базисных действий.

Таким образом, события, являющиеся результатами базисных действий, происходят в целом только тогда, когда мы "наделяем" эти события интенциональностью, т.е. совершаем базисные действия. Этот факт носит эмпирический характер, однако он обладает фундаментальным значением для понятия действия. Можно сказать, что концептуальный базис действия составляет отчасти наше незнание (неосведомленность) о влиянии причин, а отчасти наша уверенность в том, что только в результате нашего действия могут произойти определенные изменения(39).

Допустим, мы согласны с тем, что некоторое событие в нервной системе является достаточной причиной поднятия моей руки. Но в то же время мы хотели бы утверждать, что, если бы не произошло это событие в рассматриваемом случае, моя рука все равно бы поднялась. Какие у нас могут быть основания для такого утверждения? Возможным основанием было бы наше мнение о том, что у данного события есть несколько юмовских достаточных причин и некоторые из этих причин действовали или будут действовать в рассматриваемом случае. Может быть, у нас есть для такого мнения эмпирическое свидетельство. Однако априори говорить о наличии такого свидетельства нельзя. Но если отсутствует такое основание для нашего утверждения, не могут ли быть другие? Нельзя ли сказать, что независимо от того, имела место юмовская причина или нет, я поднял бы руку, и поэтому она была бы поднята? В этом варианте нам следовало бы выдвинуть некоторое дополнительное основание, например, что я решил это сделать или нечто подобное. И не можем ли мы оказаться правы? Неужели у каждого события должна быть юмовская причина(40)? Я полагаю, что самое большее, что мы можем утверждать, это следующее: "у всех известных нам" событий, таких, как поднимание руки, в каждом случае их появления имеются юмовские причины, хотя обычно мы не осознаем их действие. Однако подобное убеждение должно основываться на эмпирическом свидетельстве. Мы не можем доказать его истинность априори.

Глава IV. ОБЪЯСНЕНИЕ В ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

1. Последовательность этапов интенционального понимания поведения. Индивидуальное и групповое поведение. Ответ на вопрос "Что это такое?" подводит факты под новое понятие. "Эмерджентные качества", появляющиеся в групповом поведении.
2. Подлинные каузальные объяснения в истории и социальных науках. Роль таких объяснений как связующих звеньев между экспланансом и экспланандумом в объяснениях, не являющихся (подлинно) каузальными.
3. Квазикаузальные объяснения в истории. Пример: выстрелы в Сараево и начало первой мировой войны. Каким образом происходящие события оказывают воздействие на мотивационную основу практических выводов, приводящих к действиям.
4. Внешние и внутренние изменения в мотивационной основе действия. Парадигмой объяснения социального процесса является значение, придаваемое технологическим изменениям.
5. Вынуждение людей к совершению действий и понятие нормативного принуждения. Нормативное принуждение имеет телеологическую основу, возникающую под влиянием вознаграждения и наказания. К индивидуальному действию эта основа может иметь более или менее прямое отношение. В предельном случае нормативное принуждение вырождается в каузальный механизм стимула и (обусловленной) реакции.
6. Различие между правилами, регулирующими поведение, и правилами, определяющими различные социальные действия и институты. Правила второго типа не связаны с нормативным принуждением и не участвуют в телеологическом объяснении поведения. Однако они имеют важнейшее значение для понимания поведения и, следовательно, для решения дескриптивных задач антропологов и социологов.
7. Квазителеологические объяснения в истории. Приписывание (нового) значения прежним событиям в свете более поздних событий. Почему — по концептуальным основаниям — невозможно законченное истолкование исторического прошлого.
8. Объяснения целесообразности в понятиях кибернетики. Действие процессов обратной связи в истории и жизни обществ не является юмовской причинностью, связанной с охватывающими законами, а представляет собой мотивационную необходимость, лежащую в основе практических рассуждений. Механизмы обратной

связи и "отрицание отрицания". Интерпретация гегелевских и марксистских ключевых понятий с помощью кибернетических и системно-теоретических представлений.

9. Различие между двумя концепциями детерминизма в истории. Детерминизм как предсказуемость. Предсказуемость на макро- и микроуровне. Роль вероятности и "закона больших чисел" для согласования свободы и необходимости. Управление системами: извне — со стороны экспериментатора, и изнутри — со стороны субъектов исследования. Ошибки "историцизма".

10. Детерминизм как осмысленность индивидуального действия и исторического процесса. Границы телеологического объяснения, как и каузального, устанавливаются опытом. Утверждение о том, что в истории существует имманентная цель, выходит за рамки "научного" изучения человека и общества.

1. Телеологическому объяснению действия обычно предшествует интенциональное понимание некоторого образца поведения.

Можно различать "пласты" или "уровни" в таких актах понимания. Например: я вижу на улице толпу людей, которые идут в одном направлении, что-то кричат в унисон, некоторые из них несут флаги и т.п. Что здесь происходит? Мне уже понятны некоторые "элементы" события, которое я пытаюсь понять: люди идут "сами", их не несет ветер или поток; они кричат—это больше, чем сказать, что у них из горла вырываются звуки. Однако в "целом" наблюдаемое событие мне еще непонятно. Что это — демонстрация, фестиваль или религиозная процессия?

Я не думаю, что можно ответить на эти вопросы, конструируя телеологические объяснения для (интенционально понятого) поведения отдельных членов толпы. Может быть, цель демонстрации и можно каким-то образом "извлечь" из целей отдельного участника, однако как это сделать — не совсем ясно. Фестиваль или религиозная процессия могут лишь отдаленно быть связаны, если и вообще связаны, с целями отдельных людей. Может быть, некоторые люди приняли участие в фестивале, чтобы просто скоротать время. Это было бы объяснением их присутствия в данной ситуации. Однако знание их целей, а также целей других людей, присоединившихся к толпе, все равно не объяснит нам, что данное событие является фестивалем. (Если нам скажут, что их целью было присоединиться к фестивалю, нам это не поможет, если только у нас не будет независимого критерия для оценки данного события как фестиваля.)

Телеологическое объяснение действий отдельных людей не будет ответом на вопрос, что здесь происходит. Ответ на этот вопрос означает новый, второй уровень понимания. Как мы уже говорили, из факта, что человек намеревается нажать на кнопку, вовсе не следует, что он будет совершать определенные, специфические движения (или одно из таких альтернативных движений). Из этого факта следует лишь то, что посредством совершаемых движений он намеревается нажать на кнопку. Аналогично, из факта, что толпа является демонстрацией, логически не следует, что ее участники будут совершать определенные, специфические индивидуальные действия (или одно из таких альтернативных действий). Отсюда следует лишь то, что, совершая эти действия, они намереваются участвовать в демонстрации или же что их намерениям помешали (в случае, например, если полиция стреляла по толпе и в данный момент люди разбегаются). Можно провести очень подробную аналогию между индивидуальным и коллективным действием.

Можно подниматься по иерархии или уровням таких интерпретативных актов понимания значения, например: демонстрации, бунты, забастовки, терроризм и т.п. Следует ли данную ситуацию назвать "гражданской войной" или "революцией"? Такого типа вопрос не является вопросом ни классификации в соответствии с данным критерием, ни произвольного выбора употребления термина. Это вопрос интерпретации, понимания значения происходящего события.

Можно было бы назвать эту интерпретацию объяснительной. Историки и социологи очень часто называют "объяснениями" именно такие интерпретации сырого материала их исследований.

Однако мне представляется, что в данном случае лучше проводить различие между интерпретацией, или пониманием, с одной стороны, и объяснением — с другой. Результатом интерпретации является ответ на вопрос "Что это такое?"(1). И только когда мы задаем вопрос, почему произошла демонстрация или каковы были "причины" революции, мы в более узком и строгом смысле пытаемся объяснить происходящие события.

Кроме того, эти две процедуры, по-видимому, взаимосвязаны и особым образом опираются друг на друга, что служит еще одним основанием для разделения их в методологическом плане. Объяснение на одном уровне часто подготавливает почву для интерпретации фактов на более высоком уровне. Здесь также прослеживается аналогия с индивидуальным действием. В самом деле, телеологическое объяснение действия нажатия на кнопку может привести к переосмыслению совершенного агентом действия к самому акту звонка звонка, или привлечению внимания людей, или даже получению возможности войти в дом. "Посредством нажатия на кнопку он совершил х". То есть то, что он сделал, мы рассматриваем главным образом как действие х. Аналогично и для коллективного действия. Событие, понимаемое первоначально как религиозная реформация, с более глубоким проникновением в его причины может оказаться "по сути дела" классовой борьбой за земельную реформу. Такая переинтерпретация фактов служит импульсом для нового объяснения. Изучение причин религиозных разногласий может привести нас к исследованию происхождения социального неравенства как результата, например, изменений в способах производства в обществе.

Каждая переинтерпретация фактов придает им новый смысл(2). Факты как бы приобретают "качество", которым не обладали прежде. Можно проследить, как мне кажется, связь этого концептуального процесса с процессом превращения "количества в качество" в гегелевской и марксистской философии(3), а также с различными философскими представлениями об "эмерджентных качествах".

Прежде чем приступать к объяснению, необходимо описать объект объяснения — экспланандум. Любое описание дает представление о том, чем является объект рассмотрения. Если любой акт получения такого знания называть "пониманием", то тогда, разумеется, понимание предшествует всякому объяснению — и каузальному, и телеологическому. Это тривиально. Нельзя путать понимание того, на что объект похож, с пониманием того, что он подразумевает или означает. Понимание в первом смысле является предварительной характеристикой каузального объяснения, понимание во втором смысле — предварительной характеристикой телеологического. Поэтому было бы неправильно считать, что различие между двумя формами научного познания порождается противоположностью между пониманием и объяснением. Однако можно утверждать, что различие между двумя типами понимания и объяснения обусловлено интенциональным или неинтенциональным характером их объектов.

2. Используются ли в истории (и социальных науках) (подлинные) каузальные объяснения? Несомненно, используются, однако занимают в этих науках особое место и в определенном смысле подчинены другим типам объяснения(4).

Выделенные нами выше два главных типа каузального объяснения, а именно объяснение в терминах достаточных условий и объяснение в терминах необходимых условий, удобно анализировать по отдельности. Объяснения первого типа отвечают на вопросы "Почему необходимо?", объяснения второго типа — на вопросы "Как возможно?".

В результате раскопок археолог обнаружил руины античного города. Он приходит

к выводу, что около х года на город, по-видимому, обрушилась катастрофа и он был фактически разрушен. Что явилось причиной такого разрушения? Было ли это землетрясение, наводнение или вражеское нашествие? Объяснение определенных событий физического мира, таких, как разрушение мостов, стен, опрокидывание статуй и т.п., является задачей каузального объяснения. "Каузальная чистота" объяснения не будет нарушена, даже если эксплананс (в данном случае — вражеское нашествие) предполагает интенциональную интерпретацию некоторого поведения. Характер интерпретации несуществен для объяснительной силы аргумента. Утверждение, что город был разрушен людьми, означает, что разрушение города вызвали некоторые события, вытекающие из действий людей. Эти события явились причинами независимо от того, что они были также и результатами действий.

Заслуживает рассмотрения вопрос о релевантности подобного типа объяснений в историографии. Разрушение города может представлять интерес для историка по разным причинам, например потому, что это событие имело последствия для культурного, экономического или политического развития соседних городов или государств. Именно такие "следствия" и интересны. Аналогично, разрушение города может стать предметом изучения, поскольку историк видит в этом событии "причину" других известных событий той эпохи. Почему погиб город, фактическая причина его разрушения интересует историка обычно гораздо меньше. Ему может быть абсолютно безразлично то, что причиной было именно наводнение или землетрясение. Факт разрушения города людьми, а не природными стихиями как таковой, т.е. как причина разваливания домов и т.п., также не представляет интереса, однако этот факт может привести историка к исследованию причин (не в юмовском смысле), приведших к столь яростной агрессии. В результате такого исследования историк может прояснить роль города и его захватчиков в жизни того периода.

Упрощая, можно сделать следующий вывод: каузальные объяснения, указывающие на достаточные условия, не имеют непосредственного отношения к историческому и социальному исследованию(5). (Я не считаю историографией "естественную историю" Вселенной, Земли или развития видов в живой природе.) Однако косвенно они могут иметь отношение в двух основных случаях. Первый случай — если экспланандумы таких объяснений приводят к важным "следствиям" в последующей истории общества. Второй случай — если их экспланансы имеют важные "причины" в предшествующей деятельности людей и предшествующих событиях. Каузальное объяснение часто играет собственно роль связи неюмовских причин эксплананса с неюмовскими следствиями экспланандума. Так, например, если мы выяснили, что разрушение города было актом зависти или мести со стороны соседнего города и в свою очередь это разрушение оказалось экономическим бедствием для всего региона, то тем самым мы установили связь между соперничеством двух городов и последующими изменениями в экономической жизни региона. Именно такого рода связь и интересует историографа. Можно проиллюстрировать приведенный пример таким образом:

принадлежит изучению "причин" войн, революций, возникновения и падения империй, крупных миграций населения. Рассмотрим следующий пример, столь же подходящий для наших целей, как и любой другой.

Допустим, что причиной возникновения первой мировой войны было убийство австрийского эрцгерцога в Сараево в июле 1914 г. В данном случае мы отвлекаемся от того, что эта причина была лишь одной из многих и к тому же не самой "глубокой". В той совокупности обстоятельств инцидент в Сараево оказался тем не менее "искрой, от которой взорвалась пороховая бочка"(6).

Итак, дан экспланандум — возникновение войны, и предлагается эксплананс — выстрел в Сараево. Собственно исторической задачей было бы установление (фактуальной) истинности объяснения. Задачей же философа является исследование природы концептуальной связи между экспланансом ("причиной") и экспланандумом ("следствием"). Например, носит ли эта связь характер объяснения посредством (каузального) закона?

Бросается в глаза одно обстоятельство, которое вроде бы говорит в пользу такой возможности, а именно эксплананс и экспланандум явно удовлетворяют требованию логической независимости. Несомненно, убийство эрцгерцога — это совсем иное событие, нежели возникновение войны. Я не буду с этим спорить. Однако не помешает обратить внимание на то, что вопрос о логической независимости далеко не так прост, как может показаться. Возникновение войны — это сложное событие, состоящее из множества "частей" весьма разного характера: политические соображения, военные порядки, готовность армии к действию, конфликты, приводящие к кровопролитию и разрушениям, и т.п. Далеко не самоочевидно, что можно описать событие, названное нами возникновением первой мировой войны, не включая в описание инцидент в Сараево. Однако в целях нашего рассуждения мы примем допущение о том, что фактически это можно сделать.

Каким образом в таком случае убийство вызвало возникновение войны? Разумеется, совсем не так, как искра вызывает взрыв бочки с порохом. Это сравнение нельзя понимать буквально, природа двух этих случаев совершенно разная. И в том, и в другом случае между причиной и следствием есть промежуточные связи и, прежде чем мы сможем понять всю связь целиком, необходимо уяснить сначала их. В случае сараевского инцидента, но отнюдь не в случае инцидента со взрывом, эти промежуточные связи носят типичный характер мотивации дальнейших действий.

Рассмотрим в общих чертах, что действительно имело место после инцидента в Сараево. Во-первых, убийство эрцгерцога привело к предъявлению Австрией ультиматума Сербии. Предъявление ультиматума послужило России предлогом для мобилизации армии, в свою очередь это обстоятельство усилило позиции Сербии в ее конфликте с Австрией. Когда правительство Сербии отказалось принять все условия ультиматума, Австрия объявила ей войну. И так далее. Однако вернемся к первому шагу — предъявлению ультиматума. Почему австрийское правительство это сделало? Был бы предъявлен подобный ультиматум Дании, если бы в увеселительной поездке эрцгерцога по Гренландии его убил сумасшедший эскимос? Вряд ли. Сараевский инцидент совершенно по-другому воздействовал на цели и задачи политики Австрии. Традиционной задачей Габсбургов являлось утверждение австрийского влияния на Балканах. Это влияние могло быть серьезно подорвано, если бы не были наказаны виновные в убийстве, не был раскрыт заговор и все его возможные связи за границей, не была достигнута уверенность в том, что убийство не помешает планам Австрии создать независимое Хорватское королевство в противовес русскому влиянию на Балканах. Эти соображения и послужили мотивационной основой "практического вывода" австрийского правительства, который завершился предъявлением ультиматума. Если бы правительство Австрии

этого не сделало, это значило бы, что его политические цели были иные, нежели те, которые мы приписали ему в нашем наброске объяснения, либо была иной оценка "требований ситуации". Такой вывод мы могли бы сделать в случае его пассивности. Более того, заключение носило бы логический характер. Как установлено историками, между предъявлением ультиматума и его мотивационной основой имеется концептуальная связь, хотя убийство и ультиматум, а fortiori возникновение войны являются логически независимыми событиями. Роль убийства в ряду последовательных событий состояла в том, что оно изменило фактическую ситуацию, которую должно было оценить правительство Австрии, чтобы сделать соответствующие практические выводы для своих действий. Поэтому косвенным путем убийство изменило также и мотивационную основу действий австрийского правительства. В свою очередь действия Австрии оказали аналогичное влияние на мотивационную основу действий правительства России, и, таким образом, постепенно, "в силу обстоятельств" война стала, как говорят, неизбежной.

На основе данного примера можно сделать обобщения. Объяснение событий в истории (например, возникновения войны) часто заключается просто в указании на одно или несколько более ранних событий (например, убийство, нарушение договора, пограничный инцидент), которые мы рассматриваем как "содействующие причины". Если эти antecedentes назвать экспланансами, то в таких исторических объяснениях экспланандумы и экспланансы действительно логически независимы друг от друга. Однако связывает их не совокупность общих законов, а совокупность сингулярных высказываний, которые образуют посылки практических выводов. Заключение, которое вытекает из мотивационной основы, сформулированной в посылках, — это часто не сам экспланандум, а какое-то другое, промежуточное событие или действие (в нашем примере — это австрийский ультиматум), которое входит в мотивационную основу другого практического вывода с другим промежуточным заключением (например, мобилизация армии в России), и так далее через ряд шагов, пока мы не получим в итоге сам экспланандум.

Вполне правильно было бы назвать выстрел в Сараево причиной войны 1914—1918 гг., только нельзя забывать при этом, что речь идет не о юмовских причинах и номических связях. Также вполне верно было бы назвать это объяснение "каузальным", если только при этом не считать, что оно соответствует модели объяснения через закон. А вот назвать данное объяснение "телеологическим", несомненно, было бы ошибкой, несмотря на то, что телеология существенным образом включена в практические выводы, связывающие эксплананс с экспланандумом. Когда *faute de mieux** я называю такое объяснение квазикаузальным, я далек от какого бы то ни было оценочного суждения или намека на некоторое несовершенство его как объяснения. Я использую этот термин только потому, что справедливость такого объяснения не зависит от истинности общих законов (ср. гл. III, разд. 1).

Сделаем еще несколько выводов относительно общей структуры объяснения, примером которого является объяснение сараевского инцидента.

Дана последовательность независимых событий: убийство, ультиматум... возникновение войны. Эти события, как мы говорили, связаны посредством практических силлогизмов(7). Но каким образом? В описанных нами посылках практического вывода, который приводит к предъявлению ультиматума, сформулирована мотивационная основа действий австрийского правительства. Напомним, что в первой посылке говорилось о намерениях и целях австрийской политики. Во второй посылке утверждалось, что некоторое действие, а именно предъявление ультиматума, было расценено как необходимое условие для того, чтобы осуществление этих целей не подверглось серьезной опасности. Описание убийства не входит ни в одну посылку. К первой посылке оно вообще не имеет

отношения, но ко второй имеет. В результате выстрела создалась новая ситуация. В этой новой ситуации при тех же намерениях и целях стало необходимым действие, которое не было необходимым ранее. Можно было бы сказать, что это событие, т.е. убийство, "привело в действие" или "высвободило" "латентный" практический вывод. Заключение этого вывода, т.е. предъявление ультиматума, создало другую ситуацию, в которой был сделан новый практический вывод (русским правительством), в свою очередь приведший к новой ситуации (мобилизации), а эта последняя побудила к дальнейшим практическим выводам, окончательным "за-

* За неимением лучшего (франц.).

ключением" которых явилось возникновение войны.

Иллюстрацией может служить следующая схема. Пунктирные линии обозначают воздействие некоторого факта на посылки практического вывода, сплошные линии означают появление нового факта как заключения из этих посылок:

квазикаузальное историческое объяснение

4. Намерения и цели, лежащие в основе такого типа объяснений, формируются иногда под неуловимым влиянием культурных, политических, религиозных и т.д. традиций, которое трудно проследить. Происхождение таких намерений и отчетливое их выражение также может являться достойным объектом исторического объяснения. Но иногда мотивы носят столь "неприкрытый" и общечеловеческий характер, что отпадает необходимость в специальном их рассмотрении. Так, например, "причинами" миграции племени являются, как считается, перенаселенность, голод, наводнение. "Они были просто вынуждены оставить свои дома". Но разве не могли люди, оставив свои дома, все-таки умереть от голода или утонуть — подобно крысам? Конечно, могли, и, возможно, так и случилось. Но в целом люди стремятся спастись от катастроф и, если условия их жизни становятся нестерпимыми, пытаются найти место, где можно обрести безопасность и пропитание. Эти мотивы являются всеобщими, и в исторических объяснениях нет необходимости их упоминать. Объяснения в таких случаях будут непосредственно связывать экспланандумы с предшествующими изменениями во внешних обстоятельствах как "следствия" с данными "причинами".

Различные школы исследователей рассматривают некоторые основные группы изменений внешних условий как очень важные или даже единственные и наиболее фундаментальные причины исторических событий. К первой группе относятся климатические изменения, последствия эрозии и другие процессы в природе, вынуждающие людей приспособлять к ним свое поведение и способы жизни. Вторую группу составляют изменения в технологии, в результате которых становятся каузально возможными достижения, неосуществимые прежде. Подгруппой этих изменений являются изменения в способах производства(8).

"Внешними" такие изменения являются потому, что они делают новые действия либо необходимыми — при изменении каузального воздействия природных сил, либо возможными — благодаря изобретению и овладению новыми техническими достижениями. Такие изменения можно противопоставить "внутренним" изменениям

— изменениям в мотивации (в нуждах и потребностях) и когнитивных установках людей. Можно поставить следующий вопрос: как связаны изменения одного рода с изменениями другого рода и какие изменения являются "причинами", а какие — "следствиями" относительно друг друга?

По-видимому, нет достаточных оснований для того, чтобы рассматривать какую-либо одну группу факторов в качестве основной в том смысле, что изменения всех других факторов якобы можно вывести из изменений в этой. Вряд ли возможно обосновать даже более ограниченное притязание, а именно что все изменения в мотивации восходят к изменениям в технологии, не говоря уж о способах производства. Разумеется, возникновение желания сделать какие-то новые вещи в значительной степени обуславливается вновь открытыми возможностями для их создания. Однако технологические новшества, создающие возможность производства новых вещей, также имеют мотивационную основу. В ходе истории разные факторы могут оказывать влияние на ее формирование, она может быть обусловлена, например, изменениями религиозного, а не собственно технологического характера(9). Технологические изменения могут быть также обусловлены внешними природными факторами(10).

Исключительные притязания, подобные тем, которые выдвигает исторический материализм, невозможно обосновать на априорных основаниях. Однако опровергнуть их на основе опыта также нелегко(11). В качестве критерия их истинности должна выступать их плодотворность для углубления нашего понимания истории или социального процесса. А такая плодотворность может быть значительна(12).

5. Часто люди делают нечто потому, что их заставляют это делать. Способы принуждения к действию составляют особую объяснительную модель, хотя и связанную с другими моделями.

Существуют разные способы такого принуждения. Один из них — когда агента (или группу агентов) заставляет что-то делать другой агент (или группа). Можно выделить разновидности этого общего случая. Заставить можно посредством команды (приказания) совершить действие или воздержаться от него; просто потребовав нечто сделать; путем угрозы, запугивания или шантажа; используя физическое насилие (физическое принуждение).

Характерный способ применения физического насилия — лишение возможности временно или постоянно совершать определенные действия, например, сажая человека в тюрьму или калеча его. В этом случае человек, применяющий насилие, приводит в действие механизм, характер которого чисто каузальный, и он часто является достаточным. Этот механизм разрушает или подавляет каузально необходимые для совершения каких-то действий условия. В некоторых случаях этот механизм косвенно используется для объяснения того, почему люди не сделали то, что, по нашему убеждению, должны были сделать по каким-то общим мотивационным, обычно телеологическим, соображениям. Почему заключенный не убежал, хотя дверь его камеры была открыта? Ответ может заключаться в том, что он был прикован к стене. В данном случае объектом каузального объяснения является неспособность заключенного действовать, а не непосредственно его бездействие.

Заслуживает внимания асимметрия, состоящая в том, что физическое принуждение может сделать действия каузально невозможными, но не может сделать их каузально необходимыми. Допустим, что кто-то схватил мою руку и нанес моей рукой пощечину другому человеку. В этом случае нельзя сказать, что я нанес эту пощечину, а тем более, что меня принудили это сделать. Ударил тот человек, который применил насилие ко мне. Когда принуждение вызывает некоторое действие в противовес воздержанию с необходимостью, оно никогда не бывает

"чисто физическим". Если я отдаю свой кошелек грабителю, который навел на меня пистолет, я делаю это для того, чтобы спасти жизнь или по каким-то другим телеологическим мотивам. В данном случае выражение "меня заставили" означает "если бы я это не сделал, произошло бы то, чего я ни в коем случае не хотел". Если бы я хотел быть убитым, я не отдал бы свой кошелек.

Носит ли механизм каузальный характер, когда люди совершают действия в ответ на приказы или требования? Такие ответы бывают почти "механическими". Иногда они поразительно похожи на рефлекторные действия. Человек, действие которого направлено на то, чтобы вызвать реакцию другого человека, в каком-то смысле похож на экспериментатора, чей акт вмешательства в природу приводит в движение каузальную систему. Деятельность обоих не без основания можно описать как "манипуляцию".

Для более ясного понимания концептуальной природы механизма "принуждения-людей-совершать-действия" полезно сравнить случай, когда человека заставляет нечто сделать другой человек, с другим типичным случаем, при котором принуждение оказывается также "извне", но посредством безличной силы норм или правил. Люди совершают какие-то действия, потому что этого требует государственный закон или бог или потому, что эти действия предписаны обычаями общества или кодексом чести и правилами хорошего тона. Можно объединить эти различные, но родственные случаи под общим названием нормативное давление.

В отдельных случаях действия, которые совершаются в ответ на нормы, не обязательно имеют телеологический характер. Однако воздействие нормативного "давления" на людей оказывается явно телеологическим образом.

Правила поведения могут быть связаны с санкцией, т.е. некоторой мерой наказания, которая следует в случае нарушения правила. В случае правовых норм характер и применение самой меры наказания регулируются нормами (законами судопроизводства и пр.). Отклонение от кодекса и социальных обычаев основной частью общества подвергается осуждению, не одобряется. Это тоже мера наказания.

Иногда люди считаются с нормами, чтобы не подвергнуться осуждению или порицанию. В таких случаях объяснение их действий или отказа от действий носит ярко выраженный телеологический характер.

Однако избежание наказания не является единственным телеологическим аспектом подчинения нормам. Принятие каких-то законов часто, и даже обычно, мотивировано определенными соображениями. Обычаи также первоначально служат каким-то целям, которые впоследствии забываются или устаревают.

Если субъекты нормативного давления согласны с целями, для которых установлены нормы, то тогда можно сказать, что они подчиняются или повинуются нормам для того, чтобы эти цели осуществились. Однако действующий здесь телеологический механизм не будет в точности таким же, как схема практического вывода, проанализированная в предыдущей главе.

Если человек подчиняется закону, потому что одобряет цель, которой закон служит, он не обязательно считает необходимым для осуществления этой цели свое личное участие. Однако необходимо, чтобы у него была некоторая вера в возможность осуществления этой цели и необходимость для этого коллективных усилий. Можно одобрять цель, для которой создан закон или правило, и в то же самое время абсолютно не верить в ее достижимость. В этом случае при объяснении действия, соответствующего нормам, нельзя говорить, что оно было предпринято для того, чтобы осуществить цель, заложенную в норме. Действие могло быть предпринято для того, чтобы показать пример и ободрить других людей. Но тогда у агента должна быть вера в то, что пример, который показывает его действие, важен, т.е. что в конечном итоге может наступить ситуация, в которой

коллективными усилиями будет реализована цель, предполагаемая нормой.

Итак, воздействие нормативного давления оказывается и под телеологическим влиянием страха перед наказанием, и в результате стремления осуществить цели, способом достижения которых считается подчинение нормам. Однако из этого не следует, что в каждом отдельном случае поведение, соответствующее нормам, имеет телеологическое объяснение. Ни страх перед наказанием, ни рвение во имя общего блага не могут быть единственным основанием подчинения нормам.

Аналогичное справедливо и для более простых случаев, когда нас заставляют действовать посредством команды, требования и т.п. Если принуждение оказывается путем команды или приказа, то можно говорить о давлении авторитета. Так же как и детей, нас приучают и обучают повиновению или, другими словами, адекватному ответу на команды и требования. Для такого обучения используется телеологический механизм, заключающийся в стремлении избежать наказания и получить награду. Позднее мотивационной силой может стать сама цель, во имя которой оказывается "принуждение". Мы можем прийти к пониманию, что предписания и запрещения созданы для нашего собственного "истинного блага" или что они стремятся обеспечить наше сотрудничество во имя целей, которые в конечном итоге являются нашими собственными.

Достижение целей, во имя которых отдаются приказы и создаются правила, можно назвать "внутренней наградой" за подчинение, а неудачу в достижении этих целей — "внутренним наказанием" за неподчинение. Награды и наказания, связанные с нормами, но не являющиеся достижением или недостижением цели нормы, можно назвать внешними. Гораздо более значительная роль внешнего наказания, чем внешней награды, при воздействии нормативного принуждения вряд ли обусловлена чем-то еще, кроме того, что согласие с нормой рассматривается в большинстве случаев и как внутренняя награда за повиновение. Как видим, для такой часто наблюдаемой асимметрии между ролями награды и наказания есть концептуальное основание.

Механизм принуждения является действенным именно в силу своей телеологической основы. В этом его отличие от каузального механизма. Однако в отдельных случаях роль телеологической основы этого механизма может быть разной. Она может быть незначительна настолько, что не будет оказывать ровно никакого воздействия. Примером могут служить случаи, когда человек совершает какое-то действие просто потому, что ему приказали, или просто потому, что в его обществе это является обычаем, правилом, распространенной практикой и т.п. Когда при ответе на воздействие механизма действие лишено какой-либо цели, поведение кажется бессмысленным, глупым или абсурдным.

Механизм принуждения может полностью или частично лишиться своей телеологической основы. Это происходит тогда, когда запрет теряет эффективность или награда теряет притягательность. В таких случаях действия, совершаемые просто в ответ на воздействие механизма, также приобретают неразумный характер.

Именно против таких форм бессмысленного поведения часто выступают критики общественной морали и социального устройства. Своей критикой они могут подготовить почву для более "осмысленного" применения в обществе принуждения посредством давления авторитета и норм.

Может ли ответ на воздействие стать настолько "механическим" и лишенным мотивации, что приобретет характер условного рефлекса? Может ли связь между воздействием и ответом на него приобрести действительно номический (каузальный) характер? Я не исключаю такой возможности, но думаю, все же, что такие случаи редки. В этих случаях ответ на воздействие теряет свой характер действия. В самом деле, если этот ответ появляется так же, как условный "рефлекс" на раздражение, то тогда реагирующий субъект не может больше с уверенностью

заявить, что изменение, предполагаемое воздействием стимула, не произошло бы, если бы он (как интенционально действующий агент) не заставил его произойти. А как мы видели, такая уверенность является логической предпосылкой действия. Если ее нет, реакция лишена интенциональности. В этом случае она больше не понимается как ответ на раздражение, она просто есть такой ответ.

6. Важно проводить различие между нормами, регулирующими (предписывающими, разрешающими или запрещающими) поведение, и правилами, определяющими различные общественные порядки и институты. И те, и другие называются "нормами" или "правилами". Их легко спутать по той причине, что, обладая характерными отличиями, они в то же время сложным образом взаимосвязаны.

Нормы первого вида говорят, что должны быть или могут быть совершены определенные действия. Нормы второго вида говорят, как совершать определенные действия. Часто, но не всегда, нормы второго вида оказываются необходимыми, чтобы сделать возможным согласие с нормами первого вида. Поэтому в определенном смысле они являются вторичными по отношению к первым. Чтобы сохранить между ними различие, я буду *faute de mieux* говорить о них как о первичных и вторичных нормах (правилах) соответственно(13).

Для того чтобы брак получил юридическую силу, партнеры должны удовлетворять определенным требованиям (касающимся возраста и, может быть, умственного и физического здоровья) и принять участие в определенной церемонии наряду с другими участниками, которые также должны удовлетворять определенным требованиям (например, быть официальными представителями церкви или государства). Эти требования и церемония определяют социальное действие бракосочетания. Из совершения этого действия вытекает ряд "юридических следствий". Супружеской паре разрешается создать семью, партнеры получают определенные юридические права по отношению друг к другу и несут ответственность за свое потомство. Эти "следствия" представляют собой совокупность норм поведения, нарушение которых вызовет, вероятно, применение санкции со стороны юридического аппарата общества. Правила бракосочетания сами по себе никого ни к чему не обязывают. Однако правило, если такое есть, запрещающее неженатым людям обзаводиться семьей, обязывает их воздерживаться от этого до тех пор, пока они не "совершат действие" бракосочетания. Люди не могут быть наказаны за то, что они не женаты (если нет закона, принуждающего жениться), но они могут быть наказаны, если они, будучи не женаты, совершают действия, которые позволено делать только супругам, или, если они женаты, пренебрегают тем, что является обязанностью женатых людей.

Нормы этого вида не только крайне важны в правовом контексте. Ими пропитана вся жизнь общества. Правило, по которому приветствовать даму или старшего по возрасту нужно, снимая шляпу или кланяясь, характеризует обычай. Другим является правило хороших манер, по которому мужчина должен приветствовать даму или старшего. Это норма поведения. Человека, не выполняющего ее, могут извинить, если он иностранец и не знает, как следует приветствовать, т.е. не знает правил, которые определяют обычай (церемонию) приветствия. Человек, который, как предполагается, знает правило, но все-таки не выполняет его, окажется субъектом применения санкции, он "вызовет неодобрение" общества.

Насколько я могу судить, вторичные правила не играют особой или важной роли при объяснении поведения. Причина этого в том, что они не являются механизмами принуждения. Однако они обладают фундаментальным значением для понимания поведения, а следовательно, для описаний, которые дают изучаемым обществам антропологи и социологи(14).

"Почему этот человек снял шляпу и поклонился, проходя мимо той дамы?" Ответ может быть такой: "Он ее приветствовал". Но может быть и такой: "Потому что он

хотел засвидетельствовать ей свое почтение". В первом случае мы говорим о том, что человек делал, а тем самым делаем понятным его поведение тому, кто не знаком с нашими обычаями приветствия (предполагается, что он все же имеет представление о сущности приветствия). Второй ответ может быть телеологическим объяснением действия или намеком на такое объяснение. Можно было бы сказать, что первый ответ "фактически" соответствует вопросу "Что", а не "Почему", но это было бы педантизмом. И можно было бы также сказать, что второй ответ "фактически" соответствует вопросу "Почему он приветствовал даму?", а не "Почему он снял шляпу?", но это также было бы педантизмом.

7. Объяснения, которые в науках о человеке имеют вид каузальных, являются, как правило, квазикаузальными. Можно поставить такой вопрос: не являются ли иногда объяснения в этих науках, которые кажутся телеологическими, на самом деле квазителеологическими?

Квазителеологические объяснения распространены главным образом в биологии. "Дыхательные движения учащаются для того, чтобы компенсировать потерю кислорода в крови". Перед нами описание функции, связанной с целью. Это квазителеология. Можно ли найти что-нибудь подобное в истории или социологии? Вопрос можно сформулировать и таким образом: может ли поведение человека или группы людей осуществлять некоторую цель, не будучи в то же время интенциональным? Этому вопросу близок следующий: могут ли люди служить "судьбе", которая не определена в терминах их собственных интенциональных стремлений?

Рассмотрим следующий пример. Экономическое возрождение Польши при Казимире Великом в значительной степени было обусловлено тем, что в Польше разрешили поселиться евреям, изгнанным с территории Германии. Изгнание евреев из Германии и принятие их польским королем создали возможность для возрождения Польши. Утверждение, что евреи должны были покинуть Германию для процветания Польши, не будет некорректным. Также не будет противоречить истине утверждение, что они должны были покинуть Германию, потому что подверглись гонениям.

Вообще говоря, достижения, переживания или страдания одного человека или группы людей иногда делают возможными определенные достижения другого человека, поколения или группы людей, которые не предполагались прежде. В этом случае первоначальные достижения или события приобретают новое значение в свете более поздних. Они как бы приобретают цель, которая была неизвестна людям, осуществившим эти достижения. Это одна из сторон феномена, который Гегель назвал "List der Vernunft", "хитрость разума". В таких случаях мы иногда говорим, что "судьба" тех людей состояла в том, чтобы подготовить почву для будущего, о котором они, возможно, никогда и не думали. В таком употреблении слов "судьба" и "цель" нет ничего опасного. Однако следует ли из применения этих терминов, что наши объяснения ранних событий в свете более поздних являются квазителеологическими?

Ни в коем случае.

Когда мы приписываем значение прошлому событию на том основании, что оно сделало возможным некоторое более позднее событие, или даже утверждаем, что первое событие было необходимо для того, чтобы появилось второе, мы тем самым подтверждаем, но далеко не во всех случаях, наличие номической связи необходимой обусловленности между событиями. Отношение между техническим изобретением и последующими действиями, которые стали возможны благодаря этому изобретению, является отношением номической необходимости (включает его в себя). Однако отношение между преследованием евреев в средневековой Германии и возрождением Польши при Казимире Великом, будучи чрезвычайно

сложным, не включает в себя номические (каузальные) связи. Это остается справедливым даже несмотря на то, что историки могут оказаться правы в своем утверждении, что, если бы не события в Германии, в Польше не было бы такого расцвета. Первое событие столь же мало является каузально необходимым условием второго, сколь мало выстрел в Сараево являлся каузально достаточным условием для возникновения войны 1914 — 1918 гг. В обоих случаях связь между событиями представляет собой мотивационный механизм, действие которого можно реконструировать как серию практических выводов. События, которым приписывается каузальная роль, на самом деле создают новую ситуацию и тем самым обеспечивают фактуальный базис для практических выводов, которые не могли быть сделаны ранее. Однако между этими примерами есть и характерное различие, которое, по-видимому, состоит в следующем. Некоторые исторические события "делают необходимыми" другие события тогда, когда они заставляют людей переоценить "требования ситуации" с точки зрения уже существующих целей и намерений. Исторические события "делают возможными" другие события тогда, когда они изменяют интенции, поскольку предоставляют возможности для новых действий. Пока в стране отсутствует капитал и квалифицированная рабочая сила, планы экономического развития остаются тщетными желаниями или даже вовсе не разрабатываются. С появлением же этих средств имплицитные желания перерастают в хорошо оформленные интенции, и там, где прежде господствовало бессилие, начинается деятельность.

Пересмотр отдаленного прошлого в свете более недавних событий в высшей степени характерен для научного исследования, именуемого историографией. Это объясняет, почему, по концептуальным основаниям, невозможно полное или окончательное описание исторического прошлого. Причина не только в том, что могут выясниться еще неизвестные факты. Это верно, но довольно тривиально. Нетривиальное основание заключается в том, что в процессе понимания и объяснения более недавних событий историк приписывает прошлым событиям такую роль и значение, которыми они не обладали до появления этих новых событий. А поскольку полностью будущее нам неизвестно, мы и не можем сейчас знать все характеристики настоящего и прошлого(15).

Можно было бы сказать, что полное понимание исторического прошлого предполагает, что будущего нет, что история окончена. Был великий философ, который в моменты экзальтации, по-видимому, полагал, что историю целиком "видит насквозь". Этим философом был Гегель. В такие моменты он говорил о себе как о конце и завершении мировой истории(16). Я думаю, однако, для понимания истинного смысла этих слов не следует понимать их буквально.

Свойственное историческому исследованию рассмотрение одного и того же прошлого каждый раз с новой точки зрения называется иногда процессом переоценки прошлого. Но такая характеристика легко может ввести в заблуждение, так как делает суждение историка вопросом его вкусов и предпочтений, в соответствии с которыми он отбирает важное или "ценное". Разумеется, этот элемент присутствует в историографии. Однако по существу приписывание нового значения прошлым событиям является не вопросом субъективной "переоценки", а вопросом объяснения, справедливость которого в принципе допускает объективную проверку. Например, утверждение, что более раннее событие сделало возможным позднее событие, может быть, и нельзя окончательно верифицировать или опровергнуть. Но это утверждение основано на фактах, а не на том, что думает историк об этих фактах.

8. Целенаправленность типа квазителиологии можно описать в каузальных терминах с помощью понятия отрицательной обратной связи. Почему учащается дыхание, когда человек занимается физической деятельностью? Ответ: "Это

происходит для того, чтобы восстановить нарушенное равновесие в химическом составе крови" — указывает на наличие определенных каузальных связей. В результате мышечного напряжения уменьшается количество кислорода в крови и учащенное дыхание восстанавливает его. Но строго говоря, это ответ не на вопрос, почему дыхание должно участиться, а на вопрос, как может восстановиться химическое равновесие в крови. Считать, что, указывая на каузальные связи, мы ответили также и на первый вопрос, значит, по моему мнению, вводить в биологию незаконную "виталистическую" идею телеологии. Окончательный ответ на вопрос, почему учащается дыхание, не будет дан до тех пор, пока мы не укажем на дополнительную каузальную связь, объясняющую, каким образом уменьшение кислорода в крови учащает дыхательные движения. Такая связь носит характер обратной связи. Ее обнаружение даст нам "полное" каузальное объяснение данного явления. Мы сможем теперь ответить на вопрос, почему учащается дыхание, указывая не только на необходимые условия последующих событий, как в квазителиологическом объяснении, но и на предшествующие достаточные условия.

Можно было бы сказать, что обнаружение обратной связи дополняет предыдущее объяснение "Как возможно?" новым объяснением: "Почему необходимо?" Тем самым из данного примера изгоняется "дух телеологии", имевший место, пока объяснение было неполным.

Можно ли увидеть что-либо подобное в истории и общественной жизни? Этот вопрос распадается на два: во-первых, имеют ли место процессы обратной связи в обществе и, во-вторых, носят ли они характер юмовской причинности?

В процессе обратной связи взаимодействуют две системы. Назовем их первичной и вторичной системой. Следствие каузального фактора первичной системы поступает во вторичную систему и "информирует" ее о происходящих в первой системе операциях. Приток информации приводит в действие каузальный фактор вторичной системы. Следствие его поступает обратно в первичную и "приказывает", т.е. направляет изменения в действии ее каузального фактора. Этим замыкается цепь взаимодействующих операций.

Наименование входа вторичной системы "информацией", а ее выхода, который одновременно является входом первичной системы, "приказом" или "сигналом", является метафорическим только отчасти. Теория структуры кодированных и декодированных сообщений, поступающих из одной системы в другую, — это в буквальном смысле слова теория информации. Единственным метафорическим аспектом является содержащийся здесь намек на аналогию между таким каузальным обменом "сообщений" и интенциональным использованием знаков в языковом общении.

Теперь представим следующую ситуацию: действия некоторой группы людей направляют развитие общества по определенному пути посредством решений, эффективность которых достигается за счет применения "нормативного давления", а иногда, может быть, и путем применения таких средств, как физическое принуждение, или насилие. Допустим, что имеется такая часть общества, которая не участвует в процессе принятия решений правящей группой, но которая информирована о результатах, и информирована достаточно, чтобы поразмыслить о последствиях таких решений — как тех, которые предполагаются принимающими решения, так и более отдаленных, которых последние не осознают. Такое понимание последствий, более или менее отчетливое, может привести к возникновению желания повлиять на правящую группу так, чтобы дать другое направление ее действиям или как-то их ослабить. В случае отсутствия официально учрежденных каналов передачи информации правящей группе "обратная связь" выразится в таких формах, как демонстрации, протесты, забастовки, саботажи и т.п., не предписанных существующими правилами социальной игры, а иногда даже

противоречащих этим правилам.

Подобные примеры социальной деятельности хорошо известны. Поразительна прослеживаемая здесь аналогия с процессом, который называют отрицательной обратной связью. Однако из описания этого примера, а также из предыдущего анализа "причин" и "следствий" в действиях людей и анализа интенционального действия должно быть также ясно, что обратная связь в данном случае действует не как юмовская причинность, обусловленная охватываемыми законами, а как мотивационная необходимость, выражающаяся в практических выводах.

Информация, поступающая из первичной системы, оказывает влияние на когнитивные установки агентов вторичной системы. Таким образом, она воздействует на вторые, или когнитивные, посылки латентных практических выводов. Поскольку, если не приложить некоторое усилие, чтобы отрегулировать функционирование первичной системы, не будет достигнут желаемый результат или предотвращен нежелательный, то это вызывает попытки наладить такое функционирование. Такие попытки отрицают цели правящей группы; таким образом, они направлены на то, чтобы оказать влияние на первые, т.е. выражающие намерения, предпосылки действий группы, принимающей решения. От последней требуется скорректировать свои цели таким образом, чтобы действия, необходимые для их осуществления, не вызывали нежелательные (для агентов вторичной системы) последствия. Ответят ли агенты первичной системы на приказания из вторичной — это вопрос случайности, так же как случайным является и то, что информация, поступающая из первичной системы, окажет влияние на когнитивные установки агентов вторичной системы. Но как только посылки, т.е. намерения агентов одной и когнитивные установки агентов другой системы, сформированы, действия, предполагаемые этими новыми посылками, становятся логически необходимыми.

Изучающий логику в рамках традиции Аристотеля, Лейбница, Фреге и авторов "Principia Mathematica" должен оценивать гегелевскую логику, если он когда-либо сталкивался с ней, как непонятную или явно ошибочную. Гегелевская логика является также логикой ортодоксального марксизма. Одной из ее характерных черт является безусловный отказ от так называемого закона двойного отрицания, утверждающего, что отрицание отрицания высказывания эквивалентно этому высказыванию. Последователи Гегеля и Маркса настаивают на том, что из отрицания отрицания — понятия, играющего исключительную роль в их работах, — следует нечто отличное от исходного понятия. Что они имеют в виду? Мне представляется, что в некоторых случаях мы сможем это понять, если проанализируем примеры, которые они приводят, и переформулируем их идеи в терминах отрицательной обратной связи. Процесс обратной связи носит характер "двойного отрицания". Каузальный фактор вторичной системы "отрицает" следствие, вызванное каузальным фактором первичной системы; а следствие вторичной системы "отрицает" действие каузального фактора первичной, т.е. корректирует его так, чтобы нейтрализовать первое отрицание. Это несколько необычное описание процесса, представляющего собой хороший объект для точного логического анализа. Гегель, Маркс и Энгельс предчувствовали идеи, которые позднее приобрели фундаментальное значение как для наук о живой природе, так и об обществе(17). Я полагаю, что некоторые ключевые идеи гегелевской и марксистской философии имеет смысл перевести в современную терминологию кибернетики и теории систем. Такой перевод сделал бы эти идеи более понятными и точными, а также более приемлемыми для других исследователей, а не только сторонников ортодоксального марксизма(18).

9. В последних двух параграфах этой главы я кратко остановлюсь на некоторых вопросах, связанных с проблемой детерминизма в истории и в развитии общества. В частности, я хотел бы прояснить смысл понятия "детерминизм" в этих сферах и

провести различие между разными видами детерминизма.

Один из основных принципов данной работы провозглашает необходимость разграничения причинности в природе и причинности, если уж мы вынуждены использовать этот термин, в области индивидуального и коллективного действия человека как совершенно различных понятий. В свете такого разграничения оказывается, что многие убеждения и идеи, касающиеся детерминизма в истории человека и общества, представляют собой результат концептуальной путаницы и ложных аналогий, которые проводят между событиями в природе и интенциональным действием.

Но даже когда будет внесена ясность, останутся серьезные проблемы.

Полезно проводить различие между двумя типами детерминизма, которые можно выделить и которые действительно выделяются и защищаются исследователями в области наук о человеке. Один тип связан с идеей предсказуемости, а другой — с идеей осмысленности исторического и социального процесса. По-видимому, можно обозначить эти типы как преддетерминация и постдетерминация. Осмысленность истории есть детерминизм *ex post facto**.

Как в науках о природе, так и в науках о человеке можно проводить различие между детерминизмом на микроуровне и детерминизмом на макроуровне(19). Часто с большой точностью и высокой степенью достоверности мы можем предсказать результат процесса с большим числом "элементов", отдельное участие которых в этом процессе может быть совершенно непредсказуемым или полностью неконтролируемым. Аналогично, иногда можно ясно понимать необходимость какого-то "крупного события" в истории, такого, как революция или война, и в то же время допускать — уже ретроспективно, — что в деталях оно могло быть совершенно другим(20).

Говорить о детерминизме любого типа в истории и социологии обычно имеет смысл по отношению к событиям на макроуровне. Это особенно верно для утверждений, касающихся детерминизма типа предсказуемости(21).

Прототипом предсказания макрособытий с высокой степенью точности является предсказание появления в масс-эксперименте результатов, которые получены в отдельных экспериментах. Философы стремятся иногда объяснять такой тип предсказуемости событий с помощью естественного закона, называемого "законом больших чисел", или "уравнением случайностей" (*Ausgleich des Zufalls*). Идеи, связанные с этим законом, играют немаловажную роль также в истории и социальных науках. Считается, что этот закон каким-то образом согласовывает индетерминизм индивидуального поведения с детерминизмом коллективного(22).

* После события (лат.).

Связанные с идеей *Ausgleich des Zufalls* философские проблемы наибольшую роль играют в области индукции и теории вероятностей(23). Детальное рассмотрение этих проблем выходит за рамки данной работы. Ограничимся лишь несколькими замечаниями.

В основе применения "закона больших чисел" лежит гипотетическое приписывание вероятностных оценок событиям, которые появляются или не появляются при некоторых однородных повторяющихся условиях. На основе этих гипотетических оценок, при условии, что рассматриваемые события обладали определенным числом возможностей для реализации, делается некоторое предсказание с вероятностью такой высокой, что мы считаем это предсказание "практически несомненным". Объектом предсказания является обычно некоторое значение относительной частоты появления какого-то события. Если наше предсказание в действительности не оправдывается, то мы либо говорим о

случайном стечении обстоятельств, либо приходим к выводу об ошибочности первоначального допущения вероятностных оценок. Следовательно, *Ausgleich des Zufalls* — это логическое следствие наших гипотетических вероятных оценок, которые мы приписываем событиям, основываясь на статистическом опыте. Здесь нет "естественного закона", который гарантировал бы *Ausgleich* (уравнивание случайностей). Здесь нет также и "мистического" согласования свободы индивидуального действия с детерминизмом коллективного.

Теперь мы можем поставить вопрос о том, существует ли в мире человека и общества нечто аналогичное такому действию случайностей в масс-экспериментах? Рассмотрим следующую ситуацию: данные за длительный период времени показывают стабильное число самоубийств в обществе. Если мы сделаем предсказание о том, что в следующие 12 месяцев покончат с собой *n* человек, мы, видимо, можем быть уверены в этом предсказании. Аналогия будет еще более тесной, если мы "распределим" число самоубийств между отдельными индивидами так, что получим право говорить о вероятности самоубийства в течение следующих 12 месяцев какого-то отдельного, случайно выбранного индивида. Это может оказаться полезной операцией. Однако поскольку мы при этом абстрагируемся от индивидуальных различий между людьми, то картина действительности будет приблизительной (нечеткой). Любое (статистическое) вероятностное суждение сравнимо с расплывчатым изображением. Можно также сказать, что оно является, в характерном смысле, неполным описанием ситуации(24).

Социолог может, кроме того, объяснять различие в числе самоубийств в двух разных обществах, указывая на различие образов жизни, например на различия в уровне безработицы или интенсивности труда людей. Социолог может также сделать предсказание об изменении числа самоубийств в результате изменений условий жизни.

Все это очень похоже на процедуры объяснения и предсказания в естественных науках, особенно таких, где значительную роль играют вероятностные понятия и статистические методы. Философы позитивистского склада сказали бы, что это свидетельствует об основном методологическом единстве всех способов познания, которые от дескриптивного уровня переходят на уровень открытия законов и единообразии. А некоторые исследователи социальных явлений, возможно, заявили бы, что именно это придает их занятиям "научный" статус.

Я думаю, что можно со всем этим согласиться, но с двумя важными оговорками. Во-первых, это характеризует лишь одну сторону исследований социальных явлений, причем ту, которая отличает их от собственно исторического исследования. (Однако нельзя проводить здесь резкую границу.) Во-вторых, модели объяснения, справедливые в микромире индивидуальных действий в условиях статистически скоррелированных общих черт макроуровня — например, стресс и число самоубийств или экономическое положение и поведение избирателей, — весьма отличны от моделей каузального объяснения единичных событий в природе. В немногих словах различие состоит в следующем.

Системы ("фрагменты истории мира"), являющиеся объектом изучения в экспериментальной науке, могут управляться извне. Экспериментатор научается воспроизводить начальные состояния систем при таких условиях, когда иным образом они не возникнут. Из повторных наблюдений он получает знание о возможностях движения системы. Системы, являющиеся объектами социального исследования, как правило, не могут управляться извне. Однако они могут управляться изнутри. Отсюда следует, что предсказания о движении систем, в рамках человеческого "знаю как", могут быть истинными, но могут быть и ложными. Среди прочих, именно это различие между предсказанием событий в природе и предсказанием событий в мире человека справедливо подчеркивается такими

философами, как Карл Поппер и Исайя Берлин, в их полемике с тем, что Поппер называет историцизмом(25). Но я не уверен в том, что они или "историцисты" не принимают иногда утверждения о детерминизме типа предсказуемости за утверждения о детерминизме совсем другого характера(26).

10. Действие, которое можно объяснить телеологически, в некотором смысле детерминировано, а именно: оно детерминировано определенными интенциями и когнитивными установками человека. Если бы всякое действие поддавалось телеологическому объяснению, то тогда в истории и жизни общества господствовал бы некий вид универсального детерминизма.

По-видимому, совершенно ясно, что все поведение людей нельзя объяснить телеологически. Некоторые образцы поведения вообще не носят интенционального характера. Но такого типа поведение и не представляет большого интереса для истории или социологии. По-видимому, можно было бы совсем исключить его из рассмотрения в этих областях. С другой стороны, все без исключения интенционально понятое поведение объяснить телеологически, как результат практического рассуждения, невозможно. Интенциональное поведение может происходить из совершенно необоснованных выборов (ср. выше, гл. III, разд. 5). В действии, которое соответствует требованиям обычая и нормы, как правило, можно найти телеологическую основу. (В противном случае "нормативное давление" не обладало бы такой большой силой в жизни общества, как это в действительности есть.) Но в большинстве случаев индивидуальных действий эта телеологическая основа является лишь "отдаленным" объясняющим фактором.

Можно было бы утверждать, что поведение, не понятое как некоторое действие, не входит или еще не входит в совокупность фактов истории или социологии. В отношении индивидуального поведения в историческом или социальном исследовании редко встает, если вообще встает, проблема интерпретации его как некоторого действия (в отличие от явного "рефлекса"). Описывая поведение агентов, обычно мы не сомневаемся в том, что они совершают. Но в отношении поведения группы, дело другое. При наблюдении определенных действий отдельных членов группы всегда встает вопрос о том, что делает группа в целом, и этот вопрос часто является проблематичным (ср. выше, разд. 1). Ответ на этот вопрос *ipso facto* является уже объяснением некоторого рода. Можно было бы сказать, что факт на основе имеющихся данных установлен лишь после того, как мы объяснили эти данные(27).

Детерминизм, связанный с интенциональным пониманием и телеологическим объяснением, можно было бы назвать формой рационализма. Крайней формой рационализма будет тогда идея о том, что телеологически объяснимы все действия. Многие из тех, кто защищает так называемый детерминизм в классическом споре о свободе воли, на самом деле защищают именно такое рационалистическое понимание (свободного) действия. Некоторые из них утверждают, что позиция детерминизма вовсе не подрывает идею (моральной) ответственности, а наоборот, необходима для ее правильного объяснения(28). Я думаю, это в основе своей верно. Возлагать ответственность — значит исходить из того, что поведение человека было интенциональным и он был способен осознать последствия своих действий. Однако приравнивать это к детерминизму, выражающемуся в каузальной необходимости, будет ошибкой. С другой стороны, любое утверждение о том, что действие человека всегда детерминировано в таком рационалистически-телеологическом смысле, также будет ложно.

От относительного рационализма, который рассматривает действия в свете сформированных целей и когнитивных установок, необходимо отличать абсолютный рационализм, который приписывает цель истории и социальному процессу в целом. Эта цель может мыслиться как некоторая имманентная сущность, именно так, по

моему мнению, мы должны понимать гегелевское понятие объективного и абсолютного духа (Geist). Или это может быть трансцендентальная сущность, как в различных моделях объяснения мира христианской теологии. В идее такой цели могут сочетаться и та, и другая характеристики. Однако все подобные идеи выходят за границы эмпирического исследования человека и общества, а следовательно, за рамки всего, что может с основанием притязать на роль "науки" в более широком значении немецкого понятия Wissenschaft. Тем не менее эти идеи могут представлять большой интерес и ценность. Телеологическая интерпретация истории и социальной жизни может разными путями оказывать влияние на людей. Интерпретация в терминах имманентных или трансцендентальных целей может, например, заставить нас покориться происходящему, поскольку мы будем считать, что так осуществляется неизвестная нам цель. Или же у нас может появиться убеждение в необходимости действия во имя целей, которые, как мы полагаем, установлены не случайной волей отдельных людей, а самой природой вещей или волей бога.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. ДВЕ ТРАДИЦИИ

(1) Почти все научные "революции" свидетельствуют о неразрывной связи, существующей между открытием новых фактов и изобретением новой теории, объясняющей их, а также о тесной взаимосвязи описания фактов и образования понятия. См., например, анализ открытия кислорода и ниспровержения флогистонной теории горения, данный Куном в книге "Структура научных революций", М., 1977, с. 83—84, и в других местах.

(2) Ср.: Popper K. Logik der Forschung. Vienna, 1935, Sect. 12; Hempel C. G. The Function of General Laws in History. — "The Journal of Philosophy" 39, 1942, Sect. 4; Caws P. The Philosophy of Science. N.Y., 1965, Sect. 13.

(3) Тезис о "структурном тождестве объяснения и предсказания" был подвергнут критике несколькими современными авторами. Решающим толчком для дискуссии по этому вопросу послужили работы: Scheffler I. Explanation, Prediction, and Abstraction. — "The British Journal for the Philosophy of Science" 7, 1957, и: Hanson N. R. On the Symmetry of Explanation and Prediction. — "The Philosophical Review" 68, 1959. Аргументы за и против этого тезиса подробно проанализированы в: Hempel C. G. Aspects of Scientific Explanation, Sect. 2. 14. In: Aspects of Scientific Explanation and other Essays in the Philosophy of Science, N.Y., 1965. Этот тезис защищается также в: Angel R. B. Explanation and Prediction: A Plea for Reason. — "Philosophy of Science" 34, 1967.

(4) Классический пример столкновения аристотелевской и галилеевской точек зрения дают две работы Галилея, написанные в форме диалога: "Диалог о двух главнейших системах мира — птолемеевой и коперниковой" и "Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки". Разумеется, эти работы не дают исторически верной картины аристотелевской науки и ее методологии. Однако в них с поразительной ясностью очерчены два различных подхода к объяснению и пониманию явлений природы. Превосходный обзор различия между двумя типами науки дан в работе: Lewin K. Der Ubergang von der aristotelischen zur galileischen Denkweise in Biologie und Psychologie. — "Erkenntnis" 1, 1930/31: "При сопоставлении аристотелевского и галилеевского образования понятий в физике нас интересуют не столько субъективные особенности теорий Галилея и Аристотеля, сколько некоторые существенные различия в способах мышления, которые оказывали влияние на исследование фактов в аристотелевско-средневековой и послегалилеевской физике" (S. 423).

(5) О платоновских истоках нового естествознания, возникшего в эпоху позднего Возрождения и барокко, см.: Burt E. A. The Metaphysical Foundations of Modern Physical Science. London, 1924; Cassirer E. Galileo's Platonism. — In: "Studies and Essays Offered in Homage to George Sarton". Ed. by M. F. Ashley Montagu, N.Y., 1946, и Koyre A. Etudes galileennes I-III. Paris, 1939.

(6) В этих терминах в лучшем случае лишь частично отражается данная противоположность. Хотя у Аристотеля и в аристотелевской науке делается сильный упор на телеологию, далеко не все

объяснения, характерные для этого типа мышления, являются телеологическими. Аристотелевские объяснения, включая многие известные примеры часто используют термины "способности" или "силы", ассоциируемые с некоторой "сущностью". Однако такие объяснения сходны с подлинно телеологическими в том отношении, что они представляют собой скорее экспликации понятий, чем гипотезы о причинах. Аналогично, объяснения Галилея и "новой науки", заменившие объяснения аристотелевской науки, являлись каузальными в строгом смысле слова. Прототипом галилеевских объяснений являются объяснения, опирающиеся на законы, которые связывают количественные свойства различных родовых событий. Таким образом, эти объяснения соответствуют подводящей модели (см. ниже, разд. 2 и 5). Согласно принятой в данной работе точке зрения, в этом их отличие от подлинно телеологических объяснений.

(7) Термин "механистический" следует употреблять с осторожностью. Кибернетические и системно-теоретические объяснения, соответствующие подводящей модели (см. ниже, разд. 7), можно охарактеризовать как "механистические" в широком смысле. Однако они в значительной степени отличаются от "механистических" объяснений в более узком смысле этого слова.

(8) Ср.: Милль Д. С. Огюст Конт и позитивизм. М., 1897 и ссылки на Конта и позитивизм в его работе: Система логики, М., 1899, особенно в кн. VI.

(9) Существуют разные способы характеристики "позитивизма". Некоторые связывают позитивизм с феноменалистской или сенсуалистской теорией познания, а современный позитивизм — с верификационной теорией значения. При другом способе позитивизм связывается с "сциентистским" и "технологическим" пониманием знания и его применения. Милль в большей мере позитивист в первом смысле, чем Конт. Позитивизм Конта относился главным образом к философии науки (см.: Конт О. Курс положительной философии. СПб., 1900, предисловие автора). Его главной целью ("первой целью", "особой целью") была победа "позитивного", научного духа в изучении социальных явлений (см. там же, лекция 1, с. 11). С этим у него соединялось непоколебимое убеждение в важности научного знания для осуществления социальных реформ. "Наконец... основное свойство науки, названной мной положительной философией, на которое я должен указать теперь же и которое по своему громадному практическому значению должно более всего привлечь к ней всеобщее внимание, состоит в том, что положительную философию можно считать единственной прочной основой общественного преобразования" (там же, с. 20—21). Интересно сравнить Конта, проповедовавшего технологическое понимание знания, с Фрэнсисом Бэконом. Оба внесли огромный вклад в формирование определенного "духа научности", но ничего не сделали для действительного прогресса науки.

(10) Конт О. Курс положительной философии. Предисловие автора: "...Положительная философия... указывает на однообразный прием рассуждения, приложимый ко всем предметам, подлежащим человеческому исследованию". Там же, лекция 1, с. 24: "Что же касается самой доктрины, то в ее единстве нет никакой необходимости; достаточно, чтобы она была однородна. Поэтому мы в этом курсе рассматриваем различные классы положительных теорий с двух точек зрения: единства метода и однородности доктрин".

(11) Конт О. Курс положительной философии. Лекция 1 (о понятии "социальная физика") и лекция 2.

(12) Милль Д. С. Система логики. Кн. III, гл. 12; Конт О. Курс положительной философии. Лекция 1. Конт не дает какого-либо систематического анализа объяснения. Основной упор он делает на предсказании. Ср.: Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910, ч. I, гл. 1, § 3 (с. 19): "Таким образом, истинное положительное мышление заключается преимущественно в способности видеть, чтобы предвидеть, изучать то, что есть, и отсюда заключать о том, что должно произойти согласно общему положению о неизменности естественных законов".

(13) Милль Д. С. Система логики. Кн. III, гл. 12, § 1: "Объяснением" единичного факта признают указание его причины, т.е. установление того закона или тех законов причинной связи, частным случаем которого или которых является этот факт". Конт отказывается от поиска "причин". Он связывает такой поиск с "допозитивной", метафизической стадией в развитии науки. В позитивной науке роль причин выполняют общие законы. Ср.: Конт О. Курс положительной философии. Лекция 1. Его же: Дух позитивной философии, ч. I, гл. 1, § 3.

(14) Ср. цитату из "Системы логики" Милля в прим. 13. Конт О. Курс положительной философии. Лекция 1, с. 4: "Объяснение явлений... есть отныне только установление связей между различными отдельными явлениями и несколькими общими фактами..."

(15) Милль Д. С. Система логики, кн. VI, гл. 3, § 2: "Другими словами, науку о человеческой природе можно признать существующей постольку, поскольку приблизительные истины,

составляющие практическое знание человечества, могут быть представлены в качестве выводов, короллариев из тех всеобщих законов человеческой природы, на которых они основываются" (с. 687).

(16) Ср.: Конт О. *Дух позитивной философии*, ч. I.

(17) Конт, в частности, осознавал эту связь с традицией. Ср.: Конт О. *Курс положительной философии*. Лекция I. Согласно Конту, наука вступила на позитивную стадию благодаря именно Бэкону и Галилею.

(18) Виндельбанд В. *История и естествознание*. — В кн.: Виндельбанд В. *Прелюдии*. СПб., 1904.

(19) Droysen J. G. *Grundriss der Historik*, 1858. Методологическая дистинкция, предложенная Дройзеном, первоначально имела форму трихотомии: философский метод, физический метод и исторический метод. Цели этих трех методов заключаются соответственно в том, чтобы узнать (*erkennen*), объяснить и понять. О герменевтической методологии истории Дройзена см.: Wach J. *Das Verstehen, Grundzuge einer Geschichte der hermeneutischen Theorie im 19. Jahrhundert I-III*, Tubingen, 1926/33, vol. III, ch. ii.

(20) См.: Dilthey W. *Einleitung in die Geisteswissenschaften*, 1883; его же: *Ideen uber eine beschreibende und zergliedernde Psychologie*; его же: *Die Entstehung der Hermeneutik*; его же: *Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften*. (Эти работы напечатаны в: Dilthey W. *Gesammelte Schriften (I—VII)*. Leipzig, 1914—1927.) О герменевтике Дильтея см.: Stein A. *Der Begriff des Geistes bei Dilthey*. Bern, 1913. Об истории понятия "понимание" (*Verstehen*) вообще см.: Apel K. O. *Das Verstehen (eine Problemgeschichte als begriffsgeschichte)* — In: *Archiv fur Begriffsgeschichte* 1, 1955.

(21) Работой, в которой был введен термин "*Geisteswissenschaft*" (науки о духе), по-видимому, является немецкий перевод "Системы логики" Милля, сделанный в 1863 г. Книга VI "Системы логики" в переводе названа "*Von der Logik der Geisteswissenschaften oder moralischen Wissenschaften*". Благодаря Дильтею этот термин получил распространение. Ср.: Frischeisen-Kohler M. *Wilhelm Dilthey als Philosoph*. — "*Logos*" 3, 1912.

(22) Психологическая теория понимания и исторического знания Зиммеля изложена в его работах: Simmel G. *Die Probleme der Geschichtsphilosophie*. Leipzig, 1892 (в рус. пер.: *Проблемы философии истории*. М., 1898), особенно Ch. I, и: Simmel G. *Vom Wesen des historischen Verstehens*. Berlin, 1918.

(23) Дройзен в работе: *Enzyklopadie und Methodologie der Geschichte*, 1857/1937, уже утверждал: "Наше историческое понимание полностью обусловлено нашими языковыми средствами" (с. 25). Понятие понимания Дильтея ("*Einleitung in die...*" и "*Ideen uber eine...*") первоначально носило сильный "психологический" и "субъективистский" оттенок. Позднее ("*Der Aufbau der geschichtlichen...*"), по-видимому в результате усиления влияния на него гегелевской философии, он стал подчеркивать "объективный" характер результатов, достигаемых с помощью метода понимания. См. также: Dilthey W. *Die Entstehung der Hermeneutik*, особенно: Appendix, s. 332-338.

(24) Термин "социология" использовал также Милль в "Системе логики".

(25) Методологическая позиция Дюркгейма лучше всего уясняется из его работ: *De la division du travail social*, 1893 (в рус. пер.: *О разделении общественного труда*. Одесса, 1900) и: *Les regles de la methode sociologique*, 1894 (в рус. пер.: *Метод социологии*. Киев—Харьков, 1899). Несмотря на позитивистскую установку, некоторые главные идеи Дюркгейма, например о "коллективных представлениях" (*representations collectives*) социального сознания, я думаю, было бы полезно переинтерпретировать в терминах герменевтической методологии понимания.

(26) О позиции М. Вебера см., в частности: Weber M. *Uber einige Kategorien der verstehenden Soziologie*. — "*Logos*" 4, 1913; его же: *Wirtschaft und Gesellschaft, Grundriss der verstehenden Soziologie*. Tubingen, 1921, Pt. 1 ch.i.

(27) В отношении Маркса указанная двойственность приводит к радикально различающимся интерпретациям его вклада в философию. — Прим. ред.)

(28) Идеи Гегеля о необходимости и законе см. в: Гегель Г. В. Ф. *Наука логики*, т. 2. М., 1971, разд. 1, гл. 3 ("Основание") и *Энциклопедия философских наук*, т. 1. М., 1974, ч. I, разд. 2, § 147—159. Гегелевские взгляды о причинности, необходимости и объяснении лучше всего, вероятно, изучать по раннему сочинению "Йенская логика" (*Jenenser Logik, Metaphysik und Naturphilosophie*. Leipzig, 1923, S. 40—76.) о концепциях закона и необходимости в марксистской философии см.: Rapp Fr. *Gesetz und Determination in der Sowjetphilosophie*, Dordrecht-Holland, 1968. Маркс часто говорил, что социальные законы обладают "железной необходимостью" или действуют с "непреложностью законов природы". Ср.: Marcuse H. *Reason and Revolution: Hegel and the Rise of Social Theory*. Oxford, 1941, p. 317 f; Kon I. S. *Die Geschichtsphilosophie des 20. Jahrhunderts I—II*. Berlin, 1964, Bd. I, s. 290. См. также главу о причинности и необходимости в природе в работе В. И. Ленина "Материализм и

эмпириокритицизм" (Полн. собр. соч., т. 18, с. 157—175).

(29) Эта схема, часто связываемая с Гегелем, является изобретением Фихте. Гегель не использует ее явно, однако, несомненно, она применяется во многих типично гегелевских, а также марксистских "движениях мысли".

(30) Ср: Litt Th. Hegel, Versuch einer kritischen Erneuerung. Heidelberg, 1953, s. 220ff. ("Evolution und Dialektik").

(31) Ср.: Hartmann N. Aristoteles und Hegel. — In: Hartmann N. Kleinere Schriften II. Berlin, 1957; Marcuse H. Reason and Revolution..., p. 40f., p. 122.

(32) Гегель о телеологии см. в: Гегель Г.Ф.В. Наука логики, т. 2, разд. 3, гл. 2. "Механистическое" объяснение не дает нам полного понимания явлений природы; объяснение приобретает законченный характер, только если дана телеологическая перспектива.

(33) Вопрос об отношении к Гегелю Дильтея и вообще философов герменевтической методологии сложен. Эволюция Дильтея от "субъективно-психологической" к более "объективно-герменевтической" позиции означала в то же время растущую ориентацию на Гегеля и гегелевскую традицию (ср. выше, прим. 23). Об этих связях см.: Marcuse H. Hegels Ontologie und die Grundlegung einer Theorie der Geschichtlichkeit. Frankfurt am Main, 1932, особенно S. 363ff.; Gadamer H. G. Wahrheit und Methode, Grundzuge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen, 1960, особенно Pt. II, Sect. 2. Решающее значение для возрождения в нашем столетии интереса к Гегелю сыграла работа Дильтея: Dilthey W. Die Jugendgeschichte Hegels, 1905.

(34) Типичным представителем этих современных наследников позитивизма является К. Поппер. Он всегда подвергал упорной критике позитивизм Венского кружка и "индуктивизм" позитивистской философии науки. Однако антипозитивизм Поппера и его последователей не должен затушевывать историческую преемственность их взглядов позитивизму или затемнять их противоположность другим, открыто антипозитивистским направлениям современной философии. По существу, движение мысли, именуемое иногда критическим рационализмом, продолжает в нашу эпоху интеллектуальную традицию, двумя великими классическими представителями которой являются О. Конт и Д. С. Милль. Ср.: Albert H. Traktat liber kritische Vernunft. Tübingen, 1968.

(35) Концепцию К. Поппера см., напр., в: Popper K. Logik der Forschung. Vienna, 1935, Sect. 12. Позднее Поппер утверждал, что не Гемпель, а он является создателем этой теории, которую он называет "каузальным объяснением" (Popper K. Open Society and Its Enemies I—II. L., 1945, Ch. XXV, Sect. 2). Фактически же теория Поппера—Гемпеля еще со времени Д. С. Милля и У. С. Джемсона стала чем-то вроде общего места в философии. Ср.: Ducasse C. J. Explanation, Mechanism, and Teleology. — "The Journal of Philosophy" 22, 1925, p. 150f.: "Объяснение, по существу, заключается в выдвижении некоторой гипотезы о существовании факта, относящегося к объясняемому факту так, как относится антецедент известного закона к его консеквенту"; Hobart R. E. Hume without Scepticism. (I-II). — "Mind" 39, 1930, p. 300: "Объяснить событие — значит показать, что оно должно было произойти. Это значит представить его как следствие некоторой причины, иными словами, как частный случай закона". Примеров высказываний такого рода можно привести множество.

(36) Dray W. H. Laws and Explanation in History. London, 1957, p. 1.

(37) Работы Гемпеля, составляющие его основной вклад в теорию объяснения, начиная со статьи об общих законах в истории (1942), собраны в кн.: Hempel C. G. Aspects of Scientific Explanation. — In: Aspects of Scientific Explanation and other Essays in the Philosophy of Science. N.Y., 1965. Заслуживает внимания также: Hempel C. G. Explanation in Science and in History, — In: Dray W. H. (ed.). Philosophical Analysis and History. N.Y., 1966.

(38) Насколько я знаю, впервые различие между двумя видами общей модели объяснения было проведено в работе: Hempel C. G. The Logic of Functional Analysis. — In: Gross L. (ed.) Symposium on Sociological Theory. N.Y., 1959. Позднее Гемпель разработал его в: Deductive-Nomological vs. Statistical Explanation. — In: Minnesota Studies in the Philosophy of Science (III), ed. by H. Feigl and G. Maxwell, Univ. of Minnesota Press, 1962; Explanation in Science and in History, 1962—1966; Aspects of Scientific Explanation, 1965. Истолкование Гемпелем второй модели подверглось изменениям, которые можно проследить в указанных статьях. Терминология также изменилась. Гемпель по-разному называет объяснения недедуктивного типа: "индуктивные", "статистические", "вероятностные" и "индуктивно-статистические".

(39) И терминология, и значение этих различных терминов еще не устоялись. Я предпочитаю использовать термины эксплананс (мн. ч.: эксплананты) и экспланандум. Первый термин обычно определяют (понимают) как охватывающий и базис объяснения, и законы. См., например: Hempel C. G. — Oppenheim P. Studies in the Logic of Explanation. — "Philosophy of Science" 15, 1948, Sect. 2.

Мне представляется, в основном по терминологическим основаниям, что лучше использовать термин "эксплананс" только для обозначения базиса, т.е. высказываний об индивидуальном факте, из которых в конъюнкции с законами дедуцируется экспланандум.

(40) Ср.: Wright G. H. von. *Norm and Action*. London, 1963, Ch. II, Sect. 6.

(41) Оригинальный вариант парафразированного здесь примера см. в работе: Hempel C. G. *The Function of General Laws in History*, Sect. 2.1.

(42) Не существует однозначной стандартной формы этой модели (ср. выше, прим. 38). Мы анализируем лишь один из вариантов этой модели.

(43) Сомнения относительно экспликативной силы данной модели возникли и обсуждались в литературе и раньше. См.: Gluck S. E. *Do Statistical Laws Have Explanatory Efficacy* — In: "Philosophy of Science" 22, 1955; Scriven M. *Truisms as the Grounds for Historical Explanation*. — In: Gardiner P. (ed.). *Theories of History*. Glencoe, Ill, 1959; Dray W. H. *The Historical Explanation of Actions Reconsidered*. — In: Hook S. (ed.). *Philosophy and History*. N.Y., 1963 (в рус. пер.: Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке. — В кн.: *Философия и методология истории*. М., 1977). Замечания Скрайвена и Дрея сходны с нашей критикой этой модели. Индуктивно-вероятностные объяснения, используя удачное выражение Скрайвена, "теряют силу в индивидуальном случае" (з. 467). "Событие, — говорит Скрайвен, — может попасть в сеть статистических законов, однако оно локализуется и объясняется лишь в сети номических связей" (там же).

(44) Об индивидуальных и родовых событиях см. ниже, гл. II, разд. 4, а также: Wright G. H. von. *Norm and Action*. Ch. II, Sect. 5.

(45) О роли вероятности в каузальном анализе см.: Suppes P. *A Probabilistic Theory of Causality*. Amsterdam, 1970. Этот автор определяет понятие причины в терминах вероятности. Под *prima facie* причиной события он понимает другое событие, такое, что исходная вероятность первого события меньше, чем вероятность этого события в том случае, когда дано второе. Я сомневаюсь, согласуется ли это с каким-либо распространенным или естественным использованием слова "причина" (или "prima facie причина"). Однако у меня нет возражений против того, чтобы говорить о релевантности (появления) события по отношению к степени вероятности (появления) другого события как о некотором виде "каузальной" релевантности.

(46) Гемпель всегда настаивал на этом различии.

Отношение каузального объяснения к дедуктивно-номологическому объяснению вообще подробно рассматривается в: Hempel C. G. *Aspects of Scientific Explanation*. 1965, p. 347ff. Милль ("Система логики", кн. III, гл. 12, § 1) и Поппер ("Logik der Forschung", Sect. 12), по-видимому, неявно отождествляют каузальные объяснения и объяснения посредством общих законов.

(47) Н. Гартман (Hartmann N. *Teleologisches Denken*. Berlin, 1951) проводит различие между телеологией процессов, форм и целого. Эйла (Ayala F. J. *Teleological Explanation in Evolutionary Biology*. — "Philosophy of Science" 37, 1970, p. 9) упоминает о трех случаях телеологии в природе, а именно: а) "когда конечное состояние, или цель, сознательно ожидается агентом", б) саморегулируемые системы, в) "структуры, анатомически и физиологически предназначенные осуществлять некоторую функцию".

(48) Критические замечания на эту статью см. в: Taylor R. *Comments on a Mechanistic Conception of Purposefulness*. — "Philosophy of Science" 17, 1950; его же: *Purposeful and Non-Purposeful Behavior: A Rejoinder*. — там же; и ответ Розенблюта и Винера в работе: Rosenblueth A., Wiener N. *Purposeful and Non-Purposeful Behavior*. — там же; перепечатано в: Buckley W. (ed.). *Modern Systems Research for the Behavioral Scientist: A Sourcebook*. Chicago, 1968.

(49) Р. Тейлор ("Comments on a Mechanistic Conception...") называет позицию Розенблюта, Винера и Бигелоу "механистической" концепцией целесообразности. Однако термин "механистический" следует в этом случае понимать в более широком смысле, который, на мой взгляд, лучше выражается термином "каузалистский". Ср. выше, прим. 7.

(50) Сами авторы не называют свой подход "каузальным". Напротив, они стремятся провести различие между каузальностью и собственным понятием телеологии. На мой взгляд, термин "каузальный" они понимают слишком узко.

(51) Строго говоря, эти авторы выступают за ограничение понятия "телеологическое поведение" понятием "целенаправленные реакции, регулируемые ошибками". "Таким образом, телеологическое поведение становится синонимом поведения, контролируемого посредством отрицательной обратной связи" (Rosenblueth A., Wiener N., Bigelow J. *Behavior, Purpose, and Teleology*. — "Philosophy of Science" 10, 1943, p. 23-24. Перепечатано в: Canfield J. V. (ed.). *Purpose in Nature*. N.Y., 1966, и:

Buckley W. (ed.) *Modern Systems...*, 1968.

(52) Braithwaite R.B. *Scientific Explanation*. Cambridge, 1953. Ch. X; Nagel E. *The Structure of Science*. N.Y., 1961, Ch. XII. Избранные главы из обеих работ перепечатаны в сб.: Canfield J. V. (ed.). *Purpose in Nature*, N.Y. 1966. Брэйтвейт определенно принимает ту точку зрения, что телеологическое объяснение — как интенциональной, целенаправленной деятельности, так и вообще целесообразного поведения — сводимо к (формам) каузального объяснения. Позиция Нагеля по вопросу редукции телеологии к каузальным (нетелеологическим) схемам объяснения более сдержанна. По-видимому, справедливо истолковать его позицию как защиту "редукции" телеологических объяснений к каузальным в области биологии. Недавнее обсуждение этих проблем см. в работах: Ackerhmann R. *Mechanism, Methodology, and Biological Theory*. — "Synthese" 20, 1969; Ayala F. J. *Teleological Explanation...*

(53) Об общем и философском значении кибернетики ср.: David A. *La cybernetique et l'humain*. Paris, 1965; Klaus G. *Kybernetik in philosophischer Sicht*. Berlin, 1961; Lange O. *Calosc i rozwoj w swietle cybernetyki*. Warszawa, 1962; Wiener N. *Cybernetics*. Cambr., 1948 (в рус. пер.: Винер В. *Кибернетика*. М., 1968).

(54) Ср.: Lange O. *Calosc i rozwoj...*, Ch. I.

(55) Конт О. Курс положительной философии. Лекция 1, с. 8: "...Основная характеристическая черта положительной философии состоит в признании всех явлений подчиненными неизменным естественным законам".

(56) О понятии логической необходимости см. так же: гл. II, разд. 4, и гл. III, разд. 3.

(57) Совершенно очевидно, что схема дедуктивно-номологического объяснения в "традиционной" ее форме не является адекватным выражением условий, которым должно удовлетворять объяснение дедуктивно-номологического типа. Однако, даже если мы согласны с этим допущением, само по себе оно еще не является серьезным возражением против "подводящей" теории объяснения. Адекватность гемпелевской схемы и другие требования, которые можно к ней предъявить, обсуждаются в работах: Eberle R., Kaplan D., Montague R. *Hempel and Oppenheim on Explanation* — "Philosophy of Science" 28, 1961; Fain H. *Some Problems of Causal Explanation*. — "Mind" 72, 1963; Kim J. *On the Logical Conditions of Inductive Explanation*. — "Philosophy of Science", 30, 1963; Ackermann R. *Deductive Scientific Explanation*. — "Philosophy of Science" 32, 1965; Ackermann R., Stennes A. *A Corrected Model of Explanation*. — "Philosophy of Science" 33, 1966.

(58) В философии науки позиция, называемая конвенционализмом, первоначально связывалась с именем Анри Пуанкаре. Главным источником служит работа Пуанкаре "Наука и гипотеза" (в кн.: Пуанкаре А. *О науке*. М., 1983, с. 53-81 (гл. V—VII). В крайнем своем выражении эта позиция лучше всего, на мой взгляд, отражена в работах Ганса Корнелиуса и Гуго Динглера. О конвенционализме см. также: Wright G. H. von. *The Logical Problem of Induction*. Oxford, 1941/57, Ch. III.

(59) Ср.: Wright G.H. von. *The Logical Problem of Induction*. Ch. III, Sect. 4; его же: *A Treatise on Induction and Probability*. London, 1951, Ch. VI, Sect. 2.

(60) Большинство представителей конвенционализма в философии близки к позитивизму. Но это не относится к радикальным конвенционалистам. Ср.: Ajdukiewicz K. *Das Weltbild und die Begriffsapparatur* — "Erkenntnis" 4, 1934; Cornelius H. *Zur Kritik der wissenschaftlichen Grundbegriff*. — "Erkenntnis" 2, 1931; Dingier H. *Uber den Aufbau der experimentellen Physik* — "Erkenntnis" 2, 1931; его же: *Was ist Konventionalismus?* — "Actes du XI Congres International de Philosophie", vol. 5, Amsterdam, 1953.

(61) Возрождение в современных дискуссиях идеи естественной необходимости, а также понимания закона природы как выражения необходимости произошло главным образом благодаря У. Нилу. См.: Kneale W. *Probability and Induction*. Oxford, 1949; его же: *Universality and Necessity*. — "The British Journal for the Philosophy of Science" 12, 1961. Знаменательно, что У. Нил — ведущий авторитет в области истории модальной логики и логики вообще. Анализ идеи естественной необходимости см. также в работах: Nerlich G.C., Suchting W.A. *Popper on Law and Natural Necessity*. — "The British Journal for the Philosophy of Science" 18, 1967; Popper K. *A Revised Definition of Natural Necessity*. — "The British Journal for the Philosophy of Science" 18, 1967; Maxwell N. *Can There be Necessary Connections between Successive Events?* — "The British Journal for the Philosophy of Science" 19, 1968.

(62) Термин "номический" предложил У. Джонсон: "Я предлагаю использовать термин номический (от *νομο* — закон) для выражения понятия необходимости в противоположность понятию случайности. Таким образом, номическое суждение — это суждение, выражающее закон природы в чистом виде" (Johnson W. E. *Logic I-III*. Cambridge, 1921/24, Pt. 1, Ch. ix, Sect. 7). Джонсон

проводит различие между нелогической номической необходимостью и случайно истинными обобщениями фактов. Из первых следуют вторые, но не наоборот. Понимание закона природы Джонсоном предвосхищает точку зрения У. Нила.

(63) Об этой проблеме см. особенно работу: Goodman N. Fact, Fiction and Forecast. London, 1954 (здесь же перепечатана его работа: The Problem of Counter-factual Conditionals. — "The Journal of Philosophy" 44, 1947), p. 17-27, 45f., 73-83 и др.

(64) Wright G. H. von. On Conditionals. — "Logical Studies", London, 1957.

(65) Ibid., p. 153.

(66) Общий обзор см. в: David A. La cybernetique et l'humain. Paris, 1965. О кибернетике в социологии см.: Buckley W. Sociology and Modern Systems Theory. N.J., 1967; Buckley W. (ed.). Modern Systems Research for the Behavioral Scientists: A Sourcebook. Chicago, 1968; хороший обзор кибернетических идей в юриспруденции дан в: Losano M.G. Giuscibernetica, macchine e modelli cibernetici nel diritto. Torino, 1969.

(67) Ясное и обоснованное изложение дедуктивно-номологического понимания диспозиционных объяснений действий в терминах мотивационных причин содержится в работе: Hempel C. G. Aspects of Scientific Explanation, p. 469-487.

(68) Hempel C. G. Explanation in Science and in History, p. 107.

(69) "Если, например, мы объясняем первый раздел Польши в 1772 г., указывая на то, что Польша не могла сопротивляться объединенным силам России, Пруссии и Австрии, то мы неявно используем некий тривиальный общий закон, такой, как: "Если одна из двух армий, примерно одинаково оснащенных, имеет огромное превосходство в числе солдат, то другая никогда ее не победит..." Такой закон можно описать как закон социологии вооруженных сил; однако он слишком тривиален для того, чтобы представлять собой серьезную проблему для студентов-социологов или привлекать к себе их внимание" (Popper K. The Open Society and Its Enemies I-II. London., 1945, Ch. XXV, Sect. 2.) Может быть, это и так. Однако придет ли кому-нибудь в голову "объяснять" раздел Польши с помощью такого неявного "закона социологии"? Примечательно, насколько умело избегают действительно важных примеров защитники дедуктивно-номологической теории исторического объяснения.

(70) Это пример модели У. Дрея. См.: Dray W. H. Laws and Explanation in History. Oxford, 1957, p. 25, 33ff., 51, 97, 102, 134. Пример ввел в обсуждение Гардинер. См.: Gardiner P. The Nature of Historical Explanation. Oxford, 1952, p. 67, 87ff. Приведенный пример слегка изменен в сравнении с примером Дрея и Гардинера.

(71) Dray W. H. Laws and Explanation in History, Ch. V. Позднее Дрей разъяснил свою позицию в работе, "Еще раз об объяснении действий людей в исторической науке". В издании: Hook S. (ed.). Philosophy and History. N.Y., 1963, содержатся некоторые результаты обсуждения дреевской модели объяснения.

(72) Модель объяснения Дрея была подвергнута критике Гемпелем с точки зрения теории объяснения через закон в его работе: Deductive — Nomological vs. Statistical Explanation, а также в: Aspects of Scientific Explanation, Sect. 10.3. Критика модели Дрея с позиций, по существу близких ему, представлена в: Donagan A. The Popper Hempel Theory Reconsidered. — In: Dray W. H. (ed.). Philosophical Analysis and History. N.Y., 1966. Донаган проводит различие между осмысленностью (being intelligible) и рациональностью действий. Выбор Дреем последнего термина не совсем удачен, так как легко можно прийти к более "рационалистической" интерпретации истории, чем хотел сам Дрей (ср. ниже, гл. IV, разд. 10). Критическое обсуждение позиции Дрея см. также в: Louch A. R. Explanation and Human Action. Oxford, 1966.

(73) О связи современной аналитической философии с философией Verstehen (понимание) см. в: Gardiner P. Historical Understanding and the Empiricist Tradition. — In: Williams B., Montefiore A. (eds.). British Analytical Philosophy. London, 1966.

(74) Заслуга в этом принадлежит и работе: Hampshire St. Thought and Action. London, 1959.

(75) Anscombe G. E. M. Intention. Oxford, 1957, Sect. 33. Забвение практического рассуждения, однако, не было столь полным, как, по-видимому, полагает Э. Энскомб. Идея Гегеля относительно того, что он иногда называет "выводом действия" ("Schluss des Handelns"), имеет интересное сходство с идеей практического силлогизма, как она излагается в настоящей книге. В гегелевской схеме практического вывода первую посылку составляет стремление субъекта к некоторой цели ("der subjektive Zweck"), во второй посылке говорится о предполагаемых средствах ее достижения, и заключение состоит в "объективации" цели в действии ("der ausgeführte Zweck"). Гегель пишет: "Цель связывает себя через средство с объективностью, а в объективности — с самой собой... Средство есть

поэтому формальный средний член формального умозаключения; оно нечто внешнее по отношению к первому крайнему члену — к субъективной цели, а поэтому и по отношению ко второму крайнему — к объективной цели..." (Наука логики, т. 3. М., 1972, с. 196). На это сходство между Аристотелем и Гегелем мое внимание обратил Ю. Маннинен.

(76) Аристотель. Никомахова этика. 1147a 25—30. — Соч. в 4-х тт., т. 4. М., 1984, с. 197.

(77) Anscombe G. E. M. Intention, Sect. 33. Этот вопрос все еще является спорным. Sui generis характер практического рассуждения защищается в работе: Kenny A. Practical Inference. — "Analysis" 26, 1966. Это мнение оспаривается в: Jarvis J. Practical Reasoning — "The Philosophical Quarterly", 12, 1962. Промежуточная позиция занимает в: Wallace J. D. Practical Inquiry. — "The Philosophical Review", 78, 1969.

(78) Против этого мнения, несомненно, выступают те, кто придерживается "каузалистского" (как мы обозначили ниже, в гл. III, разд. 4) понимания справедливости практических рассуждений.

(79) Melden A. I. Free action. London, 1961; Kenny A. Action, Emotion and Will. London, 1963; D'Arcy E. Human Acts. Oxford, 1963; Brown D. G. Action. London, 1968, если говорить только о наиболее важных работах.

(80) Защиту дедуктивно-номологической модели объяснения действий и мнения о том, что действия имеют причины, см. в: Brandt R., Kim J. Wants as Explanations of Actions. — "The Journal of Philosophy" 60, 1963; Davidson D. Actions, Reasons and Causes. — "The Journal of Philosophy" 60, 1963; Churchland P. M. The Logical Character of Action-Explanations. — "The Philosophical Review" 79, 1970. Модель "механистического" объяснения, использующая кибернетические понятия, предложена в работе: Ackermann R. Explanations of Human Action. — "Dialogue" 6, 1967. Одна из последних значительных работ по теории объяснения и философии науки вообще — Stegmüller W. Probleme und Resultate der Wissenschaftstheorie. I. Wissenschaftliche Erklärung und Begründung. Berlin, 1969, — написана, безусловно, в рамках традиции позитивизма и логического эмпиризма. Следует также упомянуть о том, что в четырех статьях сборника: Vesey G. N. A. (ed.). The Human Agent. London, 1968, посвященных проблеме действий и причин (статьи Коуни, Гендерсона, Пирса и Уайтли), защищается каузалистское понимание мотивационного механизма действий.

(81) В: Winch P. Understanding a Primitive Society. — "American Philosophical Quarterly" 1, 1964, дан интересный анализ применения взглядов П. Уинча в социальной антропологии и исследовании первобытных культур.

(82) В работе: Winch P. Mr. Louch's Idea of a Social Science. — "Inquiry", 7, 1964, П. Уинч возражает против приписывания ему попытки создать методологию социальных наук. Это справедливое возражение, если под методологией понимать, грубо говоря, описание методов, используемых учеными. Однако это неверно, если понимать под методологией, как это делается в данной книге, философию метода.

(83) См. критические замечания в: Louch A. R. The Very Idea of a Social Science. — "Inquiry" 6, 1963, и ответ автора на критику в: Winch P. Mr. Louch's Idea...

(84) Ср.: Wilenius R. Filosofia ja politiikka, p. 130. В рамках феноменологического направления философом, представление которого о природе социальной реальности и методологии социальных наук имеет сходство с позицией П. Уинча, является А. Шюц (1899—1959). Его книга: Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt, eine Einleitung in die verstehende Soziologie, 1932, появилась накануне упадка культурного развития в Европе и осталась незамеченной даже после того, как автор нашел убежище в США. Собрание статей Шюца на английском языке, включая значительную часть упомянутой работы, опубликовано посмертно в: Schutz A. Collected Papers. I—II, The Hague, 1962—1964.

(85) Ср.: Yolton J. W. Agent Causality. — "American Philosophical Quarterly" 3, 1966, p. 16.

(86) Главный источник: Gadamer H.G. Wahrheit und Methode. С должной осторожностью можно провести различие между философами-герменевтиками диалектической и аналитической ориентации. Термин "герменевтическая философия" можно использовать как общее название для обеих тенденций. Это послужило бы более четкому различению между аналитической философией, восходящей к позднему Витгенштейну, и аналитической философией, развиваемой в рамках позитивизма и логического эмпиризма. Со временем такой подход окажется, вероятно, более справедливым для характеристики тенденций в современной мысли, чем отнесение философии Витгенштейна к "аналитической" и рассмотрение континентальной герменевтической философии как варианта феноменологии.

(87) О месте языка в герменевтической философии см. сб. статей под ред. Х. Гадамера: Gadamer H. G. (ed.). Das Problem der Sprache. Munich, 1967. Следует упомянуть также о современном интересе к имплицитным представлениям Гегеля о языке. См.: Lauener H. Die Sprache in der Philosophie Hegels.

Bern, 1962; Simon J. Das Problem der Sprache bei Hegel. Berlin, 1966; Derbolav J. über die gegenwertigen Tendenzen der Hegelaneignung. — In: Akten des XIV. Internationalen Kongresses für Philosophie Wien, 2. — 9. September 1968 Band V. Wien, 1970.

(88) Первоначально — искусство толкования письменных источников. Об истории этого термина и этого направления см.: Apel K. O. Wittgenstein und das Problem des hermeneutischen Verstehens. — "Zeitschrift für Theologie und Kirche", 63, 1966; Dilthey W. Die Entstehung der Hermeneutik; Gadamer H.G. Wahrheit und Methode; Wach J. Das Verstehen, Grundzüge einer...

(89) Об этом сходстве см.: Apel K. O. Wittgenstein und das... О связи между аналитической и герменевтической философией см.: Apel K. O. Analytic Philosophy of Language and the Geisteswissenschaften. Dordrecht-Holland, 1967; Habermas J. Zur Logik der Sozialwissenschaften. Tübingen, 1967; Gadamer H.G. Hermeneutik. — In: Contemporary Philosophy III, ed. by R. Klibansky, Firenze, 1969.

(90) Ср.: Apel K. O. Analytic Philosophy of Language and the Geisteswissenschaften; его же: Szientistik, Hermeneutik, Ideologic — Kritik. — "Man and World", 1, 1968; Radnitzky G. Contemporary Schools of Metascience I — II. Gothenburg, 1968, Vol. II.

(91) Radnitzky G. Contemporary Schools..., vol. II, p. 106ff. Критику концепции Verstehen и герменевтической методологии с позиций аналитической философии и позитивизма см. в.: Neurath O. Empirische Soziologie. Wien, 1931, S. 56; Hempel C. G. The Function of General Laws in History, Sect. 6; Hempel C. G., Oppenheim P. Studies in the Logic..., Pt. 1, Sect. 4; Hempel C. G. Aspects of Scientific Explanation, Sect. 10.3; Abel Th. The Operation called "Verstehen". — "American Journal of Sociology", 54, 1948; Mart in J. M. Another Look at the Doctrine of Verstehen. — "The British Journal for the Philosophy of Science", 20, 1969.

II. ПРИЧИНОСТЬ И КАУЗАЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

(1) См.: Юм Д. Трактат о человеческой природе. — Соч. в 2-х тт., т. 1. М., 1965, кн. I, ч. III, гл. 1 и 14, и особенно его же: Исследование о человеческом познании, там же, т. 2. М., 1966, гл. IV, ч. 1.

(2) Юм Д. Трактат о человеческой природе, кн. I, ч. III, гл. 14; Исследование о человеческом познании, гл. IV, ч. 2, и гл. VII, ч. 2.

(3) Обзор попыток решить "проблему Юма" см.: Wright G. H. von. The Logical Problem of Induction.

(4) Этот афоризм принадлежит Броуду, см.: Broad C. D. The Philosophy of Francis Bacon. Cambridge, 1926.

(5) Это утверждалось философами столь разной философской ориентации, как О. Конт (ср. выше, гл. I, разд. 2) и Р. Дж. Коллингвуд. Конт О. (Дух позитивной философии, ч. I, гл. I, § 3): "Одним словом, основной переворот, характеризующий состояние возмужалости нашего ума, по существу, заключается в повсеместной замене недоступного определения причин в собственном смысле слова простым исследованием законов, т.е. постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями" (с. 17). Конт О. Система позитивной политики. Введение.; Collingwood R. G. An Essay on Metaphysics. Oxford, 1940, p. 327. Ср. также: Donagan A. The Later Philosophy of R. G. Collingwood. Oxford, 1962, p. 145.

(6) Russell B. On the Notion of Cause. — "Proceedings of the Aristotelian Society", vol. 13, 1912/13, p. 171.

(7) Там же, с. 184.

(8) Nagel E. Types of Causal Explanation in Science. — In: Lerner D. (ed.). Cause and Effect. N.Y., 1965, p. 12.

(9) Suppes P. A Probabilistic Theory of Causality, p. 5.

(10) Russell B. On the Notion of Cause; Campbell N. What is Science? (1921). N.Y., 1952, p. 49-57.

(11) Ср.: Popper K. Logik der Forschung. Sect. 12. Отношение между каузальным объяснением и объяснением дедуктивно-номологического типа подробно рассматривается в: Hempel C.G. Aspects of Scientific..., Sect. 2.2. Согласно Гемпелю, все каузальные объяснения являются дедуктивно-номологическими, однако не все дедуктивно-номологические объяснения являются каузальными.

(12) Здесь полезно обратить внимание на различие между объяснением фактов, таких, как появление события, и "объяснением", если уж приходится так говорить, (научных) законов. В данной книге я рассматриваю объяснения только первого типа. Согласно общему, хотя вряд ли бесспорному мнению, объяснение законов состоит в выведении их из более общих законов или демонстрации того, что они являются частными случаями последних. Это дедуктивно-номологическое объяснение. Ср.: Милль Д. С. Система логики, кн. III, гл. 12, §1, и Braithwaite R. B. Scientific Explanation, Ch. XI.

"...Всякий закон, всякое единообразие в природе считают объясненным, раз указан другой закон или законы, по отношению к которому или которым первый закон является лишь частным случаем и из которого или которых его можно было бы дедуцировать" (Милль Д. С. Система логики, с. 374).

"Объяснить закон — значит представить множество гипотез, из которых следует этот закон (Брэйтвейт). Однако это не является "каузальным объяснением", по крайней мере в приемлемом смысле этого термина. Назвать один закон "причиной" другого не более верно, чем назвать истинность неравенства $2^n > n$ "причиной" того, что 2^3 больше 3.

(13) О разделении различных понятий об условиях и элементы их логики см. в: Wright G. H. von. A Treatise on Induction and Probability, Ch. III, Sect. 2. Об отношении между понятиями об условиях и каузальными понятиями см. также: Mackie J. L. Causes and Conditions. — "American Philosophical Quarterly", 2, 1965; Marc-Wogau K. On Historical Explanation. — "Theoria", 28, 1962; Scriven M. The Structure of Science. Critical study of Nagel, 1961. — "The Review of Metaphysics" 17, 1964; Vanquickenborne M. An Analysis of Causality in Everyday Language. — "Logique et Analyse" 12, 1969.

(14) О значении термина "родовой" ("generic") см. в данной главе, разд. 4.

(15) Первой работой в этой области является: Broad C. D. The Principles of Demonstrative Induction (I). — "Mind" 39, 1930. Более полный анализ см. в: Wright G. H. von. A Treatise on..., Ch. IV. Общий обзор см. в: Wright G. H. von. The Logical Problem of Induction, Ch. IV, Sect. 3—5 (2-е переизд. 1957 г.).

(16) Много недоразумений в дискуссии о причинности и в индуктивной логике возникло в результате неразличения различных видов обусловленности. Так, в "Исследовании о человеческом познании" Д. Юма (гл. VII, ч. 2) "причина" определяется вначале как достаточное и почти тут же — как необходимое условие, очевидно, в силу убеждения, что это одно и то же: "Мы можем поэтому определить причину как объект, за которым следует другой объект, причем все объекты, похожие на первый, сопровождаются объектами, похожими на второй. Иными словами (sic!), если бы не было первого объекта, то никогда не существовало бы и второго" (с. 78). "Система логики" Д. С. Милля полна примеров подобного смешения. См.: Wright G. H. von. The Logical Problem of Induction, Ch. IV, Sect. 3; его же: A Treatise of Induction..., Ch. VI, Sect. 4, p. 158-163.

(17) Следует заметить, что необходимость "строгой импликации", как мы используем этот термин, не является логической необходимостью. Новаторской работой в области модального, неэкстенционального анализа причинности является: Burks A. W. The Logic of Causal Propositions. — "Mind" 60, 1951.

(18) В частности, вопрос о том, может ли причина действовать в направлении к прошлому, много обсуждался в современной литературе. Начало этому обсуждению положили работы: Dummett M. Can an Effect Precede Its Cause? — "Proceedings of the Aristotelian Society", Suppl. vol. 28, 1954; Flew A. Can an Effect Precede Its Cause, — "Proceedings of the Aristotelian Society", Suppl. vol. 28, 1954. Важные результаты были получены в работах: Black M. Why Cannot an Effect Precede Its Cause? — "Analysis" 16, 1955; Chisholm R. M., Taylor R. Making Things to Have Happened. — "Analysis" 20, 1960; Dummett M. Bringing About the Past. — "The Philosophical Review" 73, 1964; Chisholm R. M. Freedom and Action. — In: Lehrer K. (ed.). Freedom and Determinism. N.Y., 1966. Библиографию см. в: Gale R. M. (ed.). The Philosophy of Time. London, 1968.

(19) О понятии реализации положения дел (occasion) и различии между родовыми и индивидуальными понятиями см.: Wright G. H. von. Norm and Action, Ch. II, Sect. 4.

(20) Подробное изложение этой системы временной логики, или логики изменения, см.: Wright G. H. von. And Next. — "Acta Philosophica Fennica" 18, 1965; его же: Time, Change and Contradiction. Cambridge, 1969.

(21) Более подробно см.: Wright G. H. von. The Logical of Practical Discourse. — In: Contemporary Philosophy I, ed. By R. Klibansky. Firenze, 1968.

(22) Согласно стандартному определению система представляет собой совокупность элементов с упорядоченным множеством отношений. См.: Hall A. D., Fagen R. E. Definitions of System. — In: Buckley W. (ed.). Modern Systems Research for the Behavioral Scientists: A Sourcebook. Chicago, 1968, p. 81; Lange O. Calosc i rozwoj...; Buckley W. Sociology and Modern Systems Theory. Такое понятие системы гораздо шире, чем обсуждаемое нами. Наше понятие системы фактически не отличается от понятия о дискретном состоянии системы Н. Решера. См.: Rescher N. Discrete State Systems, Markov Chains, and Problems in the Theory of Scientific Explanation and Prediction. — "Philosophy of Science" 30, 1963. Оно также имеет связь с кибернетическим понятием динамической системы. См.: Ashby W. R. Design for a Brain: The Origin of Adaptive Behaviour. N.Y., 1952, Ch. II; Ashby W. R. An Introduction to Cybernetics. London, 1956, Ch. III, Sect. 1, 11. (В рус. пер.: Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М.,

1959, ч. 3, гл. 11.)

(23) Важным аспектом такого рассмотрения является связь величин вероятности с альтернативными изменениями в каждой точке и связь величины оценки с полными состояниями, или мирами.

(24) Система, являющаяся фрагментом другой системы, пройдет через несколько стадий. Отношение обусловленности между состоянием на стадии m и состоянием на стадии p в фрагменте системы, справедливое также и для полной системы, — это отношение между состоянием на стадии $m+k$ и состоянием на стадии $p+k$ в полной системе, где k — различие между системами по числу стадий. Аналогично, отношение обусловленности между состоянием на стадии t и состоянием на стадии p в большей системе есть отношение обусловленности между первым состоянием на стадии $t-k$ и вторым состоянием на стадии $p-k$ в фрагменте системы. Если $t-k < 1$, то отношение обусловленности в полной системе не будет иметь соответствия в рамках ее фрагмента. (Это так, потому что обусловленное состояние принадлежит к стадии, которая предшествует начальному состоянию фрагмента системы.)

(25) Эти вопросы, связанные с отношениями обусловленности, нельзя смешивать с вопросами о "случайных" и "относительных" условиях, которые рассматриваются в разд. 6.

(26) Эта зависимость отношений обусловленности от той или иной системы для своего символического выражения в $PL + T + L + M$ исчислении требует использования итерированных ("высшего порядка") модальных операторов. Например, допустим, что появление d_1 на четвертой стадии является необходимым условием для появления p в e_1 . Это означает, что прохождение системой через c_1 на третьей стадии является достаточным, чтобы гарантировать необходимость прохождения через d_1 на четвертой стадии для того, чтобы реализоваться в состоянии, содержащем p . В целях нашего рассуждения допустим, что строгая импликация является удовлетворительным символическим выражением того факта, что антецедент является достаточным условием консеквента, а консеквент — необходимым условием антецедента. В таком случае упомянутая выше относительность отношений обусловленности может быть "прочитана" из следующей формулы:

$$N(c_1 \rightarrow N(t \ T (t \ T \ p) \rightarrow t \ T \ d_1)),$$

в которой t обозначает произвольную тавтологию.

(27) Любую систему можно в свою очередь рассматривать как фрагмент более широкой системы. Отношения обусловленности, справедливые в ее рамках, не обязательно будут справедливы в более широкой.

(28) Об общем определении свойства закрытости см.: Hall A. D., Fagen R. E. *Definitions of System*, p. 66. Важно отметить, что закрытость определена здесь как свойство системы в некоторой данной реализации, т.е. когда дано начальное состояние и система проходит через какой-то из возможных путей развития, включающий в себя n последовательных стадий. Система, являющаяся закрытой в одном случае ее реализации, не обязательно будет закрыта в другом случае.

(29) Ср.: Nagel E. *Types of Causal Explanation in Science*, p. 19ff. Случай, который рассматривает Нагель, слегка отличается от обсуждаемого нами. Нагель анализирует "случайную необходимость" фактора. Типы "относительных" условий, анализируемые в пунктах ii и iii, сходны с тем, что Макки (Mackie J. L. *Causes and Conditions*, p. 245) называет *inus*-условие, т.е. существенная часть достаточного условия, которая не является необходимым условием. Кроме того, они близки тому, что Марк-Воган (Marc-Wogau K. *On Historical Explanation*, p. 226f) называет "моментом в минимально достаточном и одновременно необходимым условием *post factum*", а также характеристике причин частных событий, данной Скрайвенем (Scriven M. *The Structure of Science*, p. 408). Указанные три автора пытаются установить условия, которым должен удовлетворять фактор, для того чтобы его можно было квалифицировать как "причину" в дополнение к его свойству быть "случайным достаточным условием" в том смысле, как объяснено в тексте. Отнюдь не очевидно, что удовлетворительную характеристику можно дать только в терминах различных отношений обусловленности. Могут возникнуть вопросы, связанные с управляемостью (контролем) факторов (см. ниже, разд. 7—10), и вопросы эпистемического характера. Эпистемические вопросы относятся к познанию нами факторов и их использованию в объяснении. Последовательность познания находит отражение в операции расширения начальных фрагментов системы либо путем включения дополнительных элементов в пространство состояний, либо посредством рассмотрения большего числа стадий в развитии систем.

(30) Первым обратил внимание на важную роль объяснений, отвечающих на вопросы о том, как стало возможным то или другое событие, У. Дрей. Такие объяснения "не менее" являются объяснениями, соответствующими подводящей модели, чем объяснения, отвечающие на вопросы о

том, почему произошло то или иное событие. (Далеко не все ответы на вопросы "Почему необходимо?" являются объяснениями "подводящего" типа. Ср. ниже, гл. IV.) Если объяснения типа "Как возможно?" являются "подводящими", то они соответствуют модели объяснения посредством закона. Однако эта модель не тождественна оригинальной гемпелевской схеме. Признание самостоятельного логического статуса объяснений типа "Как возможно?" следует рассматривать не как критику гемпелевской теории объяснения, а скорее как существенное дополнение этой теории. Любопытно тем не менее, что критики взглядов Дрея с подозрением отнеслись к объяснениям типа "Как возможно?" и иногда пытались придать им форму гемпелевских объяснений "Почему необходимо?". (См.: Dray W. On Explaining How-Possibly. — "The Monist" 52, 1968.) Выделение этих двух типов объяснений ни в коем случае не следует рассматривать как характеристику общего различия моделей объяснения в естественных и гуманитарных науках.

(31) Как указывалось в гл. I, разд. 1, прим. 3, вопрос об отношении объяснения и предсказания часто обсуждается в современной литературе. Однако это обсуждение ограничивается в целом анализом силы предсказания объяснений, отвечающих на вопросы "Почему?".

(32) Выдающееся исключение — Э. Нагель. При анализе телеологии он во многих случаях рассматривает типичные примеры "квазителеологии" и стремится показать их каузальный характер. См.: Nagel E. Teleological Explanation and Teleological Systems. — In: Readings in the Philosophy of Science, ed. by H. Feigl and M. Brodbeck. N.Y., 1953; его же: The Structure of Science, особенно p. 401—427; его же: Types of Causal Explanation in Science.

(33) Хороший анализ проблемной ситуации в этой области содержится в: Lagerspetz K. Teleological Explanations and Terms in Biology. — Ann. Zool. Soc. "Vanamo" XIX: 6, Helsinki, 1959. Автор занимает позицию, близкую позиции Нагеля.

(34) Об этом "контрфактическом элементе", включенном в понятие действия, см. ниже, гл. III, разд. 10. Ср. также: Black M. Making Something Happen. — In: Hook S. (ed.). Determinism and Freedom. N.Y., 1958, p. 24; Wright G. H. von. An Essay in Deontic Logic and the General Theory of Action. Amsterdam, 1968, Ch. II, Sect. 6. Однако прежнее мое понимание этой проблемы несколько отличается от настоящего.

(35) Следует правильно истолковывать выражение "достаточное условие в некотором случае". Если а является достаточным условием b, то во всех случаях, когда есть а, есть также и b. Однако может быть так, что в некоторых случаях появление b связано с достаточным условием а, в других — с некоторым другим достаточным условием, а в каких-то еще не связано вообще с достаточным условием.

(36) Jaeger W. Paideia I. Berlin, 1934, Bk. I, Ch. 9; Kelsen H. Vergeltung und Kausalitat, eine soziologische Untersuchung. The Hague, 1941, Ch. V, названная "Формирование каузальных законов по принципу возмездия в греческой натурфилософии".

(37) Ср.: Cohen M.R. Causation and its Application to History. — "Journal of the History of Ideas" 3, 1942, p. 13.

(38) Кроме выражений "совершить действие" и "вызвать следствие", есть также выражение "заставить произойти". Ни одно из этих трех выражений, как они обыкновенно употребляются, нельзя однозначно связать с каким-либо из тех понятий, которые я называю, в специальном смысле, результатом и последствием(ями) действия. Но мне представляется, что "совершить" более естественно ассоциируется с результатом, а "вызвать" — со следствием действия, в то время как "заставить произойти" используют более неопределенно, относя его как к результату, так и к следствию. Ср.: Black M. Making Something Happen.

(39) Разделение на базисные и небазисные действия ввел в современную дискуссию Данто, См.: Danto A. C. What We Can Do? — "The Journal of Philosophy" 60, 1963; Basic Actions. — "American Philosophy Quarterly" 2, 1965; Freedom and Forbearance. — In: Lehrer K. (ed.). Freedom and Determination. N.Y., 1966. Способ, которым Данто проводит это различие, можно подвергнуть критике. Ср.: Stoutland F. Basic Actions and Causality. — "The Journal of Philosophy" 65, 1968. Данто определяет базисное действие как такое действие, которое не вызывается каким-либо другим действием того же агента. Определение Стоутлэнда несколько отлично: базисное действие агента есть такое действие, которое он не совершает посредством совершения другого действия. Последняя дефиниция, несомненно, лучше; она избегает прежде всего сомнительного понятия "вызывание действия". См. также ниже, гл. III, прим. 38.

(40) Идея о том, что понятие действия первичнее, чем понятие причины, имеет долгую историю. Существует также много различных вариантов этой идеи. Одним из ее защитников был Томас Рид. Однако его понимание первичности идеи действия (активной силы) по отношению к понятию

каузальной силы весьма отличается от моего. Согласно Риду, наше представление о причине и следствии в природе формируется на основе аналогии между каузальным отношением и отношением агента к его действию. Понятие "активной силы" в человеке, говорит Рид, — это идея о том, что человек "может совершать определенные действия, если он хочет" (Reid Th. *Essays on the Active Powers of Man*. 1788, Essay I, Ch. V). Ближе к развиваемому в данной книге представлению об отношении между понятием причины и понятием действия является идея Коллингвуда о причине как "поводе". Ср.: Collingwood R.G. *An Essay on Metaphysics*, 1940, p. 296). Из точек зрения, которые я нашел в литературе, наиболее близка моей позиция, защищаемая в: Gasking D. *Causation and Recipes*. — "Mind" 54, 1955. Согласно Гаскингу, "понятие причинности существенным образом связано с нашими средствами получения результатов" и "высказывание о причине какого-либо события очень тесно связано с представлением о способе создания или предотвращения его". Это остается, по существу, справедливым и тогда, когда отдельное событие сложного и глобального характера, которое никто не мог бы произвести, называют причиной другого отдельного события. Например, когда повышение среднего уровня моря в определенную геологическую эпоху приписывается таянию ледяного покрова на полюсе (ср. с нашим примером на с. 104 об извержении Везувия и разрушении Помпеи). Ибо "должное понимание этой ситуации означает, что люди способны произвести события первого рода в качестве средств для осуществления событий второго рода". Такое манипулятивное понятие причины Гаскинг называет "фундаментальным, или первичным". Он делает замечание, на мой взгляд, правильное и важное, что такое понятие причины не играет значительной роли в теоретических формулировках ученых. Прогресс естествознания можно понимать как переход от уровня "способов манипулирования" к уровню "функциональных законов". Такого понимания придерживается Б. Рассел и др. Однако в таком случае следует добавить, что эти функциональные взаимосвязи обеспечивают логический базис, на основе которого можно разработать новые приемы создания или предотвращения вещей, что требуется в целях проведения экспериментов и технического применения. Это объясняет замеченный Нагелем (ср. выше, с. 73) факт о том, что понятие ("манипулятивной") причинности продолжает "проникать в описания лабораторных исследований у естествоиспытателей".

(41) Юмовское, "пассивистское" понимание причинности и законов природы как регулярной последовательности усиленно защищается в: Hobart R.E. *Hume without Scepticism (I—II)*. — "Mind" 39, 1930. Этот автор утверждает, что "просто последовательность самих событий порождает нашу характеристику их как необходимых". В известном смысле это верно и для защищаемого мною понимания причинности. Идея естественной необходимости, как я ее понимаю, основывается на той идее, что мы способны нечто вызвать, совершая нечто другое. Однако наше знание о том, что совершенные действия "вызывают" какие-то следствия, основано на наблюдении регулярных последовательностей событий. Следовательно, утверждение, что нечто "вызывает" нечто другое, вводит в заблуждение: это "вызывание" есть не что иное, как регулярная последовательность событий. Кроме того, сознание способности совершать действия покоится на нашей уверенности в том, что определенные положения дел не будут изменяться (или изменятся определенным образом), если мы—продуктивно или превентивно — не вмешаемся в ход природных событий. Откуда в нас эта уверенность? Очевидно, из опыта. Поэтому в конечном итоге понятие действия опирается на наше знание эмпирических регулярностей.

(42) В работе: Simon H. *Causal Ordering and Identifiability*. — *Studies in Econometric Method*, ed. by W. C. Hood and T.C. Koopmans. N.Y., 1953, защищается сходное понимание проблемы асимметрии каузального отношения. Автор отвергает мнение о том, что "причину можно определить как функциональное отношение в конъюнкции с последовательностью во времени". С его точки зрения, асимметрию каузального отношения следует объяснить на основе способности контролировать и вмешиваться в структуру модели.

(43) Используемая нами грубая модель, или мысленное представление, конечно же, не претендует на реалистичность. "Мозговые события" недоступны зрительному наблюдению "в принципе". С точки зрения настоящего анализа модель осуществляет свою логическую функцию, если принимается допущение о том, что мозговые события являются нервными процессами, которые можно определить и идентифицировать независимо от их воздействий на процессы, называемые "мышечной деятельностью". Я не берусь судить о том, выполняется ли на самом деле это условие независимости. Я не знаю, обсуждался ли когда-нибудь этот вопрос. Однако он вполне заслуживает рассмотрения.

(44) Наиболее интересный анализ идеи о том, что агент способен вызывать мозговые события "в прошлом", см. в: Chisholm R. M. *Freedom and Action*. Согласно Чизхолму, совершая какое-то

действие, например поднимая руку, агент заставляет произойти какие-то события в мозгу. Каузальное отношение этого типа, т.е. отношение между агентом и событием в мире, Чизхолм называет имманентным. Он отличает его от каузального отношения, называемого им транзиентным, которое существует между какими-то двумя событиями. Таким образом, связь между подниманием руки и (предшествующими) событиями в мозгу является транзиентной причинностью. Ссылаясь на различие, сделанное Чизхолмом, можно сказать, что я защищаю существование транзиентной причинности, действующей в направлении к прошлому, поскольку я пытаюсь доказать, что именно поднимание руки является причиной" появления некоторых предшествующих событий в мозгу. На мой взгляд, понятие Чизхолма об имманентной причинности влечет непреодолимые трудности. Чизхолм утверждает, что "природа транзиентной причинности не более ясна, чем природа имманентной причинности". В известном смысле я могу с ним согласиться. И видимо, можно сказать, что в мое понятие транзиентной причинности, в силу его зависимости от понятия действия, уже входит понятие имманентной причинности. Чизхолм утверждает также, что, "пока мы не усвоили понятие имманентной причинности, мы не поймем понятие транзиентной причинности". Здесь наши позиции сближаются. Если вместо имманентной причинности" мы подставим "действие", то получится мое понимание. При желании можно было бы назвать действие "имманентной причинностью" и тем самым придать этому выражению некоторое значение. Однако я не считаю, что понятие имманентной причинности может прояснить понятие действия.

III. ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

(1) Это различие между типами объяснения было бы лишь "внешним" различием, если бы телеологические и квазикаузальные объяснения оказались переводимыми в (подлинно) каузальные объяснения. Тогда оставалось бы верным, что справедливость объяснения, например утверждения о том, что человек бежит, потому что хочет успеть на поезд, не зависит от истинности предполагаемой номической связи между поведением (running) человека и его своевременным появлением на станции. Однако справедливость этого объяснения будет зависеть от истинности номической связи между его "страстным желанием успеть на поезд" (интерпретированным, вероятно, как некоторое глобальное состояние в его мозгу или теле) и его поведением (running).

(2) Я думаю, что это соответствует точке зрения, принимаемой в: Braithwaite R. B. *Scientific Explanation*, p. 322—341; Hempel C. G. *The Logic of Functional Analysis*, Sect. 7; Nagel E. *The Structure of Science*, p. 40—428. Как утверждает Нагель, "любое высказывание о предмете телеологического объяснения в принципе можно выразить в нетелеологическом языке, поэтому такие объяснения наряду со всеми утверждениями о контекстах их использования переводимы в логически эквивалентные нетелеологические формулировки". Такая точка зрения согласуется с позицией "радикального кибернетизма", излагаемой, например, в: Klaus G. *Kybernetik in philosophischer Sicht*. p.290—325.

(3) Я не стремлюсь преуменьшить значение перспектив, которые открыла кибернетика для анализа телеологии в каузальных понятиях. Такой анализ помогает прежде всего более четко разграничить типы телеологии, Я не утверждаю, что объяснение целенаправленного поведения и целесообразности нельзя подвести под модель объяснения посредством закона, Я утверждаю лишь, что такая редукция распространяется не на все формы телеологии. Я не стану спорить с теми, кто предпочитает называть нередуцируемые формы по-другому, например интенциональностью, а название "телеология" сохраняет для редуцируемых форм.

(4) Было бы трудно, да и педантично возражать против обозначения словом "причина" не только примеров номических связей. Но мне кажется вполне оправданным возражать против обозначения специальным термином "каузальное объяснение" таких объяснений, которые не соответствуют подводящей модели.

(5) См.: Mayr E. *Cause and Effect in Biology*. — In: Lerner D. (ed.). *Cause and Effect*. N.Y., 1965; Ayala F. J. *Teleological Explanation in Evolutionary Biology*. — "Philosophy of Science" 37, 1970.

(6) Альтернативное название объяснений, опирающихся на номические связи между экспланандумом и некоторым последующим экспланансом — "вторичная" причинность ("terminal causation"). Этот термин изобрел финский философ Кайла (Kaila E. *Terminal-kausaliitat als Grundlage eines unitarischen Naturbegriffs*. I. — "Acta Philosophica Fennica" 10, 1970). Кайла противопоставляет вторичную (terminal) и первичную (initial) причинность. Он утверждал, что вторичная причинность играет важную роль не только в науках о жизни и поведении, но также и в физике, и что роль каузальных объяснений в терминах предшествующих условий сильно преувеличена.

(7) Ср.: Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980, с. 203, где действие описывается как "единство внешней и внутренней сторон события".

(8) Под "бихевиоризмом" обычно понимают учение или метод, истолковывающий поведение организмов в терминах стимулов и ответных реакций. Примечательно, однако, что по отношению к очевидным примерам безусловных и условных рефлексов не вполне естественно говорить о "поведении" (подвергнутого стимуляции и реагирующего организма), Слюнотечение или вздрагивание колена — это реакции на раздражение. Только люди, привыкшие к бихевиористскому жаргону, посчитают естественным называть такие реакции "поведением" собаки или человека. (Однако можно назвать их поведением определенных желез или колена.) Следовательно, утверждение о том, что поведение также можно объяснять в "бихевиористских терминах" как сложные формы реакций на раздражение, можно назвать интересной и спорной частью бихевиористского тезиса. Я думаю, подобные наблюдения полезны, поскольку они обращают внимание на концептуальные различия и предостерегают против сверхпоспешных обобщений. У меня нет желания протестовать против принятой специальной терминологии в психологических исследованиях. О понятии поведения и близких понятиях действия и движения см. интересную статью: Hamlyn D. W. Behaviour. — "Philosophy" 28, 1953.

(9) Может оказаться полезным провести различие между логическими и каузальными следствиями. Когда мы говорим о следствиях точки зрения, суждения или высказывания, мы обычно имеем в виду логические следствия. Но когда речь идет о действии, этот термин почти всегда означает каузальные следствия.

(10) Ср. пример человека, качающего насос в: Anscombe G. E. M. Intention, 1957.

(11) Более полное изложение логики понятий действия см. в: Wright G. H. von. Norm and Action; An Essay in Deontic Logic and the General Theory of Action.

(12) Мышечная деятельность вызывается нервной деятельностью. Защитники точки зрения, которую я здесь кратко излагаю, будут, следовательно, утверждать, что непосредственным следствием желания является некоторое нервное событие, которое в таком случае будет считаться непосредственным внешним аспектом действия. Ср.: Pritchard H.A. Acting, Willing, Desiring. Moral Obligation: Essay and Lectures. Oxford, 1949, p. 193: "Если мы хотим произвести некоторое движение телом и считаем, что мы вызвали его, мы не могли его непосредственно вызвать. Ибо то, что мы непосредственно вызвали, если таковое существует, должно быть некоторым изменением в нашем мозгу". Однако нервные события нельзя квалифицировать как непосредственный внешний аспект действия. Это так, поскольку они не являются результатами базисных действий (см. гл. II, разд. 8). Если они как-то и относятся к внешнему аспекту действия, то только в качестве следствий результатов определенных базисных действий (ср. обсуждение возможного примера ретроактивной причинности в гл. II, разд. 10). Если мы, рассматривая волю как причину действия, считаем ее причиной нервных событий, которые в свою очередь вызывают некоторое поведение, мы, следовательно, истолковываем нервные состояния как некоторый "клин", разделяющий внутренний и внешний аспект действия. Необходимость такого разделения служит, по моему мнению, лишь иллюстрацией концептуальной необоснованности "каузальной теории действия".

(13) Подчеркивание Юмом независимости причины и следствия см. особенно в: Юм Д. Трактат о человеческой природе, кн. I, ч. III, гл. 6, Кроме того, если согласиться с тем, что каузальные связи являются видами естественной необходимости, то возникнет желание утверждать, что причина и следствие должны быть логически независимыми.

(14) Наиболее упорно эта позиция защищается Мельденом и рядом авторов, находящихся под его влиянием. Ср.: Melden A. I. Free Action. London, 1961, p. 53: "Внутреннее событие, которое мы называем "актом воли"... должно быть логически отличным от предполагаемого следствия — это, несомненно, один из уроков, который мы можем извлечь из анализа причинности Юма. Однако не может быть акта воли, не связанного логически с предметом желания, — стремление понятно только как стремление к тому, что желается".

(15) Ясный анализ этого аргумента с обоснованными критическими замечаниями см. В: Stoutland F. The Logical Connection Argument. — "American Philosophical Quarterly" 7, 1970.

(16) Так, например, в указанной работе Мельдена, как ясно из приведенной в прим. 14 цитаты, а также в: Daveney T. F. Intentions and Causes. — "Analysis" 27, 1966, или: White A. R. The Philosophy of Mind. N.Y., 1967. Ср. также: Wittgenstein L. Zettel. Oxford, 1967 Sects. 53—60.

(17) Ср.: Stoutland F. The Logic Connection Argument, p. 125. Автор вполне справедливо указывает, что понимание "объектов интенций как части внутренней структуры интенций" никоим образом не противоречит возможности (утверждению) о том, что "связь между интенциями и наличием того, что

их осуществляет, является случайной".

(18) Для того чтобы показать, что два сингулярных высказывания p и q являются логически независимыми, необходимо показать, что по крайней мере одна из четырех комбинаций — $p \& q$, $p \& \sim q$, $\sim p \& q$, $\sim p \& \sim q$ — является логически невозможной. Просто из того факта, что логически невозможно верифицировать или фальсифицировать одно высказывание, не верифицируя или фальсифицируя также и другое, еще нельзя заключить, что высказывания являются логически независимыми. Такой вывод можно сделать только при условии, что существует логическая возможность получения истинностного значения, т.е. верификации или фальсификации, любого сингулярного высказывания. Я считаю приемлемым такое понимание отношения верифицируемости и пропозиционального значения, однако я не буду его здесь доказывать.

(19) Возможность функционирования интенций в качестве причин специально рассматривается в: Taylor Ch. *The Explanation of Behaviour*. London, 1964; Daveney T. F. *Intentions and Causes*; Malcolm N. *The Conceivability of Mechanism*. — "The Philosophical Review" 76, 1968. Ч. Тейлор утверждает (с. 33), что интенции "вызывают" поведение. Однако он в то же время отрицает, что интенция является "каузальным антецедентом" поведения. Тейлор использует слово "причина" в том же смысле, в каком я использую термин "юмовская причина". Однако, как замечает Малкольм слово "причина" имеет и более широкое значение. Малкольм проводит различие между интенциями самого действия и ранее сформированными интенциями совершить некоторое действие. Первые ни в каком смысле нельзя назвать причинами, говорит он. Вторые же вызывают поведение и в этом смысле функционируют как причины, хотя и не как юмовские причины, если я правильно понял Малкольма. Анализ позиции Малкольма см. в: Iseminger G. *Malcolm on Explanations and Causes*. — "Philosophical Studies" 20, 1969.

(20) Роль единообразий в поведении справедливо подчеркивается в работе: Mc Intyre A. *The Antecedents of Action*. — In: *British Analytical Philosophy*, ed. by B. Williams and A. Montefiore. London, 1966. Однако, как мне представляется, автор некритично истолковывает единообразия как "каузальные законы". Например, то, что проигрыш в карты (постоянно) заставляет человека раздражаться, вряд ли можно рассматривать как "идеальный пример юмовской причинности", хотя положения тела, сопровождающие реакцию раздражения, могут иметь юмовские причины. Ср, ниже, гл. IV, разд. 5 о стимулах и ответных реакциях и механизмах "принуждения людей совершать действия".

(21) "Практический вывод", анализируемый в данной работе, отличается от того типа рассуждения, который исследуется в: Wright G. H. von. *Practical Inference*. — "The Philosophical Review" 72, 1963. Там в качестве заключения, вытекающего из посылок, рассматривалось нормативное суждение "А должен совершить а", Кроме того, эти два типа рассуждения отличаются от форм практического, или "ортопрактического", рассуждения, анализируемых в: Castaneda H. N. *Imperative Reasoning*. — "Philosophy and Phenomenological Research" 21, 1960/61, и Rescher N. *Practical Reasoning and Values* — "The Philosophical Quarterly" 16, 1966. Все эти типы рассуждений сходны, однако вряд ли они имеют общую родовую основу. См. также выше, гл. I, разд. 9, и: Wright G. H. von. *The Logic of Practical Discourse*.

(22) Логической особенностью практических выводов является то, что их посылки и заключение обладают свойством, называемым "неопределенностью референции". Оно означает, что нельзя без ограничения заменять описания выражаемых в них положений дел и результатов действия другими описаниями тех же положений дел и результатов. Действие, интенциональное при одном описании его результата, не обязательно будет интенциональным при другом описании его, а средства достижения цели, рассматриваемые как необходимые при одном описании, не обязательно будут таковыми при другом.

(23) О концептуальном характере и условиях, связанных с попыткой совершить действие, см.: Wright G.H. von. *Norm and Action*. Ch. III, Sect. 10, и : Mc Cormick S., Thalberg I. *Trying* — "Dialogue" 6, 1967.

(24) Конечно, он может и заблуждаться, В таком случае его ошибка обнаружится, когда он примется за совершение действия. Его поведение может быть совершенно непохоже на то, какое должно привести его к желаемой цели. Тем не менее оно может быть устремлено на эту цель, "пониматься" как усилие достичь ее.

(25) Можно предложить следующую формулировку заключения: "Следовательно, А (в настоящий момент) принимается за совершение а не позднее, чем во время t ". Я думаю, при такой формулировке заключения рассуждение действительно будет логически убедительным. В самом деле, "приниматься" сейчас за совершение действия в будущем вряд ли означает что-то еще, кроме того, что с настоящего момента и до какого-то времени в будущем агент остается верен сформированным

у него интенции и когнитивной установке (ср. обсуждение в разд. 8 изменений в интенциях и когнитивных установках). Однако мы в другом смысле понимаем здесь выражение "приниматься за совершение действия" (ср. выше, разд. 4).

(26) Я признателен А. Вуду за замечание различия между забвением интенции и забвением совершить желаемое действие.

(27) Ср. выше, прим, 18.

(28) О различии между двумя значениями выражения "способен совершить", а именно: между родовым значением, выражающим способность, и значением, выражающим успешность действия в отдельном случае, см.: Wright G. H. von. *Norm and Action*. Ch. III, Sect. 9.

(29) Однако в случаях явного противоречия между нашим общим представлением и конкретным примером мы можем предпочесть сохранить первое и дать другое описание противоречащей ситуации, а не соглашаться с тем, чтобы независимое описание этого конкретного случая ниспровергло наше обобщение (относительно характера, склонностей или привычек агента), которое мы считаем надежным. Мы говорим иногда: "Судя по тому, каков он, он должен именно это подразумевать под своим поведением", хотя данный человек упорно и, может быть, даже вполне честно отрицает наше понимание его интенции (подсознательные мотивы).

(30) Намерением агента не является спасение. Этого он хочет. Намерение же его состоит, грубо говоря, в том, чтобы сделать все возможное для того, чтобы спастись. Его интенцией является создание ситуации, в которой у него появится возможность избавиться от затруднения. Именно эта интенция побуждает его дать правдивый ответ на вопрос, почему он кричит "помогите!". Однако побуждение не носит необходимого характера. Как он ответит, зависит от эпистемической установки, дополняющей его интенцию. Он может полагать, что его спасут в любом случае, как только он привлечет к себе внимание, поэтому он может вполне безопасно рискнуть, обманывая помимо своих интенций и желаний, когда отвечает на вопрос.

(31) Ср. "заключительный посткрипtum" к статье: Malcolm N. *The Concievability of Mechanism*, p. 72.

(32) Ср.: Wittgenstein L. *Philosophische Untersuchungen*. Oxford, 1953, Sect. 337: "Интенция всегда включена в ситуацию, в общественные обычаи и институты".

(33) Подлинно "практический" вывод можно назвать также обязательством совершить действие. Это рассуждение от первого лица. Выраженное словами, его заключение таково: "Я совершу а (сейчас)" или "Я совершу а не позднее, чем во время t". Оговорки "если мне не помешают" или "если я не забуду о времени" не включаются в такой вывод. Однако они могут служить оправданием в том случае, если обязательство не было выполнено. Только при анализе ситуации с позиций наблюдателя ("третьего лица") следует формулировать заключение в более осторожной форме: "агент принимается за совершение действия", а также делать оговорки относительно отсутствия превентивных факторов и забывчивости.

(34) Проблема совместимости очень четко излагается в: Waismann Fr. *Language Strata*. — "Logic and Language", ed. by A. Flew. Oxford, 1953. Трудности, порождаемые этой проблемой, изложены в: Malcolm N. *The Concievability of Mechanism*. Термин "тезис совместимости", насколько я знаю, был предложен в работе: Flew A. *Determinism and Rational Behaviour* — "Mind" 68, 1959.

(35) "Лишенный интенциональности" — значит описанный таким образом, что поведение (движение) тела А неинтенционально при таком описании.

(36) Поэтому двухуровневое решение, предложенное Вайсманом и другими, не является решением проблемы. Вайсман проводит различие между действием как "серией движений" и действием как "чем-то, что имеет цель и значение". Действия в первом смысле, говорит он, детерминированы (физиологическими) причинами, действия во втором смысле — мотивами. Такое понимание очень близко к проводимому мною различию между поведением как движением и поведением как действием. Можно проследить небезынтесную связь двухуровневого понимания действия (или, как я предпочитаю говорить, поведения) с кантовским пониманием человека как "гражданина двух миров" — мира феноменов и мира ноуменов, с точки зрения, принятой в данной книге, действие является ноуменальным понятием, хотя и не точно в кантовском смысле.

(37) Wright G. H. von. *Norm and Action*. Ch. III, Sect. 3.

(38) Следует заметить, что разделение действий на базисные и небазисные относится к индивидуальным, а не родовым действиям (об этом различии см.: Op. cit., Ch. III, Sect. 2). Будет ли (индивидуальное) действие базисным или нет, зависит от того, как оно осуществлено в конкретном случае — непосредственно или посредством совершения другого действия. Насколько я могу судить, не существует непосредственно осуществленных действий, результат которых не мог бы быть вызван

другим действием. Следовательно, если согласиться с определением базисных действий, данным Данто в: Danto A. *What Can We Do?*, p. 435, то тогда, в противоположность тезису Данто, вообще не существует никаких базисных действий.

(39) Таким образом, "контрфактический элемент в действии", как я это назвал, состоит не в том, что не произошли бы какие-то изменения, если бы агент не произвел их. Контрфактический элемент выражается в уверенности агента, что не произойдет изменений, если он не будет действовать. Такая уверенность опирается на опыт. Однако это не значит, что между определенными изменениями (результатами действия агента) и поведением агента существует каузальная связь, Действие не является причиной событий в мире. Полагать обратное значило бы встать на позицию "анимизма". Если событие является результатом небазисного действия, то его причина в таком случае — это некоторое другое событие, являющееся результатом одного из наших базисных действий. С другой стороны, результаты базисных действий могут быть вызваны причинами, которые сами не являются результатами каких-либо наших действий. Установить их присутствие при совершении действия внешний наблюдатель может крайне редко. А мы — по логическим основаниям — не можем вообще это сделать, даже если бы могли (все время) наблюдать за процессами, происходящими у нас в мозгу.

(40) Wittgenstein L. *Zettel*. Sect. 608.

IV. ОБЪЯСНЕНИЕ В ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

(1) О роли вопросов "Что?" в исторических объяснениях см.: Dray W. N. "Explaining What" in *History*. — In: Gardiner P. (ed.). *Theories of History*. Glencoe, 1959.

(2) Идея "подведения под новое понятие" играет огромную роль в индуктивной философии У. Уэвелла, см. в особенности: Whewell W. *Novum Organon Renovatum*. London, 1858, Ch. V. Интересное применение этой идеи в области философии истории можно найти в работах Уолша. См., в частности: Walsh W. H. *The Intelligibility of History*. — *Philosophy* 27, 1942, p. 133—135, и его же: *An Introduction to the Philosophy of History*. London, 1951, p. 50 — 64.

(3) Этот "закон", исследование которого является главной темой гегелевского учения о бытии в первой части "Логики", можно рассматривать как общую идею антиредукционизма. Излюбленными примерами, как правило, служат примеры из химии (ср. Энгельс Ф. *Анти-Дюринг*, с. 130. — Маркс К. и Энгельс Ф, Соч., т. 20, и его же: *Диалектика природы*, там же, с. 609). Однако характер их весьма отличен от примеров этого же закона, взятых из социальной жизни. Это такие примеры, как превращение денег в капитал, анализируемое Марксом в "Капитале", или превращение буржуазной демократии в пролетарскую, описанное В. И. Лениным в "Государстве и революции" (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, гл. V, § 4). Закон перехода количества в качество представляется мне хорошей иллюстрацией тенденции Гегеля и писателей гегельянской традиции объединять под общим названием в корне противоположные понятия (ср. Winch P. *The Idea of Social Science and Its Relation to Philosophy*. London, 1958, p. 72—73).

(4) Много путаницы и неясности в дискуссии о причинности в истории проистекает оттого, что вопрос о соответствии определенной (каузальной) терминологии не отделяется от вопроса о применимости определенных (каузальных) категорий или понятий в историческом исследовании. Выдвигаемые против использования каузального языка в истории аргументы весьма различны. Иногда считают, что принятие в историческом исследовании модели объяснения посредством закона делает использование ("старомодной") каузальной терминологии излишней, и поэтому мы не должны (не обязаны) говорить о причинах в истории. Иногда полагают, что каузальной терминологии следует избегать именно в силу ее связи с моделью объяснения через закон, которая в этом случае отвергается. Концептуальная ясность редко достигается лингвистической реформой, и мне кажется бессмысленным и тщетным протестовать или предостерегать против каузальной терминологии, обычной для историков и социологов. Еще более это относится к предостережению против использования в науках о человеке методологического термина "каузальное объяснение" (ср. выше, гл. III, разд. 1, прим. 4). Однако эта проблема имеет и важный аспект, связанный с проблемой соответствия каузальных объяснений в истории и социологии подводящим схемам объяснения.

Когда Кроче, Коллингвуд или Оукшотт (Oakeshott M. *Experience and Its Models*. Cambridge, 1933, p. 131) восстают против причинности в истории, их протест направлен против применения в истории категорий, которые уместны в естественных науках. Кроче (Croce B. *La Storia come Pensiero e come Azione*. Bari, 1938, p. 16) говорит о "простой и фундаментальной истине... что понятие причины... должно оставаться чуждым истории, поскольку, возникнув на почве естественных наук, оно приложимо лишь в их сфере". Когда же, наоборот, Мандельбаум (Mandelbaum M. *The Problem of*

Historical Knowledge. N.Y., 1938; его же: Causal Analysis in History. — "Journal of the History of Ideas" 3, 1942) защищает законность каузального анализа и каузального объяснения в истории, он делает это, отчасти стремясь к расширению использования каузального языка, но отчасти в силу понимания каузальных связей как "оков зависимости" между событиями, которое, несомненно, распространяет и на естественные, и на гуманитарные науки. Сходная позиция, которая приравнивает причинность в истории к причинности в природе, излагается в: Cohen M. R. Causation and Its Application to History.

В немецком языке можно провести полезное различие между словами "Kausalität" и "Ursachlichkeit" и первый термин связать с более узким ("научным"), а второй — с более широким значением английского термина "causation". Ср.: Gadamer H.G. Kausalität in der Geschichte? — In: Ideen und Formen, Festschrift für Hugo Friedrich. Frankfurt/Main, 1964, S. 200: "Связь в истории обусловлена "Ursache", имеющей иной смысл, нежели "Kausalität".

(5) Целесообразно еще раз обратить внимание на неопределенность этой терминологии. Если "каузальное объяснение" в истории понимается в широком смысле, при котором оно не сводится к объяснению посредством общего закона, то тогда, несомненно, достаточные условия имеют "непосредственное" отношение к задачам исторических объяснений. В исследовании о человеке анализ объяснения в терминах отношений обусловленности так же важен, а различие между разными видами условий так же полезно, как и в естественных науках. Отличие состоит в том, что отношения обусловленности, выражающие номические причинные (юмовские) связи, обычно включены в исторические и социологические объяснения косвенным образом, так что справедливость таких объяснений не зависит от истинности включенной в них номической связи (ср. гл. III, разд. 1). Об использовании понятий обусловленности в каузальном анализе и историческом объяснении см.: Dahl O. Om årsaksproblemer i historisk forskning. Oslo, 1956; Marc-Wogau K. On Historical Explanation; Tranoy K. E. Historical Explanation: Causes and Conditions — "Theoria" 28, 1962.

(6) О причинах первой мировой войны см. интересную, хотя во многих отношениях спорную книгу Томсона (Thomson G. M. The Twelve Days. London, 1964). Томсон придает огромное значение "каузальной" роли новых ситуаций, которые образуются как случайные следствия различных политических действий.

(7) Это, конечно, не означает, что обычно актеры на сцене истории, совершая действия, формулируют в словах или мысленно практические рассуждения. Однако иногда они это делают.

(8) Концепция исторического процесса у Маркса — это главным образом попытка проследить истоки больших социальных изменений в изменениях технологии. Наиболее четкую формулировку см.: в: Маркс К. Предисловие. "К критике политической экономии". — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13. См. также: Elster J. Essays on Hegel og Marx. Oslo, 1969; его же : Teknologi og historie. — "Haften for kritiska studier" 2, 1969.

(9) Можно рассмотреть различие между отношением к "природе" у греков и христиан. Возникновение идеи о человеческом господстве над природой в силу способности проникать и управлять каузальными механизмами связано с секуляризацией иудео-христианской религиозной традиции. Однако этот процесс секуляризации был в свою очередь обусловлен развитием ремесел и вооружения в позднем средневековье, то есть изменениями технологического характера.

(10) Ср.: Wittfogel K. A. Die natürlichen Ursachen der Wirtschaftsgeschichte I — III. — "Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik" 67, 1932. Автор выделяет два типа производительных сил (Produktionskräfte): первые зависят от социальных условий, а вторые — от природных (геофизических) условий. Виттфогель доказывает, что у самого Маркса и у некоторых главных его последователей было точное понимание основной роли геофизических условий (das Naturmoment) в экономической и социальной истории.

(11) Мне кажется, что некоторые методологи искажают и преувеличивают роль фальсификации в построении научной теории. Важнейшая роль фальсификации связана с различными процедурами, характерными главным образом для естественных наук и традиционно изучаемыми в индуктивной логике: поиск причин, элиминация одной из объяснительных гипотез, конструирование "решающего эксперимента" для выбора между конкурирующими теориями и т.д. Концептуальный каркас, используемый для объяснения и описания явлений в этих процедурах, относительно стабилен. Изменение в концептуальных схемах, например принятие и отбрасывание парадигм в куновском смысле, является лишь косвенным (если вообще является) результатом "фальсификации".

(12) Т. Кун ("Структура научных революций") сомневается в том, что социальные науки достигли той стадии, на которой происходит всеобщее признание парадигм, а также ниспровержение старых и признание новых парадигм, составляющих "научную революцию" (с. 10—11). Истина, вероятно, состоит в том, что в социологии не существует всеобщих признанных парадигм, и это та особенность,

которая отличает ее от естествознания. Однако несомненно также, что марксистская социология играет роль господствующей парадигмы, хотя развитие марксистской науки свидетельствует о многочисленных попытках вырваться из-под власти парадигм. То, что марксисты называют "буржуазной" социологией, по-видимому, в большей мере включает в себя парадигмы, чем склонны полагать люди, воспитанные в рамках традиционного кумулятивистского представления о науке как постоянно растущем теле фактов и теорий. Следовательно, есть основание говорить о существовании параллельных типов социологии (ср.: Lowith K. Max Weber und Karl Marx. I—II. — "Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik" 67, 1932, S. 53). Они отличаются не столько в том, что придерживаются противоречащего друг другу понимания фактов, сколько в принимаемых парадигмах, в рамках которых дается описание и объяснение фактов. В различии парадигм отражается различие идеологий. Следовательно, "революции" в социологии — это следствия критики идеологии.

(13) Разграничение, которое я провожу, сходно с выделением Хартом (Hart H. L. A. *The Concept of Law*. Oxford, 1961) первичных и вторичных правил, Харт показал, и это большая его заслуга, что нормативная система, такая, как правопорядок, представляет собой единство этих двух типов правил. Такая система не носит монистического характера, который приписывает ей, например, Келсен (Kelsen H. *General Theory of Law and State*. Harvard Univ. Press, 1949), утверждающий, что любую правовую норму можно реконструировать как принудительную норму, т.е. как норму, предусматривающую санкции. Однако характеристика Хартом вторичных правил не кажется мне достаточно удачной.

(14) Что касается значения, придаваемого правилам в социологическом исследовании, интересно сравнить концепции социальной науки П. Уинча и Э. Дюркгейма. Оба автора придают большое значение правилам, однако ни один из них не проводит различия между двумя типами норм и правил, Дюркгейм преимущественно рассматривает нормы как правила, оказывающие нормативное давление на поведение. В свою очередь Уинч рассматривает нормы главным образом как правила, которые определяют институты или конституируют обычаи. Это различие в акцентах можно связать с различием методологий — "позитивистской" у Дюркгейма и "герменевтической" — у Уинча.

(15) Положение о принципиальной незавершенности исторического истолкования прошлого более подробно разработано в: Danto A. *Analytical Philosophy of History*. Cambridge, 1965. Особенно см, блестящую главу о нарративных предложениях, p. 143—181.

(16) См.: Lowith K. *Von Hegel zu Nietzsche*. Zurich, 1941, Pt. 1, Ch. i; а также: Maurer R. K. *Hegel und das Ende der Geschichte*. Stuttgart, 1965.

(17) Ср.: Buckley W. *Sociology and Modern Systems Theory*, p. 18.

(18) Как отмечалось выше в гл. I, разд. 10, кибернетика оказала воздействие на развитие некоторых областей современной марксистской философии и социологии.

Системно-теоретическая переинтерпретация гегелевской логики не приводит с необходимостью к "каузалистской" теории научного объяснения. Кибернетические объяснения в биологии, например объяснения целесообразного поведения в классической статье Розенблюта, Винера и Бигелоу (*Behaviour, Purpose, and Teleology*), являются "каузалистскими", или "механистическими", в том смысле, что они соответствуют модели объяснения через закон. Однако отсюда не следует, что использование кибернетических понятий для понимания социальных явлений в этом же смысле является "каузалистским". Как должен был показать обсуждаемый в тексте пример, явления, включающие интенциональность и подлинную телеологию, допускают описание их в кибернетических терминах.

(19) Ср.: Dahl O. *Om arsaksproblemer i historisk forskning*, p. 108.

(20) Согласование действия "железного закона истории" с капризами случайности всегда было научной проблемой для марксистского мышления. См, об этом: Carr E. H. *What is History?* p. 95f; Engels F. *Letter to Starkenburg 25.01.1894*. Ref. to Karl Marx und Friedrich Engels, *Ausgewahlte Schriften* II. Dietz, Berlin, 1955. (Энгельс Ф. Письмо В, Боргиусу 25.01.1894, — Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 39, с. 174).

(21) Ср.: Милль Д. С, Система логики, кн, VI, гл. III, § 2, с. 771: "Действий индивидуумов нельзя предсказывать с научной точностью...", Однако, добавляет Милль, в политической и социальной науке мы можем предсказывать факты "коллективного поведения масс", являющиеся лишь вероятными, "относительно каждого отдельного человека, взятого наудачу" (с.772).

(22) Rapp Fr. *Gesetz und Determination in der...*, p. 157f. Примеры из истории мысли см. также в: Keynes J. M. *A Treatise on Probability*. London, 1921, Ch. XXIX.

(23) Более подробный анализ эпистемологических проблем, связанных с идеей *Ausgleich des*

Zuffals см.: Wright G. H. von. The Logical Problem of Induction, Ch. VII, Sect. 3.

(24) Ср.: Wittgenstein L. Gespräche, aufgezeichnet von Friedrich Waismann. Ed. by B. F. Mc Guinness. Fr./M., 1967, p. 94: "Вероятность связана с сущностью неполного описания", а также: Wittgenstein L. Philosophische Bemerkungen. Oxford, 1964, p. 293: "Закон вероятности является законом природы, в чем убеждаются, когда он проявляется".

(25) Термин "историцизм" используют во множестве значений, что создает путаницу (ср.: Carr E. H. What Is History?, p. 86). Поппер (The Poverty of Historicism. London, 1957) понимает "под "историцизмом" такой подход, при котором считается, что главной целью социальных наук является предсказание исторических фактов (р. 3), Однако не все авторы, кого он обвиняет в историцизме, являются историцистами в этом смысле, и менее всех Гегель, один из главных объектов попперовских атак.

(26) Гегелевское понимание необходимости в истории — это, совершенно бесспорно, детерминизм типа осмысленности, а не предсказуемости. Необходимость, присущая историческому процессу, является концептуальной, логической (ср.: Lill Th. Hegel, Versuch einer kritischen..., S. 223). Эту позицию разделяют и такие философы-гегельянцы, как Кроче и Коллингвуд.

(27) Т, е. он должен быть осмыслен как действие, Ср.: Walsh W. H. "Meaning" in History. — In: Gardiner P. (ed.). Theories of History. Glencoe, 1959, p. 299.

(28) См.: Foot Ph. Free Will as Involving Determinism. — "The Philosophical Review" 66, 1957; см. также: Westermarck E. The Origin and Development of the Moral Ideas. London, 1906, Ch. XIII.

=====

G.H. von Wright
Explanation and Understanding, London, 1971
Philosophical papers
Vol.1,2,3. Oxford
1982,1983,1984

ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Избранные труды.

Часть I

Перевод первой части книги под общей редакцией доктора философских наук, профессора Г. И. Рузавина

Компьютерный набор — Сергей Петров
Дата последней редакции — 13.12.2000